
Карел Чапек
Сказки

КАРЕЛ ЧАПЕК

СКАЗКИ
и
ВЕСЁЛЫЕ ИСТОРИИ

Перевод
БОРИСА ЗАХОДЕРА

Киев - 1991

И (Чехослов.)

Ч 19

Эта книга - "Сказки" - познакомит вас с ещё одной стороной творчества замечательного чешского писателя Карела Чапека - со сказками.

Правда эти сказки совсем особенные,скорее не сказки, а веселые, занимательные истории: наряду со сказочными существами - русалками, домовыми, гномами - в них действуют самые обыкновенные почтальоны, пожарные, шоферы.

Неистощимая фантазия, выдумка, блистательный юмор Карела Чапека сделали эти сказки классическим чтением. Книга иллюстрированна самим писателем и его братом, известным художником Йозефом Чапеком.

Ч 4804010100 - 029 / А 13(02) - 91 -- без объявления

ISBN - 5 - 85260 - 029 - 6

О СКАЗКАХ КАРЕЛА ЧАПЕКА

Эти сказки — особенные.

Обычно в сказках рассказывается о том, что случилось давным-давно, в незапамятные времена. А тут почти всё происходит в наши дни.

В сказках дело чаще всего происходит в тридевятом царстве, в тридесятом государстве. А здесь почти всегда все чудеса творятся в хорошо знакомых каждому чешскому мальчику и девочке местечках и деревнях Чехословакии — Гро́нове, Упице, Тру́тнове, а то и в самой чешской столице — золотой Праге. Даже край света находится где-то поблизости, между Ко́стельце и Сва́тоновице...[1]

Чудес же в этих сказках немало. И самое интересное, что происходят эти чудеса нередко с самыми обыкновенными людьми — с бродягами и докторами, почтальонами и шофёрами, дровосеками и мельниками.

Почтальон играет в карты с «почтовичками» — почтовыми домовыми... Грозный волшебник Ма́гнаш давится сливовой косточкой, и к нему приходится вызывать врачей... Безработного дровосека увозят в султанство Сулейманское, чтобы он вылечил захворавшую принцессу...

Вот, оказывается, какие удивительные истории творились на белом свете совсем недавно!

Странно только, что никто этого не замечал. Никто, кроме автора этих сказок — замечательного чешского писателя Карела Чапека.

Словно у него одного было какое-то волшебное стёклышко, сквозь которое только и удаётся подсмотреть такие чудеса. Сквозь это стёклышко увидел он, например, что почта, обычнейшая почта,— на самом деле таинственное «заклятое место, где на стене висят такие заклинания, каких ни у какого чародея в конторе не сыщешь». Оно, это стёклышко, помогло ему подслушать, о чём беседуют ласточки и воробьи рано

[1] В чешском языке ударение, как правило, на первом слоге.

поутру; узнать, почему фокстерьерам рубят хвосты и почему они роются в земле, и как танцуют пёсьи русалки, и с каких пор вода выучилась говорить и петь...

Обо всём этом — и о многом другом — рассказывает вам Карел Чапек в этой книге. Рассказывает так, что трудно ему не поверить, и вместе с тем так, что нельзя не смеяться.

Большой, добрый и весёлый человек написал эти сказки.

Он родился и рос в маленьком чешском городке Мáле Свáтоновице. Мальчиком слышал он там множество прекрасных легенд и сказаний своего народа. Крестьянки из окрестных сёл познакомили его в своих рассказах с водяными, что приманивают неосторожных к воде пёстрыми ленточками и упрятывают под глиняный горшок погибшие души; с русалками и виламн — сказочными красавицами, танцующими на росистых ночных лугах; с вещими старухами Судьбичками; с домовыми; с грозными разбойниками и с прочими сказочными созданиями.

И, должно быть, тогда и блеснуло у него впервые то волшебное стёклышко, которое называется фантазией и без которого ещё никто не написал хорошую книгу.

Мальчик вырос и стал писателем — знаменитым писателем.

Но он не забыл своих старых знакомых — домовых и разбойников, русалок и водяных, с которыми познакомился в детстве. И он сумел рассказать о них так весело и забавно, как ещё никто никогда о них не рассказывал.

Когда вы подрастёте, вы непременно прочитаете замечательные книги большого чешского писателя Карела Чапека — романы, повести, рассказы, пьесы, написанные им для взрослых. А пока прочтите его сказки.

Я уверен, вам будет так же интересно и весело их читать, как весело было автору писать, а мне — переводить их для вас.

Борис Заходер

ПОЧТАЛЬОНСКАЯ СКАЗКА

Хотел бы я знать: если есть сказки обо всех на свете ремёслах и занятиях — о королях, принцах и разбойниках, о пастухах и рыцарях, чернокнижниках, великанах, дровосеках и водяных,— почему же не может быть хоть одной сказочки и о почтальоне? Ведь поглядите, что такое почта: это же, ей-богу, прямо какое-то заколдованное место! Кругом там всякие надписи вроде «НЕ КУРИТЬ!» и «СОБАК ВОДИТЬ ВОСПРЕЩАЕТСЯ» и много других страшных слов. Уверяю вас, столько объявлений и заклятий ни у одного чародея в конторе не найдёшь!

В общем, сразу видно, что почта — место таинственное и необыкновенное.

Скажите, ребята, кто из вас видел, что творится на почте по ночам, когда она заперта? То-то, наверно, хотелось бы вам поглядеть!

А один человек — да будет вам известно, был это пан Кольбаба, по должности почтальон и письмоносец,— своими глазами всё видел и рассказал о том остальным письмоносцам и почтальонам, а они — другим, пока не дошёл рассказ и до меня. А я не такой жадный, чтобы ни с кем не поделиться...

Ну, стало быть, поехали! Сказка началась.

В ту пору Кольбабе, по должности письмоносцу и почтальону, что-то надоела его почтальонская работа.

Сколько ходит-бродит, бегает, носится, поднимается и спускается бедный почтальон! За день сделает он не меньше двадцати девяти тысяч семисот тридцати пяти шагов. Прибавь-ка сюда ещё восемь тысяч двести сорок девять ступенек — вверх и вниз! Да и что он разносит? Одни повестки, счета, газеты и прочие никому не нужные вещи, от которых ни красы, ни радости! И сама почта — скучное и богом забытое место, где ничего сказочного не случается...

Так бранил в тот день пан Кольбаба свою почтальонскую долю.

И вдруг, представляете, вечерком уселся он на почте возле печки и с горя уснул. И невдомёк ему было, что уже шестой час. Пробило шесть, все остальные почтальоны и письмоносцы ушли и заперли почту, а пан Кольбаба всё спал взаперти как ни в чём не бывало.

Была уже, верно, полночь, когда его разбудил какой-то шорох, словно мышки по полу бегали.

— Батюшки мои! — сказал себе пан Кольбаба.— Оказывается, тут мыши завелись. Надо бы поставить мышеловку.

Смотрит он, где тут мыши, и видит, что это вовсе не мыши, а домовые-почтовички. Это, знаете, такие

маленькие и усатые гномики, ростом, сказать бы, примерно с небольшую курочку, с белочку или с лесного кролика, а на головах у них почтальонские фуражки, как у настоящих почтовых работников, и плащи-пелеринки, как у всамделишных письмоносцев.

«Ишь, окаянные!» — подумал про себя пан Кольбаба, но сам — молчок, ни гугу, и даже не пикнул, чтобы их не спугнуть.

И смотри ж ты! Один почтовичок раскладывает письма, которые утром пану Кольбабе придётся разносить; другой сортирует почту; третий взвешивает посылки и наклеивает на них ярлыки; четвёртый ворчит, что вот ящик не по инструкции обвязан; пятый уселся у окошечка кассы и пересчитывает деньги, как полагается приёмщику.

— Вот я так и думал! — ворчит этот гномик.— Кассир обсчитался на целый грош. Надо это дело поправить.

Шестой карлик сидит у телеграфного аппарата и выстукивает на нём телеграммы — вот так: так-так, так-так, так тактактак так. Но пан Кольбаба понял, о чём он телеграфирует, в переводе на человеческий язык это означало:

«Алло, министерство связи? У аппарата почтовый гном номер сто тридцать один. Сообщаю, что всё в порядке. Тчк. Коллега эльф Метлоу́сик простудился, взял бюллетень и не вышел на работу. Тчк. Всего хорошего. Тчк».

— Тут есть письмо в город Бамболимбона́ндо, в людоедском царстве,— подал голос седьмой лилипутик.— Как отправлять?

— Через узел связи Бе́нешов,— сказал восьмой коротышка.— Допишите там, коллега: «Людоедское царство, железнодорожная станция Нижний Треби́зо́н, почтовое отделение Кошачий городок, авиапочтой». Так. Ну вот и всё готово... А что, друзья, не перекинуться ли нам в картишки?

— Почему бы и нет? — сказал первый почтовичок и отсчитал тридцать два письма.— Вот карты, можем начинать.

Другой почтовичок взял эти письма и перетасовал их.

— Снимаю,— сказал первый карлик.

— Ну так сдавай,— говорит другой.

— Ну и карта,— проворчал третий,— смотреть не на что!

— Хожу,—сказал четвёртый и шлёпнул письмо на стол.

— Это мы возьмём,— отозвался пятый и положил своё письмо сверху.

— Крою! — сказал шестой и положил своё.

— Ого,— сказал седьмой,— у нас масть получше!

— А у меня козырной туз! — воскликнул восьмой и покрыл все письма своим.

Этого, дети, пан Кольбаба уже не мог вынести и воскликнул:

— Простите меня, господа домовые, что это у вас за игра?

— А, пан Кольбаба,— сказал первый почтовичок.— Мы вас, пан Кольбаба, не хотели будить, но, раз уж вы проснулись, присаживайтесь к нам за компанию.

Пан Кольбаба не заставил повторять приглашение и подсел к почтовичкам.

— Вот вам карты,— сказал второй гномик и подал ему несколько писем.— Можете ходить.

Пан Кольбаба посмотрел на письма, которые держал в руке, и сказал:

— Вы меня извините, господа гномики, но ведь у меня в руках не карты, а недоставленные письма.

— Всё правильно,— ответил третий лилипутик.— Это и есть наши игральные карты.

— Гм...— проговорил пан Кольбаба.— Не извольте гневаться, господа, но ведь в игральных картах должна быть семёрка, потом восьмёрка, потом девятка, десятка и дальше — валет, дама, король и самая старшая — туз. А тут ничего подобного нет.

— Вы ошибаетесь, пан Кольбаба,— сказал четвёртый малыш.— Да будет вам известно: каждое письмо имеет своё значение, смотря по тому, что там написано.

— Самая младшая карта,— стал объяснять первый карлик,— это так называемая семёрка, или маленькая. Это такие письма, в которых люди что-нибудь врут или выдумывают.

— Другая младшая карта — восьмёрка,— продолжал второй гномик.— А это письма, которые пишут только по обязанности и с неохотой.

— Третья маленькая карта — девятка,— сказал третий домовой.— Это те письма, которые пишутся из одной вежливости.

— Первая старшая карта — десятка,— сказал четвёртый.— Письмо, в котором сообщается что-нибудь новое и интересное.

— Вторая старшая карта — валет,— продолжал пятый.— Письмецо, которое люди посылают, когда хотят адресата утешить, порадовать.

— Дальше идёт дама,— подхватил шестой.— Это письма настоящих друзей.

— Четвёртая фигура ещё старше: король,— добавил седьмой.— Письмо, которое написано с любовью.

— А самая высшая карта, или туз,— закончил восьмой старичишка,— это такое письмо, в котором человек отдаёт другому всю свою душу. Это уж карта, которая кроет все остальные! Вот, например, пан Кольбаба, когда пишет мать своему ребёнку или вообще человек пишет тому, кого любит больше самого себя.

— А-а! — сказал Кольбаба.— Но хотел бы я знать, как вы узнаёте, что в этих письмах написано? Мне, господа, очень неприятно было бы слышать, что вы вскрываете конверты. Так, братцы, делать нельзя, это значило бы нарушать тайну переписки, и я бы вас, мошенников, должен был за это в полицию отвести. Разрази меня гром, это очень нехорошо — вскрывать письмо, которое не вам адресовано!

— Это мы, пан Кольбаба, и сами знаем,— сказал первый почтовик.— Но мы, дружище, на ощупь чувствуем, сквозь конверт, что в том письме есть. Равнодушные письма на ощупь холодные, а чем больше в письме любви, тем оно теплее.

— А если мы, почтовички, положим запечатанное письмо себе на лоб,— добавил второй,— то можем вам прочитать слово в слово всё, что там написано.

— Тогда другое дело,— говорит почтальон Кольбаба.— Но раз уж мы с вами тут встретились, так я бы хотел у вас кое-что ещё спросить... если, конечно, вас, господа, это не обидит.

— Для вас, пан Кольбаба,— отвечал третий гномик,— всё, что угодно. Спрашивайте.

— Я бы хотел знать,— сказал Кольбаба,— что, собственно, домовые едят?

— Всё, что придётся,— сказал четвёртый карапузик.— Домовые, которые живут в разных учреждениях, подбирают, как тараканы, то, что вы, люди, уроните на пол: крошки хлеба или кусочек булочки... Как вы знаете, пан Кольбаба, не так-то уж и много у вас, людей, еды остаётся...

— Но нам, почтовым домовым,— сказал пятый почтовичок,— живётся получше других. Мы себе иногда варим телеграфную ленту вместо макарон и мажем её почтовым клеем. Правда, надо, чтобы клей был из крахмала.

— Или можно марки облизывать,— припомнил шестой.— Это очень вкусно, только усы слипаются — прямо беда!

— А больше всего крошки подбираем,— рассказывал седьмой мужичок с ноготок.— Знаете, пан Кольбаба, потому-то в учреждениях так плохо и подметают, чтобы для нас оставались какие-нибудь крохи.

— Осмелюсь спросить,— продолжал расспрашивать Кольбаба,— где же вы тут спите?

— Вот этого мы вам, пан Кольбаба, не скажем,— отвечал восьмой крошка дедушка.— Если бы люди знали, где мы, домовые, проживаем, то они бы нас оттуда вымели. Нет уж, этого вам знать не полагается!

«Ну что ж, не хотите говорить — не надо,— подумал Кольбаба.— Я вас подстерегу, когда вы пойдёте спать!»

И снова уселся у печки, чтобы выследить их. Но только он там примостился, как начали у него сами собой слипаться глаза, и, прежде чем вы сосчитали бы до пяти, почтальон Кольбаба уснул и проспал, как сурок, до самого утра.

В тот раз почтальон Кольбаба никому ничего не рассказывал о том, что видел. Сами понимаете — на почте ночевать не полагается. Но только с той поры ему уже не скучно было разносить письма людям.

«Ну, пусть это письмо,— говорил он себе,— прохладненькое, зато вот это прямо-таки греет, такое оно горячее. Оно, наверно, от чьей-нибудь мамочки!»

И вот однажды сортировал он на почте корреспонденцию, которую вынул из почтового ящика, чтобы разнести её людям.

— Батюшки-светы,— сказал он вдруг,— вот письмо в заклеенном конверте, но на этом конверте нет ни адреса, ни марки!

— А-а,— сказал пан почтмейстер,— опять кто-то опустил в ящик письмо без адреса!

А в это время как раз на почте один человек отправлял своей матери заказное письмо; он это услыхал и говорит:

— Да разве бывают такие ослы, лопухи, разини, тюфяки, верблюды и олухи царя небесного, чтобы послать письмо и даже адреса на нём не написать?

— Ого! —сказал почтмейстер.— Да таких писем за год, милостивый государь, набирается целая куча. Вы, сударь, не поверите, до чего люди рассеянны!

Напишет письмо, сударь мой, и потом с ним бежит очертя голову на почту и забывает посмотреть, написан там адрес или нет! Ей-ей, сударь, это бывает чаще, чем вы думаете.

— Ну и ну! — удивлялся посетитель.— А что же вы с такими письмами делаете?

— Оставляем их, сударь, лежать на почте,— отвечал почтмейстер,— потому что мы не можем их, сударь, вручить.

Кольбаба между тем повертел письмо без адреса в руке и проворчал:

— Пан почтмейстер, это письмо такое тёплое, там, наверно, написано что-то очень душевное! Я думаю, надо бы всё-таки его доставить тому, кому следует.

— Раз там не написан адрес, ничего не выйдет — и баста! — отрезал пан почтмейстер.

— Так вы бы могли это письмо распечатать,— посоветовал посетитель,— и посмотреть, кто его написал.

— Так делать нельзя, сударь,— строго сказал пан почтмейстер,— потому что это, сударь, было бы нарушением почтовой тайны, которое строго карается.

И вопрос, казалось, был решён.

Но, когда посетитель ушёл, почтальон Кольбаба обратился к почтмейстеру:

— Прошу прощения, пан почтмейстер, но с этим письмом нам мог бы помочь некий пан почтовый домовой...

И тут ему пришлось всё рассказать: как однажды ночью он видел за работой почтовичков и как эти гномики умеют читать письма, не вскрывая их.

Пан почтмейстер задумался, а потом сказал:

— Чёрт возьми, а, пожалуй, это можно! Так вы попробуйте, Кольбаба. Если нам пан почтовик ска-

жет, что в этом запечатанном письме написано, мы, может быть, узнаем, кому оно адресовано.

И в ту же ночь почтальон Кольбаба остался на почте и стал ждать.

Было около полуночи, когда он услышал топоток — топ-топ-топ, словно мышки бегали,— а потом снова увидел почтовичков, которые сортировали почту, и взвешивали посылки, и считали деньги, и отстукивали телеграммы. А когда всё у них было готово, уселись на полу и стали играть письмами в шестьдесят шесть.

В эту минуту почтальон Кольбаба подал голос:

— Добрый вечер, господа малявки!

— А, пан Кольбаба! — отозвался самый старший почтовичок.— Садитесь-ка с нами играть в карты.

Кольбаба не заставил себя уговаривать и присел на пол.

— Хожу,— сказал первый малютка и положил свою карту на пол.

— Крою,— сказал второй.

— А я козырем! — отозвался третий.

Тут дошла очередь до пана Кольбабы, и он положил запечатанное письмо на три первые карты.

— Ваша взяла, пан Кольбаба,— сказал первый домовой.— Вы пошли самой старшей картой — червонным тузом.

— Извините, пожалуйста,— отвечал почтальон Кольбаба,— а вы уверены, что это туз?

— Ещё бы мне не знать! — сказал малютка.— Ведь это письмо написал юноша той девушке, которую он любит больше самого себя.

— А мне что-то кажется непохоже,— нарочно сказал почтальон Кольбаба.

— Напрасно сомневаетесь,— отвечал карлик.— А если не верите, так я вам сейчас это письмо прочту

Он взял письмо, положил его себе на лоб, закрыл глаза и начал читать:

«Дарагая мая Ма́рженка... (Тут три орфографические ошибки,— сказал почтовичок.— Надо писать: «дорогая моя».) Пешу тебе, что получил место шофёра и если хочишь можим сыграть сватьбу напеши мне если меня ещё любишь отпиши мне поскорей твой верный Фра́нтик».

— Ну, большое вам спасибо, господин домовой,— сказал Кольбаба,— именно это мне и нужно было знать. Очень вам благодарен.

— Не за что,— ответил малютка.— Но, да будет вам известно, тут много грамматических ошибок. Да, школа Франтику впрок не пошла!

— Мне бы только узнать, какая это Марженка или что это за Франтик,— пробормотал Кольбаба.

— Ничем не могу помочь, пан Кольбаба,— сказал крошка почтовичок.— Этого там не написано.

На следующее утро почтальон Кольбаба рассказал пану почтмейстеру, что письмо написал какой-то шофёр Франтик некоей барышне Марженке и что этот пан Франтик собирается на барышне Марженке жениться.

— Ах, чтоб тебя! — закричал пан почтмейстер.— Значит, у нас застряло очень важное письмо. Надо, чтобы девушка его получила!

— Я бы ей письмецо мигом доставил,— сказал почтальон Кольбаба,— кабы я только знал, как нашу барышню Марженку звать по-настоящему и в каком городе, на какой улице и в каком номере дома она проживает.

— Так бы, пан Кольбаба, каждый мог,— сказал пан почтмейстер.— Для этого не надо и почтальоном быть. Но мне бы очень хотелось, чтобы девушка получила письмецо.

— Ладно, пан почтмейстер,— согласился почтальон Кольбаба,— тогда я девушку разыщу, хоть бы мне целый год пришлось бегать и обойти весь белый свет!

С этими словами положил он в свою почтальонскую сумку таинственное письмо и краюшку хлеба, перекинул сумку через плечо и отправился на поиски девушки.

Ходил, ходил почтальон Кольбаба по белому свету и всюду спрашивал, не живёт ли здесь девушка Марженка, которая ждёт письма от своего жениха — шофёра Франтика. И обошёл он весь Литомержицкий округ, и Лоунский, и Раковницкий, и Плзень, и Домажлицы, прошёл Писек, и Будейовицы, и Пржелоуч-

ский округ, и Табор с окрестностями, и Чаславский округ, и Градец, и Йичинский, и Болеславский округа, побывал в Кутной Горе, Литомышле, Тршебоне, Воднянах, Сушице, Пржибраме, Кладно и Младой Болеславе, и в Вотицах, и в Трутнове, и в Соботке,

и в Турнове, и в Сланеме, и в Пелгржимове, и в Добрушке, даже в Упице и в Гронове, и у Семи Халуп, и на Кракорке был, и в Залесье,— ну, словом, короче говоря, везде и всюду, и повсюду расспрашивал о девушке Марженке.

Марженок он в Чехии нашёл, понятное дело, массу — общим числом сорок девять тысяч девятьсот восемьдесят, но ни одна из них не ждала письмеца

от шофёра Франтика. Некоторые из них ждали письма от какого-нибудь шофёра, но только оказывалось, что его звали не Франтиком, а Тоником, или Владиславом, или Вацлавом, Йозефом, или Яролимом, или Лойзиком, или же Флорианом, либо Иржиком, или Иоганном, или Вавринцем. Попадались даже и Доминик, Венделин и Еразим, но только не Франтик! А иные из этих Марженок опять же ждали письма от некоего Франтика, только тот, в свою очередь, был не шофёром, а слесарем или же фельдфебелем, столяром или кондуктором, иногда даже аптекарем, обойщиком, парикмахером или портным, но отнюдь не шофёром.

И так почтальон Кольбаба пробродил по белу свету ровнёшенько год со днём, но всё не мог вручить письмо той самой, настоящей Марженке. Много он всего повидал: видел города и сёла, поля и леса, восход и заход солнца, прилёт жаворонков и приход весны, сев и жатву, грибы в лесу и зреющие сливы, видел в Жатце хмель, а в Иельниче виноград, в Тршебоне карпов, а в Пардубицах пряники... А когда прошёл ровно год этого бесплодного хождения, сел он, пригорюнясь, у дороги и сказал себе:

— Значит, всё напрасно. Видно, эту Марженку мне никогда не найти!

Чуть не заплакал он от жалости. Жалко ему было Марженку, что не получила она письма от юноши, который любил её больше жизни; жалел он и шофёра Франтика, чьё письмо не мог доставить; жалел и самого себя — ведь столько он намучился с этим письмом, столько дорог исходил, в непогоду и в жару, в стужу и распутицу, и всё понапрасну.

Сидит он у дороги, горюет и видит, что по дороге едет какая-то машина. Едет потихоньку — так, километров шесть в час. И почтальон Кольбаба сказал

себе: «Наверно, какая-нибудь развалина. Еле-еле плетётся!»

Но когда машина подъехала поближе, видит он, что это — провалиться мне на этом месте! — роскошный, восьмицилиндровый «роллс-ройс», за баранкой сидит грустный-прегрустный шофёр, а сзади грустный, одетый в чёрное хозяин.

И когда этот грустный человек увидел у дороги замученного почтальона Кольбабу, он велел остановить машину и сказал:

— Садитесь, почтальон, я вас немного подвезу.

Почтальон Кольбаба обрадовался, потому что у него после такой долгой дороги уже ноги не ходили. Сел он рядом с этим грустным чёрным человеком,

и машина снова потихоньку, печально тронулась дальше.

Когда проехали они так километра три, заговорил почтальон Кольбаба:

— Осмелюсь вас спросить, хозяин: вы, вероятно, едете на похороны?

— Нет,— глухим голосом сказал грустный человек.— Почему вы думаете, что мы едем на похороны?

— Ну,— сказал почтальон Кольбаба,— потому что вы, сударь, изволите быть таким грустным.

— Я потому такой грустный,— загробным голосом отвечал чёрный человек,— что моя машина едет так тихо и грустно.

— Ну да,— сказал почтальон Кольбаба.— А почему же такая прекрасная машина так тихо и грустно едет?

— Потому, что её ведёт грустный шофёр,— печально отвечал чёрный человек.

— Ага,— сказал почтальон Кольбаба.— А позвольте, ваша милость, узнать, почему, собственно, этот пан шофёр такой грустный?

— Потому что он не получил ответа на письмо, которое отправил по почте ровно год и день тому назад,— отвечал чёрный человек.— Он, понимаете, написал своей милой, а она ему не ответила. Вот он и думает, что она его уже не любит.

Как только почтальон Кольбаба это услышал, он закричал:

— А смею вас спросить, не зовут ли вашего шофёра Франтиком?

— Его зовут Франтишком Свободой! — отвечал человек в чёрном.

— А ту барышню зовут Марженкой, да? — быстро спросил почтальон Кольбаба.

Тут отозвался грустный шофёр и сказал с жалостным вздохом:

— Мария Новакова зовут ту неверную, что забыла о нашей любви...

— Ага! — закричал почтальон Кольбаба радостно.— Милый вы мой, так это вы тот растяпа, олух, путаник, шляпа, лопух, бестолочь, растеряха, ротозей, тот зевака, петрушка, разгильдяй, рохля, тот ненормальный, полоумный, рассеянный, недотёпа, шут гороховый, тот пень, та дубина, та колода и то бревно, тот растрёпа и тот разиня, что нам подкинул в почтовый ящик письмо без адреса и без марки? Господи, как же я рад, что имею честь с вами познакомиться! Ну могла ли вам Марженка ответить на письмо, когда она до сих пор вашего письма не получила?

— Где, где моё письмо? — закричал шофёр Франтик.

— Ну,— сказал почтальон Кольбаба,— если вы мне скажете, где ваша Марженка проживает, так письмо, к вашему сведению, будет ей доставлено. Провалиться мне, ведь я уже ровно год и один день ношу это письмо в сумке и ищу по всему свету вашу барышню Марженку! Голубчик вы мой, ну-ка, живо, без промедления, моментально и без всяких отлагательств давайте мне адрес этой Марженки, и я пойду и доставлю ей письмецо!

— Никуда вы, милейший, не пойдёте,— сказал хозяин.— Я вас туда довезу. Эй, Франтик, теперь прибавь газу — и поехали к вашей Марженке.

Не успел он договорить, как шофёр Франтик прибавил газу, машина рванулась и понеслась... Милые вы мои! Шестьдесят, семьдесят, восемьдесят километров, сотня, сто десять, сто двадцать, сто пятьдесят, быстрее и быстрее!.. Мотор так и ревел, выл, гудел и пел от радости, и чёрный человек должен был обеими

руками держать шляпу, чтобы она не улетела, почтальон Кольбаба изо всех сил ухватился за сиденье, а шофёр Франтик только покрикивал:

— Ну, как едем, а? Сто восемьдесят километров в час! Эге-гей! Да ведь мы же не едем, мы

прямо-таки летим по воздуху! Гляньте-ка, как дорога тает! У нас крылья выросли!..

И, когда они пролетели так некоторое время со скоростью сто восемьдесят семь километров, показалась красивая беленькая деревушка — да, конечно же, это был Либнятов,— и шофёр Франтик сказал:

— Ну, вот мы и приехали!

— Тогда остановите машину,— сказал человек в чёрном, и автомобиль приземлился у околицы села.— Что, хороший ход у моей машины, а? — радовался чёрный человек.— А теперь, пан Кольбаба, вручайте этой барышне Марженке письмецо.

— А может,— сказал почтальон Кольбаба,— пан Франтик ей лучше устно расскажет, что в этом письме написано? Ведь в письме, что скрывать, много грамматических ошибок!

— Что вы! — ужаснулся Франтик.— Мне стыдно ей на глаза показаться, ведь столько времени она от меня ни строчки не получала!.. И потом,— добавил он уныло,— она, наверно, забыла обо мне и ни капельки меня не любит... Глядите, пан Кольбаба, она живёт вон в том домике, у которого окошечки такие светлые-светлые, как вода в роднике.

— Ну, я пошёл,— сказал почтальон Кольбаба, засвистел, как полагается: «Едет, едет почтальон, едет, едет почта!» — и зашагал — с правой ноги — к домику.

А там у светлого окошечка сидела бледная девушка и что-то шила.

— Бог помочь, барышня! — окликнул её почтальон Кольбаба.— Подвенечное платье себе шьёте?

— Да нет,— грустно сказала барышня Марженка,— саван я себе шью...

— Ну-ну-ну! — сочувственно сказал почтальон Кольбаба.— Ай-ай-ай, батюшки-светы, спаси и сохрани! Что за страсти вы рассказываете? Разве вы, барышня, больны?

— Нет, я не больна,— вздохнула барышня Марженка,— но сердце моё разрывается от горя...— и положила себе руку на сердце.

— Да господи ты боже мой,— закричал почталь-

он Кольбаба,— погодите вы, барышня Марженка, так отчаиваться! Осмелюсь спросить: почему, собственно, у вас сердце болит?

— Потому что уже ровно год и один день,— тихо отвечала барышня Марженка,— уже ровно год и один день жду я одного письмеца, которое всё не приходит и не приходит.

— Подумаешь, горе! — утешил её почтальон Кольбаба.— Вот я тоже ровно год и один день ношу в сумке одно письмецо и не знаю, кому бы его вручить... Знаете что, барышня Марженка? Отдам-ка я письмо вам!

И с этими словами подал ей письмо.

Барышня Марженка ещё больше побледнела.

— Пан почтальон,— сказала она тихим голо-

сом,— это письмо, наверно, не ко мне — ведь на нём и адреса нет!

— Да вы только распечатайте,— настаивал почтальон Кольбаба.— Если оно не к вам — возвратите его мне, и дело с концом!

Барышня Марженка дрожащими пальцами распечатала конверт, и, как только она начала читать, лицо её зарумянилось.

— Ну что,— спросил почтальон Кольбаба,— вернёте мне письмо или нет?

— Ни за что!—воскликнула барышня Марженка, и глаза её засияли от радости.— Пан почтальон, да ведь это же то самое письмецо, которого я ждала год и один день! Пан письмоносец, я прямо не знаю, что вам за него дать!

— Не знаете? Так я вам это скажу,— отвечал почтальон Кольбаба.— Дайте мне две кроны доплаты, потому что ваше письмо было без марки. Доплатное, понятно? Тьфу ты пропасть, из-за этих несчастных двух крон я и бегаю целый год со днём!.. Так, большое спасибо! — добавил он, когда получил две кроны.— А ответа, барышня, тут кто-то ждёт...— и кивнул головой шофёру Франтику, который стоял за углом.

А пока Франтик получал ответ, почтальон Кольбаба присел рядом с чёрным человеком и заговорил:

— Ровно год и один день, ваша милость, бегал я с этим письмом — ну и не даром! Взять хоть одно то, сколько я всего повидал! Как же красива и хороша наша земля где ни возьми — у Плзеня ли, у Горнце или у Табора!.. Ага, наш Франтик уже возвращается. Оно, конечно, такое дело скорее уладишь лично, чем письмом без адреса.

Шофёр Франтик ничего не сказал, но глаза у него так и сияли.

— Что же, поехали, пан шеф? — спросил он.

— Поехали,— сказал человек в чёрном.— Только сперва подбросим пана Кольбабу на почту.

Шофёр вскочил в кабину, нажал стартер, включил скорость и сцепление, и машина тронулась плавно и легко, словно во сне.

И уж будьте уверены, стрелка спидометра моментально показала сто двадцать километров в час!

— Ну и ход же у машины! — ликовал человек в чёрном.— А всё потому, что её ведёт счастливый шофёр!

И все они благополучно приехали на место. И мы с вами тоже.

РАЗБОЙНИЧЬЯ СКАЗКА

Было это ужасно давно — так давно, что и покойный старый Зелинка этого не помнил, а ведь он знал и моего толстого прадедушку, да будет земля ему пухом!

Так вот, в те времена хозяйничал на горах Брендах знаменитый и грозный разбойник Мерза́вио, самый страшный злодей из всех злодеев, со своими двадцатью одним подручным, пятьюдесятью ворами, тридцатью воришками и двумястами пособниками и укрывателями.

И представляете, этот Мерзавио подкарауливал на большой дороге либо перед Поршичи, либо перед Костельце, а то и перед Гроновым, когда поедет какой-нибудь там купец, богатый еврей или рыцарь на коне. Тут он выходил на дорогу, орал на него страшным голосом и отбирал всё его добро; да ещё ограб-

ленный должен был радоваться, что Мерзавио его не зарезал, не застрелил или не повесил на суку. Вот какой злодей и душегуб был этот Мерзавио!

Едет себе какой-нибудь купчишка по дороге, покрикивает лошадкам «но» да «пошёл» и радуется, что вот продаст в Трутнове свой товар. А когда въедет в лес, станет ему страшновато, как бы не напали разбойники, и он, чтобы виду не подать, насвистывает про себя весёлую песенку. И вдруг выйдет из леса человечище ростом с гору, толще нашего соседа пана Шмейкала, да ещё на две головы выше, и к тому же усатый до того, что за усами рожи не видно. Представьте, каково купцу, когда такой детина встанет перед его лошадками, рявкнет: «Кошелёк или жизнь!» — и наведёт на него пистолет, да не пистолет, а целую пушку!

Ясное дело, отдаёт купец свой кошелёк, а Мерзавио у него заберёт к тому же и товар, и коней, и кафтан. Обдерёт его как липку, да ещё кнутом поддаст жару, чтобы ему, бедняге, легче было бежать до дому. Да уж, говорю вам, был этот Мерзавио сущий висельник!

Но, поскольку кругом, куда ни глянь, не было другого разбойника (только где-то возле Маршова был какой-то, но против Мерзавио он был просто цыплёнок), шёл у Мерзавио разбойный промысел очень хорошо, и вскоре стал он богаче иного рыцаря. А так как у него был маленький сыночек, старый разбойник и подумал:

«Что ж, отдам-ка я его куда-нибудь в ученье! Пускай обойдётся мне это в пару тысчонок — не беда, карман позволяет. Пусть научится немецкому и французскому, пусть умеет говорить «битте шён» и «жевузем», и играть на фортепьянах, и танцевать кадриль, и есть с тарелки, и утирать нос платком, как

полагается по... как его?.. этикету. Хоть я всего-навсего разбойник, а сын у меня пускай будет не хуже какого-нибудь графчика! Раз я так решил — значит, баста!»

Сказал он так, посадил маленького Мерзавио перед собой на коня и вот уже скачет в Броумов. Там он ссадил сыночка с коня перед монастырём бенедиктинцев и, грозно звеня шпорами, пошёл прямёхонько к отцу настоятелю.

— Святой отец,— сказал он страшным голосом,— оставляю вам своего мальчишку на воспитание, чтобы вы его научили есть, сморкаться и танцевать, говорить «битте шён» и «жевузем» и всему, что полагается настоящему кавалеру. А ту́т,— прибавил он,— мешок дукатов, луидоров, флоринов, пиастров, рупий, дублонов, червонцев, талеров, гиней, серебряных гривен, голландских золотых, пистолей, соверенов, наполеондоров, чтобы он у вас мог жить как княжеский сынок.

Сказал, поверну́лся на каблуках — и обратно в лес, оставив отцам бенедиктинцам маленького Мерзавио на попечение.

Так-то и стал маленький Мерзавио обучаться у отцов монахов вместе со множеством княжат, графьят и других богатых мальчишек. И толстый отец Спиридон научил его говорить: по-немецки «питшён» и «го́рзама динр»[1], а патер Доминик вбивал ему в голову разные всякие французские «трешармé» и «сильвуплé»[2]; пан отец Амадеус учил юного Мерзавио реве-

---

[1] Искажённое немецкое «битте шён» — «пожалуйста» и «гехорзамер дийнер» — «ваш покорный слуга». *(Примеч. переводчика.)*

[2] Искажённое французское «трэ шарман» и «силь ву плэ» — «очень мило» и «пожалуйста». *(Примеч. переводчика.)*

рансам, менуэтам и приличным манерам, а отец регент Краупнер выучил его сморкаться так, чтобы звук был тонкий, словно у флейты, или нежный, как у кларнета, а не трубить, как контрабас, фагот, фанфара или иерихонская труба, как корнет-а-пистон или автомобильный клаксон, как трубливал, бывало, старый Мерзавио. Короче говоря, выучили его всему политесу и отменным тонкостям, как настоящего кавалера.

В общем, стал юный Мерзавио в своём чёрном бархатном наряде с кружевным жабо очень милым юношей и начисто забыл, что рос он когда-то в разбойничьем логове в диких горах Брендах и что его отец, старый злодей и разбойник Мерзавио, ходил в бычьей шкуре, укрывался конской попоной и ел сырое мясо прямо голыми руками, как полагается всем разбойникам.

Короче говоря, юный Мерзавио блистал знаниями и воспитанием. И как раз, когда он особенно отличился в науках, загремели конские копыта перед броумовским монастырём. С коня соскочил лохматый слуга, забарабанил в ворота, а когда его впустил привратник, грубым голосом сказал, что приехал за молодым паном Мерзавио, что, мол, его батюшка — старый Мерзавио — собирается помирать и зовёт к себе единственного сына для передачи своего дела.

Тут молодой Мерзавио в слезах попрощался с достойными отцами бенедиктинцами, со всеми остальными барчатами и студентами и поехал на Бренды, раздумывая, какое же дело хочет ему отказать отец, и клянясь себе в душе, что будет вести дело богобоязненно, благородно и с примерной учтивостью ко всем людям.

Так приехали они на Бренды, и слуга привёл молодого пана к смертному одру отца.

Старый Мерзавио лежал в огромной пещере на груде бычьих шкур, укрытый конской попоной.

— Ну что, Винцек,— с трудом проговорил он,— ведёшь, лентяй, моего мальчишку?

— Дорогой отец,— воскликнул юный Мерзавио, падая на колени,— да хранит вас господь долгие годы на радость ближним и к несказанной гордости вашего потомства!

— Легче, парень,— сказал старый разбойник.— Сегодня я отправляюсь в пекло, и нет у меня времени на твои фигли-мигли. Думал я, что оставлю тебе такое наследство, чтобы ты мог жить без забот. Но, разрази меня гром на этом месте, настали, видно, для нашего ремесла последние времена!

— Ах, батюшка,— вздохнул юный Мерзавио,— я и понятия не имел, что вы терпите нужду!

— Эхма! — пробормотал старик.— Видишь ли, у меня подагра. Приходилось работать поближе к дому. А ближайший большак купцы, прохвосты, всячески объезжали. Самое время, чтобы моим делом занялся кто-нибудь помоложе.

— Дорогой отец,— пылко сказал юноша,— клянусь вам всем на свете, что буду продолжать ваше дело, и обещаю исполнять его честно, с любовью и со всей учтивостью!

— Не знаю, как выйдет с учтивостью,— проворчал старик.— Я-то лично, правда, резал только тех, которые брыкались. Но кланяться, сынок, никому не кланялся. Понимаешь, в нашем деле это как-то не годится.

— А какое же, дорогой отец, ваше ремесло?

— Разбой,— сказал старый Мерзавио и скончался.

Так остался юный Мерзавио один-одинёшенек на свете, потрясённый до глубины души как смертью

старика отца, так и тем, что дал ему клятву стать разбойником.

Через три дня пришёл к нему тот самый лохматый слуга Вницек и сказал, что есть нечего и, стало быть, пора приниматься за дело.

— Дорогой Вницек,— жалобно сказал юный Мерзавио,— нельзя ли как-нибудь обойтись без этого?

— Ишь какой! — отвечал невежливый Вицек.— Тут тебе монашек не принесёт фаршированных голубей. Не жди. Кто хочет есть, должен работать!

Взял тогда юный Мерзавио лучшие пистолеты, вскочил на коня и поехал на большую дорогу, на дорогу — как бишь её? — к Батиевицам. Там он засел в засаду и стал ждать, когда поедет какой-нибудь купец, чтобы его ограбить. И действительно, через часок-другой показался на дороге суконщик, который ехал в Трутнов.

Молодой Мерзавио вышел из засады и низко поклонился. Суконщик удивился, что ему кланяется такой красивый пан, но тоже поклонился и сказал:

— Здравия желаю, ваша милость!

Мерзавио подошёл поближе и снова поклонился.

— Простите,— сказал он учтиво.— Надеюсь, я вам не помешал?

— Что вы, господь с вами! — отвечал суконщик.— А чем я вам могу служить?

— Умоляю вас, сударь, — продолжал Мерзавио,— не пугайтесь. Я — разбойник, страшный Мерзавио с Бренд.

Суконщик был тёртый калач и ни капли не испугался.

— Вот так штука! — весело сказал он.— Так, значит, мы коллеги. Я ведь тоже разбойник, кровавый Чепелка из Костельце. Разве вы меня не знаете?

— Не имел чести,— отвечал Мерзавио смущённо.— Я тут, пан коллега, впервые. Я только что унаследовал дело своего отца.

— Ага,— сказал пан Чепелка,— вы наследник старого Мерзавио с Бренд? Так, так. Это старая знаменитая разбойничья фирма. Очень солидное предприятие, пан Мерзавио. Поздравляю вас! Но знаете что? Я ведь был большим другом вашего покойного папаши. Как-то мы с ним встретились, а он мне и говорит: «Слушай, кровавый Чепелка! Мы с тобой соседи и коллеги, так давай поделимся по-честному: большая дорога от Костельце до самого Трутнова будет твоя, и на ней будешь грабить ты один». Сказал он так, мы с ним по рукам и ударили.

— Ах, тысячу раз прошу извинить меня! — учтиво отвечал юный Мерзавио.— Я действительно не имел понятия, что здесь ваш участок. Мне искренне жаль, что я сюда вторгся.

— Ну, первый раз не считается,— говорит хит-

рый Чепелка.— А ещё ваш папаша сказал: «Слышь-ка, кровавый Чепелка: если только сюда я или кто-нибудь из моих людей нос сунет, ты можешь у него взять пистолеты, и шапку, и камзол, чтобы он помнил, что это твоё хозяйство». Так-то сказал ваш старый батюшка.

— В таком случае,— ответил юный Мерзавио,— я вынужден покорнейше просить вас, чтобы вы приняли эти пистолеты с насечкой, мой берет с настоящим страусовым пером и этот камзол из аглицкого бархата на память и в доказательство моего глубочайшего уважения, а также сожаления о том, что я причинил вам такую неприятность.

— Что ж, так и быть,— говорит в ответ Чепелка,— давай-ка вещички сюда. Первый раз прощается. Но больше, милый мой, чтобы я тебя тут не видел... Но, лошадки! С богом, пан Мерзавио!

— Благослови вас господь, благородный и добрый человек! — крикнул вслед ему юный Мерзавио и вернулся на Бренды не только без добычи, но и без своего собственного камзола.

Там его Винцек вдобавок здорово выругал и строго-настрого наказал, чтобы он в следующий раз без разговоров зарезал и обобрал первого, кого встретит.

И вот на другой день юный Мерзавио стал караулить со своей тоненькой шпажонкой на большой дороге возле Збечника. Через некоторое время на дороге показался огромный воз, полный всякого добра.

Юный Мерзавио вышел из засады и закричал:

— К великому моему сожалению, придётся мне, сударь, вас заколоть! Прошу вас помолиться и поживее приготовиться к смерти.

Возница упал на колени, стал молиться и думать, как бы ему выкрутиться из этой истории. Прочёл «Отче наш» раз, другой, но никакой хитрости ему

в голову не приходило. Уже в десятый и двенадцатый раз прочёл, а толку никакого.

— Ну как, сударь,— закричал юный Мерзавио, напуская на себя грозный вид,— готовы вы к смерти?

— Держи карман, готов! — сказал возница, лязгая зубами.— Я ведь великий грешник — тридцать лет, как не был в церкви, сквернословил, богохульствовал, играл в кости и вообще грешил на каждом шагу. Вот если бы я мог в Полице исповедаться, то мне бы, наверно, господь грехи отпустил и не отправил бы мою душу в ад... Знаете что? Я моментально слетаю в Полице, а когда исповедаюсь — вернусь, и вы меня заколете.

— Хорошо,— согласился Мерзавио.— Я вас тогда подожду тут, возле воза.

— Угу,— сказал возница.— Только вы мне, пожалуйста, одолжите вашего конька, чтобы я поскорее обернулся.

И на это согласился учтивый разбойник. Возница сел на коня Мерзавио и поехал в Полице, а Мерзавио выпряг его коней и пустил их пастись. Но возчик этот был большой плут. Он не поехал в Полице на исповедь, а доехал только до ближайшего трактира и там рассказал, что на большой дороге его ожидает разбойник; да ещё в трактире выпил для куражу, взял там трёх работников и налетел с ними на Мерзавио. Вчетвером они страшно отдубасили беднягу Мерзавио и гнались за ним до самых гор. И учтивый разбойник вернулся в свою пещеру избитый и ограбленный.

В третий раз вышел Мерзавио на большую дорогу возле Находа и стал ждать, какую добычу пошлёт ему судьба. Вот едет возок, покрытый брезентом, а на нём торговец везёт на ярмарку в Наход расписные пряники.

Выскочил тут юный Мерзавио на дорогу и крикнул:

— Сдавайся, добрый человек, — я разбойник! (Так его научил лохматый Винцек.)

Торговец остановил лошадь, почесал в затылке, а потом приподнял брезент и говорит:

— Эй, старуха, здесь какой-то пан разбойник.

Тут брезент развернулся, из-под него вылезла толстая бабка, подбоченилась и напустилась на юного Мерзавио:

— Ах ты антихрист, ах ты бандит, безбожник, безобразник, башибузук, ворюга, взломщик, висельник, ах ты грешник, головорез, грубиян, ах ты грабитель, дармоед, ежовая голова, еретик, живоглот, ах ты злодей, зверь, ах ты ирод, изверг, идол, ах ты

каин, кровопивец, каторжный, ах ты лентяй, лодырь, людоед, как ты смеешь нападать на честных и почтенных людей?

— Простите, мадам, — растерянно пролепетал Мерзавио,— я не имел представления о том, что в карете есть дама...

— Оно сразу видно, что есть,— продолжала торговка,— и ещё какая дама!.. Ах ты Махамет, мракобес, негодник, нехристь, нахал, оболтус, озорник, ах ты преступник, паршивец, плут!..

— Тысячу извинений, мадам, если я вас напугал! —умолял Мерзавио в ужасном смущении.— Трешармé, мадам, сильвуплé, заверяю вас в своём искреннейшем сожалении, что, что...

— Убирайся отсюда, безобразник,— кричала достойная дама,— пока я тебе не сказала, что ты поганец, пустопляс, пропащий человек, разбойник и Ринáльдо Ринальди́ни, сатана, тюремная птица, трус, тигр, татарин, турок, тиран и уголовник!..

Продолжения юный Мерзавио уже не слышал, потому что пустился наутёк и остановился только на самых Брендах. Но и там ему всё ещё казалось, будто ветер доносит что-то вроде: «Убийца, фанфарон, хулиган, христопродавец, чудовище, чучело, эгоист, язва...»

Дальше — больше. Под Ратиборжицами юный разбойник остановил золотую карету, но в ней сидела ратиборжицкая принцесса, и была она так прекрасна, что Мерзавио в неё влюбился и взял у неё — и то с её согласия — только надушенный платочек. И, понятное дело, благоуханием платочка шайка на Брендах не могла насытиться. А в другой раз под Суховершицами встретил он мясника, который вёл корову в Упице на убой, и хотел его зарезать, но мясник стал просить, чтобы он передал отцовский наказ всем его

двенадцати сироткам. И такие он говорил жалостные, красивые и трогательные слова, что Мерзавио расплакался и не только отпустил мясника с его коровой, но и дал ему двенадцать дукатов, чтобы тот всем своим ребятишкам подарил по золотому на память о грозном разбойнике Мерзавио. А был этот прохвост-мясник старым холостяком, и у него даже кошки не было, а не то что дюжины ребятишек.

Ну, короче говоря, каждый раз, когда Мерзавио собирался кого-нибудь ограбить или убить, обязательно мешали ему учтивость и деликатность, и он не только ни у кого ничего не взял, но вдобавок всё своё потерял.

Худо, совсем худо шли у него дела. Все его подручные вместе с лохматым Винцеком разбежались и предпочли честно работать, как все люди; сам Винцек пошёл в работники на гроновскую мельницу, что и сейчас там стоит за церковью.

Юный Мерзавио остался один-одинёшенек в своей разбойничьей пещере на Брендах. Голод его мучил, и стал он раздумывать, куда же ему податься. Тут-то вспомнил он об отце настоятеле бенедиктинского монастыря в Броумове, который его очень любил, и отправился к нему спросить совета.

Пришёл он, упал на колени, заплакал и рассказал, что вот дал он клятву своему отцу стать разбойником, но так как воспитание получил тонкое и благородное, то никак не может он никого ни убить, ни обобрать. Что же ему делать и как тут быть?

Отец настоятель, выслушав всё это, взял двенадцать понюшек табаку и двенадцать раз подумал, а потом сказал:

— Чадо моё возлюбленное, хвалю тебя за доброту и учтивость, но разбойником быть ты не можешь — как потому, что это смертный грех, так и потому, что

ты этого не умеешь. Но, дабы ты сдержал клятву, данную твоему батюшке, будешь и впредь обирать людей, однако честным путём. Поступай-ка ты на место сборщика дорожной пошлины. И будешь ты подстерегать людей на большой дороге, а когда кто-нибудь поедет, налетишь на него и потребуешь два крейцера пошлины. И притом можешь ты дело своё исправлять со всей учтивостью, на какую ты способен.

Потом отец настоятель написал письмо пану окружному начальнику в Трутнов и в письме том просил пана начальника, чтобы тот соизволил дать юному Мерзавио где-нибудь место сборщика дорожной пошлины. И отправился с тем письмом молодой Мерзавио в Трутнов, в окружную управу, и вскоре получил место сборщика в Залесье.

Так стал учтивый разбойник сборщиком пошлины на большой дороге; он останавливал телеги и кареты и со всей учтивостью брал два крейцера пошлины.

Много лет спустя поехал как-то броумовский настоятель в Упице навестить тамошнего священника Он уже заранее радовался, что в будке у Залесья увидит учтивого Мерзавио и узнает, как ему живётся-можется. И действительно, у шлагбаума остановил его экипаж усатый человек — был это не кто иной, как Мерзавио,— и, что-то ворча, протянул руку.

Отец настоятель полез в карман, но, так как был немного тучен, пришлось ему одной рукой придерживать брюхо, чтобы другой рукой попасть в карман штанов, а на это потребовалось время.

И тут Мерзавио как рявкнет:

— Ну, что там ещё? Сколько прикажете ждать, пока вы эти несчастные два гроша достанете?

Отец настоятель порылся в кошельке и говорит:

— Ах, батюшки, у меня крейцеров-то нет! Попрошу вас, братец, разменяйте мне пятачок.

— А, чтоб вас! — раскричался Мерзавио.— Если нет денег, так зачем вас черти носят? Или давайте два крейцера, или катитесь обратно!

— Мерзавио, Мерзавио,— сказал отец настоятель печально,— неужели ты меня не узнаёшь? И куда же девалась твоя учтивость?

Мерзавио смутился — он только тут узнал отца настоятеля. Он чуть не проворчал какую-то ужасную грубость, но удержался и сказал:

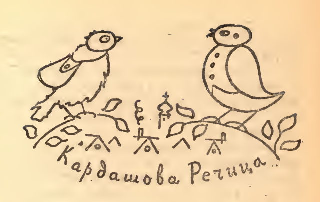
— Ваше преподобие, не удивляйтесь, что я теперь стал неучтив. Кто и где видел когда-нибудь сторожа, сборщика, городового или судебного пристава, который бы не был немного ворчуном?

— Что правда, то правда,— согласился настоятель.— Такого ещё никто никогда не видел.

— Вот видите,— проворчал Мерзавио.— А теперь поезжайте наконец ко всем чертям!

Тут сказке об учтивом разбойнике конец, и сам он, наверно, уже умер. Но его потомков вы встретите на многих и многих должностях и сразу узнаете их, потому что они великие охотники ни с того ни с сего браниться и ругаться. А это ведь нехорошо!

ПТИЧЬЯ СКАЗКА

Эх, ребятишки, вы, наверно, и не знаете, о чём птицы разговаривают! А они ведь тоже говорят на человечьем языке, но услышать их можно только очень рано, на восходе солнца, когда вы ещё спите. Позже, днём, им уже некогда поговорить по-человечески: сами знаете, хлопот у них полон рот — там надо склевать зёрнышко, тут выкопать червячка или где-нибудь в воздухе схватить мошку. Бедный птичий папаша прямо крыльев под собой не чует — ведь птичья мамаша сидит дома и воспитывает детей. Потому-то птицы говорят только очень-очень рано, когда открывают в своих гнёздах окна, вывешивают проветриться перинки и варят завтрак.

— Эй, приветик! — кричит чёрный дрозд, у которого гнездо на сосне, соседу-воробью, что живёт в водосточной трубе.— Пора вставать.

— Вижу, вижу, вижу! — говорит воробей.— Сейчас полечу поищу, где бы что-нибудь — щип, щип, щип — поесть! Так?

— Верно, верно,— воркует голубь на крыше.— Трудно, трудно жить, братец. Мало зерна, мало зерна!

— Так, так,— откликается воробей, вылезая из постельки.— А всё эти автомобили, вишь! Пока было много лошадей, всюду зерно валялось, а теперь? Теперь авто пролетит и не оставит после себя ничего. Ишь, ишь, ишь!

— Только смердит, только смердит,— ворчит голубь.— Не жизнь, а каторга, брр! Хоть всё бросай, братец. Сколько я кружусь и кувыркаюсь, а что получаю за работу? Горстку зерна. Пропади всё пропадом!

— А воробьям, думаешь, лучше? — топорщится воробей.— Я тебе скажу: кабы не семья, я бы куда-нибудь улетел.

— Как тот воробей из Дейвиц,— отозвался из чащи крапивник.

— Из Дейвиц? — переспросил воробей.— Там у меня есть один знакомый, Филиппом звать.

— Это не тот,— сказал крапивник.— Того воробья, что улетел, звали Пе́пиком. Был это такой растрёпа-воробей. Бывало, никогда порядком не умоется, не причешется — только целый день трещит, что в Дейвицах скука и тоска, а вот, мол, другие птицы, те зимой улетают на юг, скажем на Ривьеру или в Египет,— взять хоть скворцов, ласточек, аистов,— один только воробей всю жизнь мучается в Дейвицах!

«А я так жить не желаю! — кричал тот воробей, по имени Пепик.— Если летает в Египет какая-нибудь ласточка, что живёт на углу, почему бы и я, братцы, не мог тоже туда полететь? Вот нарочно возьму и полечу, да будет вам известно! Только вот соберу имущество: зубную щётку, ночные рубашки, тросточку и мячики для тенниса... Погодите, я ещё там всех в тен-

нис обставлю! Я придумал уже всякие штучки. Сделаю, например, вид, что бью по мячу, а вместо этого сам полечу, а когда на меня махнут ракеткой, я возьму и упорхну — что, что, что? А когда всех обыграю, куплю Вальдштейновский дворец и там себе устрою на крыше гнездо, но не из какой-нибудь простой соломы, а из чистой рисовой соломы, и морской травы, и конского волоса, и беличьих хвостов — что, что?!»

Так хвастался тот воробьишка и каждое утро кричал, что сыт он этими Дейвицами по горло и полетит на Ривьеру.

— И полетел? — спросил дрозд с сосны.

— Полетел,— продолжал крапивник.— Как-то утром он отправился на юг. Но ведь воробьи на юг никогда не летают и не знают туда толком дороги. Да к тому же был он гол как сокол — то есть денег у него не было даже на гостиницу. Ведь сами знаете, воробьи от роду пролетарии, потому что целые дни напролёт перелетают с места на место. Короче говоря, добрался воробей Пепик только до Кардашовой Речицы, а дальше не мог двинуться — ни гроша у него не осталось. Ещё был он рад, что ему воробьиный староста в Кардашовой Речице по-дружески сказал:

«Ах ты, такой-сякой, бездельник, бродяга, ты что думаешь, у нас в Кардашовой Речице напасено конских яблок и козьих орешков на всех бродяг, дармоедов и праздношатающихся? Если хочешь, чтобы мы тебя прописали в Кардашовой Речице, так не смей клевать ни на площади, ни возле гостиницы, ни на дороге, как мы, старожилы, а только за околицей, на гумне. А квартиру тебе данною мне властью отвожу в клочке соломы на сарае дома номер пятьдесят семь. Заполни адресный листок, распишись вот тут в получении — и пошёл отсюда, чтобы я тебя больше не видел!»

Вот как воробей Пепик из Дейвиц вместо Ривьеры угодил в Кардашову Речицу, да там и остался.

— Он и сейчас там? — спросил голубь.

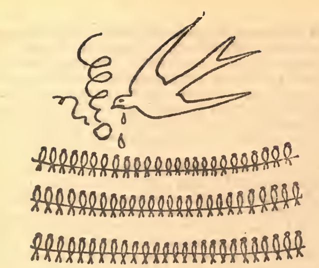
— И сейчас,— сказал крапивник.— У меня в Кардашовой Речице есть тётенька, она мне о нём и рассказывала. Он и там только смеётся над кардашоворечицкими воробьями и шумит, что, мол, воробьям здесь одна тоска и скука, не то что в Дейвицах: и трамвая нет, и машин мало, и футбольных состязаний между «Спартой» и «Славией» нет — в общем, совсем ничего нет, а ему, мол, и в голову не придёт подыхать от скуки в Кардашовой Речице, он приглашён на Ривьеру и, мол, только ждёт, когда ему придут из Дейвиц деньги. И столько он там всего начирикал о Дейвицах и о Ривьере, что и в Кардашовой Речице воробьи начали верить, что в другом месте им будет лучше, и потому уже и о пропитании не думают, а только чирикают, и галдят, и шумят, как водится у всех воробьёв на свете, и говорят:

«Всюду лучше, чем у нас, жить, жить, жить!»

— Да уж,— подала голос синичка, сидевшая в терновом кусте,— бывают же такие странные птицы! Тут возле Колина, в таких богатых местах, жила одна ласточка. Она начиталась в газетах, что, мол, у нас всё идёт плохо, а вот зато в Америке, дорогие мои, другое дело — там не жизнь, а малина! И вот эта ласточка вбила себе в голову, что ей надо обязательно на Америку поглядеть, и отправилась туда

— Как? — быстро спросил крапивник.

— Этого я не знаю,— сказала синица.— Скорее всего, на корабле. А может быть, и на воздушном корабле. Ведь она могла на брюшке воздушного корабля сделать себе гнездо или — как это? — кабину с таким окошечком, чтобы можно было высунуть голову, а то и сплюнуть вниз. Словом, через год она верну-

лась обратно и стала рассказывать, что была в Америке и там всё не так, как у нас: «Куда там! И сравнения никакого нет! Там во всём большой прогресс. Дома такие высоченные, что если б было там у воробья гнездо на крыше и из этого гнезда выпало у него яичко, это яичко падало бы так долго, что, пока бы оно упало, из него вывелся бы по дороге маленький воробышек, и вырос, и женился, и завёл бы кучу детей, и состарился бы, и умер в преклонных годах, так что вниз, на тротуар, упал бы вместо воробьиного яичка старый дохлый воробей. Вот какие высоченные дома!» И ещё та ласточка говорила, что в Америке всё строят из бетона и что она тоже этому научилась. И пусть, мол, только придут все ласточки посмотреть, она и им покажет, как строить ласточкино гнездо из бетона, а не из какой-нибудь грязи, как глупые ласточки делали до сих пор.

И вот, представляете, слетелись ласточки из самого Часлава, и Пшелоуча, из Чешского Брода и из Нимбурка, даже из Соботки и Челаковиц. Столько собралось ласточек, что для них людям пришлось натянуть семнадцать тысяч триста сорок девять метров телефонных и телеграфных проводов, чтобы этим ласточкам было на чём сидеть. А когда уже все ласточки собрались, эта американская ласточка и говорит:

«Итак, леди и джентльмены, прошу внимания! Смотрите. как в Америке строят гнёзда или здания из бетона. Первым делом надо принести кучку цемента. Потом кучку песку. Далее всё поливается водой, и получается такая каша, и из этой-то каши и строится современное гнездо. А если у вас нет цемента, то можно обойтись и без него. Тогда делайте кашу из извести и песку, но только известь должна быть гашёная. Сейчас я вам продемонстрирую, как гасится известь».

Сказала и — порх! — полетела за известью на стройку, где работали каменщики. Взяла она зёрнышко негашёной извести в клюв и — фьють! — полетела с ним обратно. Но так как в клювике всегда влажно, начала эта известь у неё во рту гаситься, зашипела и стала её жечь. Ласточка испугалась, выпустила зёрнышко изо рта и закричала:

«Вот видите, как гасится известь! Ой, батюшки, как жжёт! Мамочка родная, как щиплет, ай-ай-ай, ах, чтоб тебе, ох-ох-ох, вввввв, прах тебя возьми, ла-ла-ла, бррр, караул, ах-ах-ах, ффф, чтоб ты, будь ты, фу-фу-фу, эх-эх, спасите, ми-и-лые вы мои, уф, уф, да тьфу ты пропасть, хе-хе-хе, ую-уй-юй, ну что ты будешь делать, пинь-пинь-пинь, тарарах, ой, родимые, увы и ах, проклятье, ууууу, ну что же это, тц-тц-тц, аяяй, тьфу-тьфу-тьфу, так вот как гасится известь!»

Но остальные ласточки, услыхав, как она хнычет, ругается и причитает, недолго думая потрясли хвостиками и полетели домой.

«Ещё не хватает, чтобы и мы себе клювы сожгли!» — сказали они.

Вот поэтому ласточки и доныне строят гнёзда из грязи, а не из бетона, как учила их эта ласточка из Америки... Ну, хватит болтать, друзья, надо мне лететь за покупками.

— Кума синичка,— окликнула её пани дроздиха,— раз уж вы летите на базар, прихватите там и на мою долю кило дождевых червей, только хороших, длинных, а то мне сегодня некогда — я должна учить детей летать.

— С большим удовольствием выручу вас, соседка,— сказала синица.— Уж я, милая моя, знаю, сколько маеты, пока научишь детей прилично летать!

— А вы не знаете,— сказал скворушка с берёзы,— кто нас, птиц, научил летать? Тогда я вам расскажу. Я узнал это от карлштейнского ворона, который к нам сюда прилетел, когда, помните, были большие морозы. Ворону этому уже сто лет, а он слышал это от своего дедушки, которому рассказывал его прадедушка, а тому — прадедушка его бабушки с материнской стороны, так что вся история — святая-пресвятая правда. Так вот, как вы знаете, иногда ночью видно, что падает звезда. Но некоторые из падающих звёзд — совсем и не звёзды: это золотые небесные яйца. А пока такое яйцо падает с неба, оно по дороге раскаляется и потому светится. И всё это святая истина, потому что мне рассказывал сам карлштейнский ворон. Только люди такие небесные яйца называют как-то иначе, как-то вроде «метр» или «монтёр», не то «мотор» — что-то в этом духе...

— Метеор! — сказал дрозд.

— Верно, — согласился скворушка. — Так вот, в ту пору птицы ещё не умели летать, а бегали по земле, как куры. И когда они видели, как падает с неба такое яйцо, они думали, что хорошо бы его высидеть и посмотреть, что за птица из него выйдет. Всё это чистая-пречистая правда — ведь так говорил сам ворон. Вот однажды вечером они как раз об этом говорили, как вдруг совсем рядом за лесом — хлоп! — упало с неба золотое сверкающее яйцо, только свист пошёл! Ну, они все туда кинулись, а впереди всех аист — ведь у него самые длинные ноги. И аист это золотое яйцо нашёл и взял в лапки, но оно так раскалилось, что аист себе обжёг обе лапки, пока донёс яйцо к остальным птицам. Тогда он — гоп! — прыгнул в воду, чтобы остудить обожжённые лапки. Потому-то с той поры все аисты бродят по воде. Это мне рассказал сам карлштейнский ворон.

— А дальше что он рассказывал? — спросил крапивник.

— Потом,— продолжал скворушка,— приковылял дикий гусь и сел на это яйцо. Но яйцо было ещё такое горячее, что гусь обжёг себе брюшко, и пришлось ему броситься в пруд, чтобы его охладить. Потому гуси и до сих пор так плавают — всё брюшко в воде. А потом стали приходить одна птица за другой и садиться на небесное яйцо, чтобы его высидеть.

— И крапивник тоже? — спросил крапивник.

— Тоже,— отвечал скворец.— Все-все птицы на свете посидели на этом яйце, все его высиживали. Только когда сказали курице, что теперь её очередь, курица и говорит:

«Как так, как? Ко-кок-когда мне? Мне не-кок-кок-когда! Нашли дуру!»

И не захотела высиживать небесное яйцо. И вот, когда уже все птицы на том яйце пересидели, выклю-

нулся из него божий ангел. Когда он вывелся, не стал он ни клевать, ни пищать, как птенцы, а полетел прямо на небо и запел «Аллилуйя», а потом сказал:

«Пташки, вот чем я вас отблагодарю за то, что вы меня высидели: будете вы с нынешнего дня летать в небесах. Смотрите, вам нужно вот так замахать крыльями, и — хлоп! — вот вы и полетели! Итак, внимание... Раз, два, три!»

И только он сказал «три», все птицы полетели и летают и доныне. Только курица не умеет летать, потому что не захотела сидеть на небесном яйце. И всё это святая правда, потому что так рассказывал карлштейнский ворон!

— Итак, внимание,— сказал дрозд.— Раз, два, три!

И тут все птички затрясли хвостиками, взмахнули крыльями и полетели, каждая со своей песенкой и по своим делам.

БОЛЬШАЯ ПОЛИЦЕЙСКАЯ СКАЗКА

Вы, конечно, ребята и сами знаете, что в каждом полицейском участке всю ночь дежурят несколько полицейских на тот случай, если что-нибудь стрясётся: скажем, к кому-нибудь разбойники полезут или просто злые люди захотят кого обидеть. Вот затем-то и не спят полицейские всю ночь напролёт; одни сидят в дежурке, а другие — их называют патрулями — ходят дозором по улицам и присматривают за разбойниками, воришками, привидениями и прочей нечистью.

А когда у этих патрульных ноги заболят, они возвращаются в дежурку, а на смену им идут другие. Так продолжается до самого утра, а чтобы не скучать в дежурке, курят они там трубки и рассказывают друг другу, где что интересное видели.

Вот однажды сидели полицейские, покуривали и беседовали, и тут вернулся один патрульный, как, бишь, его... ага, пан Халабурд, и говорит:

— Здоро́во, ребята! Докладываю, что у меня уже ноги заболели!

— Сядь посиди,— приказал ему старший дежурный,— вместо тебя пойдёт в обход пан Голас. А ты нам расскажи, что нового на твоём участке и какие были происшествия.

— Сегодня ночью ничего особенного не случилось,— говорит Халабурд.— На Штепаньской улице подрались две кошки, так я их именем закона разогнал и сделал предупреждение. Потом на Житной улице вызвал пожарных с лестницей, чтобы водворили воробьишку в гнездо. Родителям его тоже сделано предупреждение, что надо лучше смотреть за детьми. А потом, когда шёл я вниз по Ячной улице, кто-то дёрнул меня за штаны. Гляжу, а это домовой. Знаете, тот усатый, с Карловой площади.

— Который? — спросил старший дежурный.— Там их несколько живёт: Мыльноусик, Курьяножка, Квачек, по прозвищу Трубка, Карапуз, Пумпрдлик, Шмидркал, Падрголец и Тинтера — он недавно туда переселился.

— Домовой, дёрнувший меня за брюки,— отвечал Халабурд,— был Падрголец, проживающий на той, знаете, старой вербе.

— А-а! — сказал старший дежурный.— Это, ребята, очень, очень порядочный домовой. Когда на Карловой площади что-нибудь потеряют — ну, там,

колечко, мячик, абрикос или хоть леденец,— он всегда принесёт и сдаст постовому, как полагается приличному человеку. Ну, ну, рассказывай.

— И вот этот Падрголец,— продолжал Халабурд,— мне говорит:

«Пан дежурный, я не могу домой попасть! В мою квартиру на вербе забралась белка и меня не впускает!»

Я вытащил саблю, пошёл с Падргольцем к его вербе и приказал белке именем закона впредь не допускать таких действий, проступков и преступлений, как нарушение общественного порядка, насилие и самоуправство, и предложил ей немедленно покинуть помещение.

Белка на это ответила:

«После дождичка!»

Тогда я снял пояс и плащ и залез на вербу. Когда я добрался до дупла, в котором проживает пан Падрголец, упомянутая белка начала плакать.

«Пан начальник, пожалуйста, не забирайте меня! Я тут у пана Падргольца только от дождя спряталась, у меня в квартире потолок протекает...»

«Никаких разговоров, сударыня, — говорю я ей,— собирайте свои орешки или что там у вас есть и немедленно очистите квартиру пана Падргольца! И если ещё хоть раз будете замечены в том, что самоуправно, насилием или хитростью, без разрешения и согласия вторглись в чужое жилище,— я вызову подкрепление, мы вас окружим, арестуем и связанную отправим в полицейский комиссариат! Понятно?»

Вот, братцы, и всё, что я нынешней ночью видел.

— А я вот ещё в жизни ни одного домового ни разу не видал,— подал голос дежурный Бамбас.— Я до сих пор-то в Дейвицах служил, а там, в этих новых домах, никаких таких привидений, сказочных существ или, как это говорится, сверхъестественных явлений не наблюдается.

— Тут их полным-полно,— сказал старший дежурный.— А раньше сколько их было, ого-го! Например, у Шитковской плотины испокон веков водяной проживает. С ним, правда, полиции никогда дела иметь не приходилось, вполне приличный был водяной. Вот Либеньский водяной — тот старый греховодник, а Шитковский был очень порядочный парень! Управление пражского водопровода даже назначило его главным городским водяным и платило жалованье. Этот Шитковский водяной наблюдал за Влтавой, чтобы не высыхала. И наводнений он не устраивал. Наводнения делали водяные с верхней Влтавы — ну, там Выдерский, Крумловский и Звиковский. Но Либеньский водяной из зависти подго-

ворил его, чтобы он потребовал за свою работу от магистрата чин и должность советника; а в магистрате ему отказали — говорят, высшего образования у

него нет, тут Шитковский водяной обиделся и переехал в Дрезден. Теперь там воду гонит. Ни для кого ведь не секрет, что в Германии все водяные на Эльбе — сплошь чехи! А у Шитковской плотины с тех пор водяного не осталось. Потому-то в Праге иногда не хватает воды...

А на Карловой площади танцевали по ночам Светилки. Но поскольку это было неприлично и люди их боялись, управление городского хозяйства заключи-

ло с ними договор, что оии переселятся в парк и там служащий газовой компании будет их вечером зажигать, а утром гасить. Но когда началась войиа, этого служащего призвали в армию и так дело со Светилками забылось.

А уж иасчёт русалок, так их в одной Стромовке было семиадцать хвостов; но из них три ушли в балет, одна подалась в кино, а одна вышла за какого-то железиодорожиика из Стршовиц.

Всего зарегистрированных в полиции домовых и гиомов, прикреплёиных к общественым здаииям, монастырям, паркам и библиотекам, в Праге иасчитывается триста сорок шесть штук, не считая домовых в частных домах, о которых точиых сведеиий не имеется. Привидеиий в Праге была уйма, ио теперь с ними покоичено, поскольку научно доказано, что никаких привидений не бывает. Только иа Малой Страие кое-кто до сих пор тайио и незакоиио держит на чердаках одно-два привидеиия, как мие тут рассказывал коллега из малостранского полицейского комиссариата. Вот, насколько мне известио, и всё.

— Не считая того дракона или, как его, змея,— подал голос стражник Кубат,— которого убили иа Жижкове.

— Жижков? — произнёс старший.— Это не мой район. Отроду там не дежурил. Потому, наверно, и не слыхал о дракоие.

— А я в этом деле лично участвовал,— сказал стражник Кубат.— Правда, вообще расследовал дело и вёл операцию коллега Вокоун. Давиеиько уж это всё было. Так вот, однажды вечером говорит этому Вокоуну одиа старая тётка — была это пани Часткова; оиа папиросами торговала, ио, по сути дела, была оиа, должеи я вам сказать, ведьмой, колдуньей, или,

верное, вещуньей. Словом, говорит эта пани Часткова, что она нагадала на картах, будто дракон Гульдаборд держит в полоне прекрасную деву, которую он похитил у родителей, а дева эта, мол, мурцианская принцесса.

«Мурцианская или не мурцианская,— сказал на это коллега Вокоун,— а дракон должен девчонку вернуть родителям, иначе с ним будет поступлено согласно уставу, инструкциям и наставлениям, а также служебным предписаниям!»

Сказал так, опоясал себя казённой саблей — и марш искать дракона. Всякий, понятно, так сделал бы на его месте.

— Ещё бы! — сказал стражник Бамбас.— Но у меня ни в Дейвицах, ни в Стршовицах никаких драконов не наблюдалось. Ну, дальше.

— И вот, значит, коллега Вокоун,— продолжал Кубат,— захватив холодное оружие, отправился, значит, прямо ночью к Еврейским печам. И, провалиться мне, вдруг слышит: в одной яме или там пещере кто-то жутким басом разговаривает. Посветил он служебным фонариком и видит: сидит в пещере страшный дракон с семью головами; и все эти головы сразу разговаривают, спрашивают, отвечают, а некоторые даже ругаются! Сами знаете, у этих драконов нет никаких манер, а уж если есть, то только самые скверные. А в углу пещеры, и правда, рыдает прекрасная дева, затыкая себе уши, чтобы не слышать, как драконьи головы говорят все сразу басом.

«Эй вы, гражданин,— обратился коллега Вокоун к дракону — вежливо, но с официальной строгостью,— предъявите документы! Есть у вас какие-нибудь бумаги: служебное удостоверение, паспорт, удостоверение личности, справка с места работы или иные документы?»

Тут одна драконья голова захохотала, вторая стала богохульствовать, третья сквернословить, четвёртая бранилась, пятая дразнилась, шестая гримасничала, а седьмая показала Вокоуну язык.

Но коллега Вокоун не растерялся и громко закричал:

«Именем закона, собирайтесь и идёмте немедленно со мной в полицию! И вы, девушка, тоже!»

«Ишь чего захотел! — закричала одна из драконьих голов.— Да знаешь ли ты, мошка человечья, кто я такой? Я — дракон Гульдаборд!».

«Гульдаборд с Гранадских гор!» — прорычала вторая голова.

«Именуемый также Великим мульгаценским змеем!» — добавила третья.

«И я тебя проглочу! — рявкнула четвёртая.— Как малину!»

«Разорву тебя в клочки, разотру в порошок, разобью вдребезги и вдобавок дух из тебя вышибу!» — загремела пятая.

«И голову тебе сверну!» — проворчала шестая.

«Мокрого места от тебя не останется!» — добавила седьмая страшным голосом.

Как, по-вашему, ребята, что сделал тут коллега Вокоун? Думаете, испугался? Не тут-то было! Когда он увидел, что добром ничего не выходит, взял он свою полицейскую дубинку и изо всей силы стукнул по всем драконьим башкам, а сила у него немалая.

«Ах, батюшки! — сказала первая голова.— А ведь неплохо!»

«У меня как раз темя чесалось»,— добавила вторая.

«А меня мошка в затылок кусала»,— фыркнула третья.

«Миленький, — сказала четвёртая, — пощекочи меня ещё своей палочкой!»

«Только посильней,— посоветовала пятая,— а то я не чувствую!»

«И левее,— потребовала шестая,— у меня там страшно чешется!»

«Для меня твой прутик слишком тонкий,— заявила седьмая.— У тебя там ничего покрепче нет?»

Тут Вокоун вытащил саблю и семь раз рубанул по драконьим головам — чешуя на них так и забренчала.

«Так уже немного получше», — сказала первая драконья голова.

«По крайней мере, одной блохе ухо отрубил,— обрадовалась вторая,— у меня ведь блохи стальные!»

«А у меня вытащил тот волосок, который меня так щекотал»,— говорит третья.

«А мне прыщик сковырнул»,— похвалилась четвёртая.

«Этим гребешком можешь меня каждый день причёсывать!» — буркнула пятая.

«А я этой пушинки и не заметила»,— сообщила шестая.

«Золотко моё,— сказала седьмая голова,— погладь меня ещё разочек!»

Тут Вокоун вытащил свой казённый револьвер и пустил по пуле в каждую драконью голову.

«Проклятье! — завопил Змей.— Не сыпь в меня песком, он мне в волосы набьётся! Тьфу ты, мне пылинка в глаз влетела! И что-то в зубах завязло! Ну,

пора и честь знать!» — заревел дракон, откашлялся всеми семью глотками, и из всех семи его пастей в Вокоуна ударило пламя.

Коллега Вокоун не испугался; он достал служебную инструкцию и быстренько прочитал, что полагается делать полицейскому, когда против него выступают превосходящие силы противника; там было сказано, что в таких случаях следует вызвать подкрепление. Потом он посмотрел в инструкции, что надо делать в случае обнаружения огня; там говорилось, что следует вызвать по телефону пожарных. Прочитав, он стал действовать по инструкции — вызвал по телефону подкрепление из полиции и пожарную команду.

На подмогу прибежало нас как раз шестеро: коллеги Рабас, Матас, Голас, Кудлас, Фирбас и я. Коллега Вокоун нам сказал:

«Ребята, нам надо освободить девчонку из-под власти этого дракона. Дракон этот, увы, бронированный, так что сабля его не берёт, но я установил, что на шее у него есть местечко помягче, чтобы он мог наклонять голову. Итак, когда я скажу «три», вы все разом ударите дракона саблей по шее. Но сперва пожарные должны потушить это пламя, чтобы оно нам не опалило мундиры!»

Не успел он это сказать, как послышалось: «Тра-ра-ра!» — и на место происшествия прибыло семь пожарных машин с семью пожарными.

«Пожарные, внимание! — крикнул молодецким голосом Вокоун.— Когда я скажу «три», каждый из вас пустит струю из шланга прямо в пасть дракона; старайтесь попасть в глотку — оттуда-то и бьёт пламя. Итак, внимание: раз, два, три!»

И как только он сказал: «Три!» — пожарные пустили семь струй воды прямёхонько в семь драконьих

пастей, из которых так и било пламя, как из автогенной горелки. Ш-ш-ш!.. Ну и зашипело же! Дракон давился и захлёбывался, кашлял и чихал, шипел и хрипел, храпел и ругался, отплёвывался и фыркал,

кричал «мама» и молотил вокруг себя хвостом, но пожарные не сдавались и лили и лили воду, пока из семи драконьих пастей вместо огня не повалил пар, как из паровоза, так что ничего нельзя было и в двух шагах разглядеть. Потом пар рассеялся, пожарные остановили воду, сирена заревела, и они помчались домой, а дракон, весь обмякший и вялый, только фыркал, отплёвывался, вытирал глаза и ворчал:

«Погодите, ребята, я вам этого не спущу!»

Но тут коллега Вокоун как крикнет:

«Внимание, братцы: раз, два, три!»

И только он сказал «три», как мы все дружно полоснули саблями по семи драконьим шеям и семь голов полетели на землю, а из семи обрубленных шей хлынула вода как из колонки — столько её налилось в этого дракона!

«А теперь пошли к этой мурцианской принцессе,— сказал Вокоун.— Только смотрите осторожнее, мундиры не забрызгайте!»

«Благодарю тебя, доблестный рыцарь,— сказала девушка,— за то, что ты освободил меня от власти этого Змея. Я играла с подружками в мурцианском парке в волейбол, в салки и в прятки, когда налетел этот толстый старый Змей и понёс меня без остановки прямо сюда!»

«А как вы, барышня, летели?» — осведомился Вокоун.

«Через Алжир и Мальту, Белград и Вену, Знoймо, Чеслав, Забеглице и Страшнице прямо сюда, за тридцать два часа семнадцать минут и пять секунд франко-нетто!» — сказала мурцианская принцесса.

«Выходит, этот дракон побил рекорд полёта на дальность с пассажиром,— удивился коллега Вокоун.— Я вас, барышня, поздравляю! А теперь надо бы телеграфировать вашему батюшке, чтобы он за вами кого-нибудь прислал».

Не успел он договорить, как подлетел автомобиль. Из него выскочил король мурцианский с короной на голове, весь в горностае и бархате. От радости он запрыгал на одной ножке и закричал:

«Деточка дорогая, наконец-то я тебя нашёл!»

«Минутку, ваша милость,— прервал его Вокоун.— Вы на своей машине превысили установленную

скорость езды. Понятно? Заплатите семь крон штрафу!»

Король мурцианский начал шарить по всем карманам, бормоча:

«Ну и осёл же я! Ведь взял с собой семьсот дублонов, пиастров и дукатов, тысячу песет, три тысячи шестьсот франков, триста долларов, восемьсот двадцать марок, тысячу двести шестнадцать чешских крон, девяносто пять геллеров, а теперь в кармане у меня ни гроша, ни копейки, ни полушки! Видно, всё истратил по дороге на бензин и на штрафы за езду с недозволенной скоростью. Благородные рыцари, эти семь крон я пришлю со своим визирем!»

Затем мурцианский король откашлялся, положил себе руку на грудь и обратился к Вокоуну:

«Как мундир твой, так и твой величавый вид говорят мне, что ты либо славный воин, либо принц, либо, наконец, государственный муж. За то, что ты освободил мою дочь и заколол страшного мульгаценского Змея, я должен бы предложить тебе её руку, но у тебя на левой руке я вижу обручальное кольцо, из чего заключаю, что ты женат. Детишки есть?»

«Есть,— отвечал Вокоун.— Есть трёхлетний сынишка и дочка, ещё грудная».

«Поздравляю,— сказал мурцианский король.— А у меня только вот эта девчонка. Погоди-ка! Придумал: тогда я тебе отдам половину своего мурцианского королевства! Это будет примерно семьдесят тысяч четыреста пятьдесят девять квадратных километров площади, семь тысяч сто пять километров железных дорог, плюс двенадцать тысяч километров шоссейных дорог и двадцать два миллиона семьсот пятьдесят тысяч девятьсот одиннадцать жителей обоего пола. Ну как — по рукам?»

«Пан король,— отвечал Вокоун,— тут есть зако-

быка. Я и мои товарищи убили дракона, исполняя служебные обязанности, поскольку он не повиновался властям и отказался идти со мною в полицию, оказав сопротивление. А при исполнении служебных обязанностей никто из нас не имеет права принимать никаких наград или подарков, ни в коем случае! Это запрещено!»

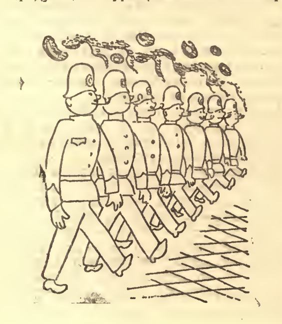
«А-а! — сказал мурцианский король.— Но тогда я бы мог эту половину мурцианского королевства со всем хозяйством преподнести в дар всей пражской полиции, в знак моей королевской благодарности».

«Это бы ещё куда ни шло,— заявил Вокоун,— но и тут есть некоторое затруднение. У нас под наблюдением вся Прага, вплоть до городской черты. Представляете, сколько у нас хлопот и беготни? А если

нам ещё придётся за половиной мурцианского царства присматривать, мы до того избегаемся, что ног под собой чуять не будем. Пан король, мы вас очень, очень благодарим, но с нас и Праги хватает!»

«Ну, тогда,— сказал мурцианский король,— дам я вам, братцы, пачку табаку, которую я захватил с собой в дорогу. Это настоящий мурцианский табак, и хватит его как раз на семь трубок, если только не будете их слишком набивать. Ну, дочурка, давай в машину и поехали!»

— А когда он укатил, мы, то есть коллеги Рабас, Голас, Матас, Кудлас, Фирбас, Вокоун и я, пошли в дежурку и набили себе трубки этим мурцианским табаком. Ребята, доложу я вам, такого табаку я сроду ещё не курил! Был он не очень крепкий,

зато пахнул мёдом, чаем, ванилью, корицей, гвоздикой, фимиамом и бананами, но жаль, у нас трубки очень прокоптели, так что мы этого аромата и не почувствовали...

Дракона же хотели отдать в музей, но, когда за ним приехали, он весь превратился в студень — верно, потому, что так намок и набрался воды...

Вот и всё, что я знаю.

*

Когда Кубат досказал сказку о драконе в Жижкове, все стражники некоторое время молча покуривали: видно, думали про мурцианский табак. Потом заговорил стражник Ходера:

— Раз тут коллега Кубат рассказал вам о жижковском драконе, так я уж вам расскажу про дракона с Войтешской улицы. Шёл я как-то обходом по Войтешской улице и вдруг, представляете себе, вижу на углу, возле церкви, громаднейшее яйцо. Такое здоровенное, что и в каску бы мою не влезло, и тяжёлое-претяжёлое, словно из мрамора.

«Вот так штука,— говорю себе,— это не иначе как страусовое яйцо или что-нибудь в этом роде! Отнесу-ка я его в управление, в отдел находок — хозяин, наверно, заявит о пропаже».

Тогда в этом отделе работал коллега Поур; у него как раз от простуды ломило поясницу, и потому он так натопил печку, что в комнатах было жарко, как в трубе, как в духовке или как в сушилке!

— Привет, Поур,— говорю,— жарко у тебя тут, как у чёртовой бабушки на печке! Докладываю, что нашёл на Войтешской улице какое-то яичко.

— Так сунь его куда-нибудь,— говорит Поур,— и садись, я тебе расскажу, чего я натерпелся от этой поясницы!

Ну, поговорили мы с ним о том о сём — уже и смеркаться стало, и вдруг слышим в углу какой-то хруст и треск. Зажгли мы свет, смотрим — а из яйца вылезает дракон. Не иначе, как жара подействовала! Ростом он был не больше, сказать, фокстерьера, но это был змей, мы это сразу поняли, потому что у него было семь голов. Тут бы никто не ошибся.

— Вот так номер,— сказал Поур,— что же нам с ним делать? На живодёрню, что ли, позвонить, чтобы его забрали?

— Слышь-ка, Поур,— говорю ему,— дракон — животное очень редкое. Я думаю, надо в газету объявление дать. Хозяин отыщется.

— Ну ладно,— сказал Поур.— А только чем мы его пока будем кормить? Попробуем накрошить

ему хлебца в молоко. Детишкам молоко всего полезнее!

Накрошили мы семь булок в семь литров молока. Поглядели бы вы, как наш драконёнок накинулся на угощение! Головы отталкивали друг друга от миски, рычали друг на друга и лакали так, что всю канцелярию обрызгали. Потом одна за другой облизнулись и легли спать. Тогда Поур запер змея в помещении, где лежали все утерянные и найденные в Праге вещи, и дал в газеты такое объявление:

«Щенок дракона, только что вылупившийся из яйца, найден на Войтешской улице. Приметы: семиголовый, в жёлтых и чёрных пятнах. Владельца просят обратиться в полицию, в отдел находок».

Когда поутру Поур пришёл в свою канцелярию, он только и смог выговорить:

— Ёлки-палки, батюшки-светы, гром и молния, чтоб тебе провалиться, ни дна ни покрышки, будь ты проклят, чтобы не сказать большего!

Ведь этот самый змей за ночь сожрал все вещи, которые в Праге потерялись и нашлись: кольца и часы, кошельки, бумажники и записные книжки, мячи, карандаши, пеналы, ручки, учебники и шарики для игры, пуговицы, кисточки и перчатки и вдобавок все казённые папки, акты, протоколы и подшивки — словом, всё, что было в канцелярии Поура, в том числе и его трубку, лопатку для угля и линейку, которой Поур линовал бумагу. Столько всего эта тварь съела, что стала вдвое больше ростом, а некоторым головам стало от этого обжорства даже плохо.

— Так дело не пойдёт,— сказал Поур,— я такую скотину здесь держать не могу!

И он позвонил в Общество покровительства животным, чтобы вышеупомянутое Общество великодушно предоставило у себя место драконьему де-

тёнышу, как призревает оно бездомных собак и кошек.

— Пожалуйста, — отвечало Общество и взяло драконёныша в свой приют. — Только надо бы знать, — продолжало оно, — чем, собственно, эти драконы питаются. В учебниках биологии об этом ни звука!

Решили проверить это на опыте и стали кормить драконёнка молоком, сосисками, яйцами, морковью, кашей и шоколадом, гусиной кровью и гусеницами, сеном и горохом, баландой, зерном и колбасой по особому заказу, рисом и пшеном, сахаром и картошкой, да ещё и кренделями. Дракон уписывал всё; и, кроме того, он слопал у них все книги, газеты, картины, дверные задвижки и вообще всё, что у них там

было; а рос он так, что скоро стал больше сенбернара.

И тут пришла на имя Общества телеграмма из далёкого Бухареста, в которой было волшебными письменами написано:

Драконий детёныш — заколдованный человек. Подробности лично. Приеду ближайшие триста лет.

Волшебник Боско.

Тут Общество покровительства животным почесало в затылке и сказало:

— Если этот дракон — заколдованный человек, то это не по нашей части и мы его держать у себя не можем. Надо отправить его в приют или в детский дом!

Но приюты и детские дома ответили:

— Нет уж, если человек превращён в животное, то это уже не человек, а животное, и им занимаемся не мы, а Общество покровительства животным!

И договориться они никак не могли; в результате ни Общество, ни детские дома не хотели держать у себя дракона, а бедный дракон так расстроился, что и есть перестал; особенно грустили его третья, пятая и седьмая головы.

А был в том Обществе один маленький, худенький человек, скромный и незаметный, как мышка, звали его как-то на Н: Новачек, или Нерад, или Ногейл... да нет, звали его Трутина! И когда этот Трутина увидел, как драконьи головы одна за другой сохнут от горя, он сказал:

— Уважаемое Общество! Человек это или зверь, я готов взять этого дракона к себе домой и как следует заботиться о нём!

Тут все сказали:

— Ну и прекрасно!

И Трутина взял дракона к себе домой.

Надо признаться, заботился он о драконе, как и обещал, добросовестно, кормил его, чесал и гладил: Трутина очень любил животных. По вечерам, возвращаясь с работы, он выводил дракона на прогулку, чтобы тот немного размялся, и дракон бегал за ним как собачонка и вилял хвостом. Отзывался он на кличку Амина.

Однажды вечером заметил их живодёр и говорит:

— Пан Трутина, что это у вас за зверь? Если это дикий зверь, хищник или ещё что, то его водить по улицам нельзя; а если это собака, то вы обязаны купить ей жетон и ошейник!

— Это собака редкостной породы,— отвечал Трутина,— так называемый драконий пинчер, или семиглавый змеепёс. Правда, Амииа?.. Не сомневайтесь, паи живодёр, я куплю ей номер н ошейник!

И Трутина купил Амиие собачий номер, хотя пришлось ему, бедияжке, отдать за него последиие деньги.

Но вскоре сиова ему встретился живодёр и сказал:

— Это не дело, господин Трутииа! Раз у вашей собачки семь голов, то и жетонов должио быть семь н семь ошейников, потому что, по правилам, на каждой собачьей шее должеи висеть иомер!

— Паи живодёр,— возразил Трутииа,— да ведь у Амииы иомер иа средией шее!

— Это безразлично,— сказал живодёр,— ведь остальиые шесть голов бегают без ошейииков и иомеров, как бродячие собаки! Я этого не потерплю! Придётся забрать вашего пса!

— Погодите ещё три дня,— взмолился Трутина,— я куплю Амиие номерки!

И пошёл домой грустиый-прегрустиый, потому что деиег у него не было ни гроша.

Дома ои чуть не заплакал, так было ему горько; сидел ои н представлял себе, как живодёр заберёт его Амииу, продаст её в цирк или даже убьёт. И, услышав, как он вздыхает, дракои подошёл к нему и положил ему на колеин все семь голов н посмотрел ему в глаза своими прекраснымн, грустными глазами; такие прекрасные, почти человеческие глаза бывают у всякого зверя, когда ои смотрит иа человека с доверием и любовью.

— Я тебя иикому не отдам, Амииа,— сказал Трутина и погладил дракона по всем семи головам. Потом он взял часы — отцовское иаследство, взял

свой праздничный костюм и лучшие ботинки, всё продал и ещё призанял деньжат и на все эти деньги купил шесть собачьих номеров и ошейников и повесил своему дракону на шею. Когда он снова вывел Амину на прогулку, все жетоны звенели и бренчали, словно ехали сани с бубенцами.

Но в тот же вечер пришёл к Трутине хозяин того дома, где он жил, и сказал:

— Пан Трутина, мне ваша собака что-то не нравится! Я, правда, в собаках не разбираюсь, но люди говорят, что это дракон, а драконов я в своём доме не потерплю!

— Пан хозяин,— сказал Трутина,— ведь Амина никого не трогает!

— Это меня не касается! — сказал домовладелец.— В приличных домах драконов не держат, и точка! Если вы эту собаку не выкинете, то с первого

числа потрудитесь освободить квартиру! Я вас предупредил, а за сим честь имею кланяться!

И он захлопнул за собой дверь.

— Видишь, Амина,— заплакал Трутина,— ещё и из дому нас выгоняют! Но я тебя всё равно не отдам!

Дракон тихонько подошёл к нему, и глаза его так чудесно сияли, что Трутина совсем растрогался.

— Ну, ну, старина,— сказал он,— знаешь ведь, что я тебя люблю!

На другой день, глубоко озабоченный, пошёл он на работу (он служил в каком-то банке писцом). И вдруг его вызвал к себе начальник.

— Пан Трутина,— сказал начальник,— меня не интересуют ваши личные дела, но до меня дошли странные слухи, будто вы держите у себя дракона! Подумать только! Никто из ваших начальников не держит драконов! Это мог бы себе позволить разве какой-нибудь король или султан, а уж никак не простой служащий! Вы, пан Трутина, живёте явно не по средствам! Либо вы избавитесь от этого дракона, либо я с первого числа избавлюсь от вас!

— Пан начальник,— сказал Трутина тихо, но твёрдо,— я Амину никому не отдам!

И пошёл домой такой грустный, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Сел он дома на стул, ни жив ни мёртв от горя, и из глаз его потекли слёзы. И вдруг он почувствовал, что дракон положил ему голову на колени. Сквозь слёзы он ничего не видел, а только гладил дракона по голове и шептал:

— Не бойся, Амина, я тебя не оставлю.

И вдруг показалось ему, что голова Амины стала мягкой и кудрявой. Вытер он слезы, поглядел — а перед ним вместо дракона стоит на коленях прекрасная девушка и нежно смотрит ему в глаза.

— Батюшки! — закричал Трутина. — А где же Амина?!

— Я принцесса Амина,— отвечала красавица.— До этой минуты я была драконом — меня превратили в дракона, потому что я была гордая и злая. Но уж теперь я буду кроткой, как овечка!

— Да будет так! — раздался чей-то голос. В дверях стоял волшебник Боско.

— Вы освободили её, пан Трутина,— сказал он.— Любовь всегда освобождает людей и животных от злых чар.

Вот как здорово получилось, правда, ребята? А отец этой девушки просит вас немедленно приехать в его царство и занять его трон. Так что живей, а то как бы нам на поезд не опоздать!

*

— Вот и конец истории с драконом с Войтешской улицы,— закончил Ходера.— Если не верите, спросите у Поура.

БОЛЬШАЯ ДОКТОРСКАЯ СКАЗКА

Много уже воды утекло с той поры, как иа горе Гейшовние заиимался своим волшебиым ремеслом волшебиик Магиаш. Как вы знаете, волшебиикн бывают добрые — их зовут чародеямн нлн кудесннками, н злые — их называют колдунамн, а то н чериокиижниками. Магнаш был, как бы это вам сказать, ни то ни сё. Порой он бывал такой добрый, что совсем не колдовал, а нногда колдовал так страшио, что гром гремел и молния сверкала; нногда ему вдруг взбредало в голову послать на землю дождь нз камней, а однажды наслал ои даже дождь нз маленьких лягушат.

Словом, что ни говори, а такой волшебник — не слишком приятное соседство, и даже те, кто клялся и божился, что ни в каких волшебников не верит, старались объезжать Гейшовину подальше. Хоть они и уверяли, что дают крюк только потому, что там дорога больно круто в гору идёт, но это одни отговорки. Неохота им было честно сознаться, что боятся Магиаша!

Так вот, однажды этот самый Магиаш сидел у входа в свою пещеру и ел чернослив — большие иссиня-чёрные, покрытые красноватым налётом сливы. В это время его подмастерье, конопатый Винцек Некличек из Зличка, помешивал кипевшее на огне волшебное варево из смолы, серы, валерианы, мандрагоры, змеиного корня, полыни, репьёв, бабьего гнева и чёртова корня, имбиря, козьих орешков, осиных жал, адского камня, крысиных усов, лапок кикиморы, трын-травы и других тому подобных чародейских зелий, трав и кореньев. А Магиаш только поглядывал, как у конопатого Винцека идёт работа, а сам ел сливы.

Но, видно, бедняга Винцек забыл, что варево надо мешать, отвлёкся или ещё что, только снадобье у него в котле убежало, выкипело, пригорело, подгорело, и повалил от него ужасный смрад.

«Ах ты, растяпа несчастный!» — хотел крикнуть Магиаш, но в спешке он, видно, не из того горла крикнул или слива не в то горло попала,— словом, проглотил Магиаш сливу прямо с косточкой, и косточка та застряла у него в глотке, да так, что ни туда и ни сюда. Успел Магиаш только выпалить: «Ах ты, рас...» — и всё тут, больше он не мог издать ни звука. Он только хрипел и шипел, как шипит пар в кипящем котелке; лицо у него налилось кровью, он махал руками и захлёбывался, а косточка ни с места — до того крепко и надёжно засела она у него в глотке.

Как только Винцек это увидел, он ужасно испугался, как бы его хозяин Магнаш не задохнулся, и сказал:

— Пан шеф, подождите, я сейчас слетаю в Гронов за доктором.

И тут же помчался с Гейшовины вниз. Да ещё как помчался-то! Жаль, что некому там было засечь время. Это был бы наверняка мировой рекорд в беге на длинные дистанции.

Когда Винцек прибежал в Гронов, к доктору, он не мог сначала и дух перевести, но, немного отдышавшись, затараторил:

— Пан доктор, скорей, как можно скорей, мигом нужно идти к пану волшебнику Магнашу, а то он задохнётся!.. Ах ты батюшки, как же я умаялся, бежавши!

— К Магнашу, на Гейшовину? — проворчал гроновский доктор.— Тьфу ты чёрт, вот уж куда трижды не хочется! Но раз непременно нужно, что поделаешь...

И стал собираться.

Дело в том, что врач никому не может отказать в помощи, хоть бы его позвали к разбойнику Мерзавио или к самому — с нами крестная сила! — сатане.

Так вот, взял гроновский доктор свою докторскую сумку, в которой лежат докторские ножи, и щипцы для зубов, и бинты, и порошки, и мази, и шины для переломов, и прочие докторские инструменты, и отправился с Винцеком на Гейшовину.

— Только бы мы не опоздали! — волновался конопатый Винцек.

Шагали они — раз-два, раз-два по горам и лесам, раз-два, раз-два по лугам и болотам, раз-два, раз-два по холмам и долинам, пока конопатый Винцек не сказал:

— Ну, паи доктор, вот мы н пришли.

— Ваш покорный слуга, пан Магнаш,— сказал гроновский доктор.— Так где у нас болнт?

Волшебник Магнаш вместо ответа только захрнпел, засипел, засопел н показал себе на горло — мол, там застряло.

— Ага, горлышко болнт, — сказал гроновскнй доктор.— Ну-иу, сейчас посмотрнм... Откройте-ка как следует ротик, паи Магнаш, и скажнте: «А-а-а».

Волшебннк Магиаш раздвниул свои чёриые усы н разннул рот во всю ширь, ио «а-а-а» сказать не мог, потому что ведь он вообще не мог нздать ин звука.

— Ну-ну, скажнте «а»,— подбадрнвал его доктор.— Ведь это так просто!

Но ничего не вышло.

— Ай-ай-ай! — покачал головой доктор, который был, иадо вам сказать, старый воробей, тёртын калач и вообще птнца стреляная: котелок у иего варил, и, как говорнтся, на чердаке у него была ие одна солома.— Ай-ай-ай, пан Магнаш, значит, вам очень худо, если уж вы не можете «а» сказать! Гм, гм... худо, худо...

И начал он Магнаша осматривать и остукнвать, пульс ему сосчнтал, язык посмотрел, заглянул под векн, посветнл ему в ушн н в нос зеркальцем и прн этом бурчал латннскне слова.

Когда доктор покончнл со всемн этнмн процедурами, он скорчнл ужасно важную мину н сказал:

— Паи Магиаш, случай очень серьёзный. Тут ничто не поможет, кроме срочной и неотложиой операции. Но я её ие могу н ие смею делать однн, мие для этого потребуются ассистенты. Если вы согласны подвергнуться операцни, то, ннчего ие попншешь, иадо послать за моимн коллегамн-докторамн в Упнце, в Костельце и Горжнчкн, а когда оии прнбудут, мы

устроим с ними врачебный совет, или консилиум, и только после зрелого размышления сможем произвести необходимое медицинское вмешательство, или operatia operandi. Обдумайте это, пан Магиаш, и, если примете моё предложение, пошлите немедля гонца за моими высокоуважаемыми и учёными господами коллегами.

Что было Магиашу делать? Он кивнул конопатому Винцеку, а Винцек три раза притопнул, чтобы ему легче бежалось, и вон он уже летит вниз с Гейшовины! Первым делом в Горжички. Потом в Упице. А там в Костельце. Ну, пусть его пока побегает.

О СУЛЕЙМАНСКОЙ ПРИНЦЕССЕ

Пока конопатый Винцек бегал в Горжички, и в Упице, и в Костельце за докторами, гроновский доктор сидел с волшебником Магиашем и посматривал, чтобы пациент не задохнулся. Чтобы время шло веселей, он вынул сигару виргинию и стал молча покуривать.

Когда ему это дело стало надоедать, он для развлечения прокашлялся и продолжал дымить дальше. Потом, чтобы скоротать время, три раза зевнул и поморгал. Спустя ещё немного пробурчал:

— Ну-ну!

Ещё так через полчасика потянулся и сказал:

— Гм, гм...

А спустя ещё часик добавил:

— А что, если бы нам, пока суд да дело, перекинуться в картишки? У вас, пан Магиаш, найдётся, конечно, колода?

Волшебник Магиаш — он ведь не мог ничего сказать — только помотал головой, что, мол, карт нету,

— Нет? — протянул гроновский доктор.— Жаль, жаль... Хорош волшебник — и карт у него нет! Вот у нас в корчме давал представление один чародей... погодите, как его звали? Вроде Навратил, или Боско, или Магорелли... так он такие волшебные штуки с картами делал, что вы бы только глазами хлопали. Да, конечно, и кудесничать надо уметь!

Потом доктор зажёг новую сигару и сказал:

— Ну, раз уж у вас тут и карт нет, расскажу я вам сказочку о принцессе сулейманской, чтобы нам с вами время провести повеселее. Если вы случайно эту сказку знаете, только скажите мне, и я сразу перестану... Динь-динь-динь, сказка начинается!

Как известно, за Галочьими горами и Саргассовым морем есть Даламанские острова, а за ними находится пустыня Шаривари, поросшая густым лесом, с главным цыганским городом Эльдорадо. И там-то, сразу за речкой, если перейти через мостик и взять по дорожке влево, за вербовым кустом и канавой с лопухами, раскинулось великое и могучее Султанство Сулейманское... Теперь вы уж там как дома, верно?

В Султанстве Сулейманском, как само название показывает, правил султан Сулейман. Была у того султана единственная дочь, по имени Зубейда. И вдруг эта принцесса Зубейда ни с того ни с сего начала чахнуть, хиреть и болеть. Она и кашляла, и хрипела, и бледнела, и вянула, и охала, и вздыхала — прямо одна жалость.

Само собой разумеется, султан к ней мигом созвал своих придворных чародеев и знахарей, волшебников, колдунов и вещуний, магов и астрологов, лекарей и аптекарей, цирюльников, банщиков и фельдшеров, но никто из них не мог принцессу вылечить.

Случись это у нас, я бы сразу определил, что де-

вица страдает анемией, плевритом и бронхитом, но в Сулейманской земле ни медицина, ни цивилизация так далеко не зашли, чтобы там могли появляться болезни с латинскими названиями.

Можете себе представить, в каком отчаянии был старый султан.

«Моите-Кристо ты мой,— говорил он себе,— я-то так надеялся, что девчонка унаследует от меня цветущее султанство, а она тут, бедняжка, тает и вянет у меня на глазах, и я ничем ей не могу помочь!»

При дворе султана и во всей стране Сулейманской воцарилась великая скорбь.

В это время заявился туда один коммивояжёр из Яблонце, некий пан Люстиг, и, когда он услышал о болезни принцессы, он и говорит:

«Надо бы к ней пану султану вызвать доктора от нас — так сказать, из Европы, потому что у нас медицина более передовая. У вас тут одни знахари, колдуны и волшебники, а вот у нас, голубчики, есть настоящие учёные доктора».

Когда об этом узнал султан Сулейман, он позвал к себе пана Люстига, купил у него нитку искусственного жемчуга для принцессы Зубейды, а потом спросил его:

«Пан Люстиг, как у вас узнают настоящего учёного доктора?»

«Очень просто,— сказал пан Люстиг.— Узнают его по тому, что у него перед фамилией две буквы: «д-р». Например, д-р Манн, или д-р Пелиар, и тому подобное. А если у него нет «д-р», то, значит, он не учёный доктор. Понятно?»

«А!» — сказал султан и богато одарил пана Люстига султанкой —это такая рыбка, знаете? — а потом отправил в Европу послов за учёным доктором.

«Но смотрите не забудьте,— сказал он им на про-

щание,— что настоящий и учёный доктор только тот, который начинается с «д-р». Других мне сюда не привозите, а то отрежу вам уши вместе с головой. Ну, отправляйтесь!»

Если б я стал рассказывать обо всём, что только пережили и чего только натерпелись сулейманские послы, пока добрались до Европы, была бы это, пан Маглаш, ужасно длинная сказка. Но после долгих и многих приключений всё же попали они в Европу и стали искать доктора для принцессы Зубейды.

Вот целый поезд сулейманских послов, этаких мамелюков с тюрбанами на головах и с толстыми и длинными, как конский хвост, усами, потянулся по дороге среди чёрного леса. Шли они, шли и встретили дядьку с пилой и топором на плечах.

«Доброго здоровьичка!» — поздоровался с ними дядька.

«Бог помочь,— сказали послы.— Кто вы, дяденька, будете?»

«Я,— сказал им дядька,— спасибо вам на добром слове, буду не кто иной, как дровосек».

Басурмане навострили уши и говорят:

«Ваше вашество, тогда дело другое! Если вы изволите быть д-р Овосéком, то мы вас должны пригласить, чтобы вы моментально, безотлагательно и немедленно, прéсто, вивáче и удирáто пошли с нами в Сулейманскую землю. Пан султан Сулейман всемилостивейше повелеть соизволил пригласить вас к своему двору, но, если вы станете отказываться или, чего боже сохрани, противиться, мы вас доставим силой, а потому мы вам, ваша милость, и предлагаем с нами не спорить».

«Погодите, погодите, — удивился дровосек. — А зачем я пану султану понадобился?»

«У него есть для вас работа»,— отвечали послы.

«Тогда можно пойти,— согласился дровосек.— Я как раз, господа хорошие, ищу работу. Должен вам сказать, насчёт работы я буду не хуже другого».

Послы между собой перемигнулись и говорят:

«Это нам, ваша знаменитость, как раз и требуется».

«Постойте,-- говорит дровосек.— Первым делом хотел бы я знать, сколько мне пан султан за мою работу заплатит. Я хоть и не буду драть, но, надеюсь, он встретит меня как друг».

Послы султана Сулеймана на это учтиво отвечали:

«Это не беда, что вы, ваше вашество, не будете д-р Ать, мы и д-р Овосеку очень рады. Что же касается нашего господина султана Сулеймана, то можете

нам поверить, что он вовсе не д-р Уг, а самый обычный тиран и деспот».

«Тогда ладно,— сказал дровосек.— Но насчёт харчей вы учтите, что я за работой ем и пью, как дракон, понятно?»

«Всё сделаем, высокочтимый пан,— заверили его сулейманцы,— чтобы у нас было полное согласие».

Потом отвели с великой честью и почётом дровосека на корабль и поплыли с ним прямо в Сулейманское царство. Когда они приплыли, султан Сулейман мигом влез на трон и приказал привести их к себе. Послы упали перед ним на колени, и самый старший и самый усатый из них начал:

«Наш всемилостивейший господин и владыка, повелитель всех правоверных, пан султан Сулейман! По твоему высочайшему приказу отбыли мы на остров, именуемый Европой, дабы отыскать там знаменитейшего, учёнейшего и славнейшего доктора для принцессы Зубейды. Вот он тут и есть, пан султан. Это знаменитый, славный лекарь, д-р Овосек. Да будет вам известно, что доктор этот за работой не хуже д-р Угого, платить ему надо, как д-р Угу, ест и пьёт он, как д-р Акон. А это, пан султан, всё учёные и знаменитые доктора, отсюда сразу видно, что мы напали на самого подходящего. Гм, гм... Вот теперь уже всё...»

«Приветствую вас, д-р Овосек,— сказал султан Сулейман.— Прошу вас пойти посмотреть мою дочь, принцессу Зубейду».

«Что ж, почему бы и не пойти?» — сказал себе дровосек.

И сам султан отвёл его в мрачную, затемненную комнату, устланную самыми красивыми коврами, дорожками и подушками. Там лежала бледная, вся словно из воска, принцесса Зубейда и дремала.

«Ай-ай-ай,— сказал дровосек сочувственно.— пан султан, девочка-то ваша вроде вянет!»

«То-то и оно»,— вздохнул султан.

«Сохнет, говорю,— продолжал дровосек.— Просто никуда не годится!»

«Так и есть,— подтвердил султан грустно.— Ничего она у нас не хочет кушать».

«Худая, как щепка,— сказал дровосек.— И в лице ни кровинки, пан султан. Я бы сказал, что она совсем хворая».

«Конечно, хворая,— уныло произнёс султан.— За тем я вас и пригласил, чтобы вы её вылечили, раз вы д-р Овосек».

«Я?! — удивился дровосек.— Батюшки-светы, как я могу её вылечить?»

«Это уж ваше дело,— сказал султан мрачным голосом.— За тем вы и приехали. Шутки в сторону. Имейте в виду: если вы её не вылечите, прикажу вам отрубить голову — и конец».

«Да ведь нельзя же так!» — хотел было возразить испуганный дровосек, но султан Сулейман ему даже и договорить не дал.

«Никаких отговорок! — строго сказал он.— И вообще, мне с вами некогда, надо идти царствовать. А вы беритесь-ка за работу и покажите своё уменье».

Он ушёл, сел на трон и начал царствовать.

«Весёленькая история! — сказал себе дровосек.— Ну и влип же я! Да как же это я могу вылечить какую-то принцессу? Когда я их лечил-то?.. Эх, ёлки-палки, что же мне делать? Если эту девчонку не вылечу, отрубят мне голову. Ну и дела! Если бы я был не в сказке, так я бы сказал, что уж это из рук вон — ни с того ни с сего головы рубить. И чёрт меня занёс в эту сказку! В жизни со мной ничего такого не могло случиться. Разрази меня гром на этом месте, мне са-

мому интересно, как я из этой истории выкручусь!»

С такими мрачными мыслями сидел бедняга дровосек на пороге султанского дворца и вздыхал.

«Эх, дрова-поленья,— сказал он сам себе,— бывает же такая напасть! Как я могу превратиться в доктора? Если бы велели срубить дерево — хоть вон то, хоть вон это,— я бы им уж показал, чего я стою, только щепки бы полетели! Вообще-то тут, как я посмотрю, всё кругом заросло, словно в диком лесу, им и солнышка не видать. Значит, у них во дворце сырость развелась, и плесень, и грибы, и мокрицы... Погодите-ка, я вам покажу, как наш брат работает!»

С этими словами он скинул куртку, поплевал на руки, схватил свой топор и пилу и начал валить деревья, что росли вокруг султанского дворца.

Конечно, росли там не какие-нибудь груши, или там яблони, или орехи, как у нас, а сплошные пальмы, и олеандры, и бананы, драцены, латании и фикусы, красное дерево, деревья, которые растут до неба, и прочая экзотическая флора. Вот бы вы посмотрели, пан Магнаш, как наш дровосек за них взялся! Когда пробило полдень, была уже вокруг дворца порядочная просека. Тут дровосек утёр рукавом пот со лба и, решив подкрепиться, вытащил из кармана чёрный хлеб с творогом, захваченный из дому.

Тем временем принцесса Зубейда всё спала в своей мрачной комнате, и спалось ей под шум и стук топора и пилы дровосека, как никогда в жизни. Разбудила её только тишина, наступившая, когда дровосек перестал валить деревья, устроился на куче поваленных стволов и принялся закусывать хлебом с творогом.

Вот тут-то принцесса открыла глаза и удивилась: отчего это в её комнате так светло? Впервые в жизни

хлынуло туда солнце целым потоком и наполнило мрачную комнату сиянием и блеском. Принцессу этот поток света прямо ослепил, да к тому же в окно пахнуло свежесрубленным деревом так сильно и хорошо, что принцесса с наслаждением глубоко втянула в себя воздух. А к смолистому запаху примешался ещё какой-то другой, которого принцесса до сих пор никогда не слышала. Да что же это такое?

Она встала и подошла к окну. Смотрит: вместо чащи—просека, пламенеющая под полуденным солнцем, а там сидит громадный дядька и с большим аппетитом ест что-то чёрное с белым. Вот от этого-то и идёт такой приятный запах. Сами знаете, ведь всегда так: вкуснее всего пахнет то, что у другого на обед.

Принцесса не выдержала: аппетитный запах заставил её спуститься вниз, выйти на волю и тянул её всё ближе и ближе к обедающему дяденьке.

Надо же ей было хоть посмотреть, что это такое вкусное он ест!

«А, принцесса! — окликнул её дровосек с набитым ртом.— Может, хотите кусок хлеба с творогом?»

Принцесса покраснела и замялась: она стеснялась сказать, что ей бы ужасно хотелось попробовать.

«Так нате,— предложил дровосек и отхватил своим кривым ножом порядочный кусок краюшки.— Держите».

Принцесса оглянулась по сторонам, не видит ли кто.

«Спасибо,— поблагодарила она, вцепилась зубами в краюшку и сказала: — М-м-м... Ох, какая вкуснота!»

Сами понимаете, хлеба с творогом такая принцесса в жизни не едала!

В эту минуту выглянул из окна сам султан Сулей-

ман. Выглянул и не поверил своим глазам: вместо заросли — светлая просека вся так и горит под полуденным солнцем, а на куче брёвен сидит принцесса с набитым ртом, от творога у неё белые усы от уха до уха, и уплетает она за обе щеки!

«Слава тебе господи! — вздохнул с облегчением султан Сулейман.— Стало быть, и впрямь достали мне для девчонки настоящего, учёного доктора».

И с этого времени, пан Магиаш, стала принцесса и вправду поправляться. На лице у неё заиграл румянец, а ела она, как молодой волчонок.

Всё это, да будет вам известно, влияние свежего воздуха и солнца. И вам я рассказал всё это потому, что вы вот тут живёте в пещере, куда и солнышко не заглядывает и ветерок не веет, а это, пан Магиаш, очень нездорово. Вот что я хотел бы сказать!

*

Только что гроновский доктор досказал сказку о сулейманской принцессе, как примчался конопатый Винцек и привёл с собой доктора из Горжичек, доктора из Упице и доктора из Костельце.

— Веду, веду! — кричал он ещё издалека.— Ну и замучился я, братцы!

— Приветствую вас, коллеги,— сказал гроновский доктор.— Вот наш пациент, пан чернокнижник Магиаш. Как вы, конечно, видите, состояние его очень тяжёлое. Кажется, он проглотил сливу, или черносливину, или косточку. По моему скромному мнению, его болезнь можно назвать острым сливитом.

— Гм, гм...— сказал доктор из Горжичек.— Я бы предположил удушающий черносливит.

— Не хочу спорить с уважаемыми коллегами,— заявил костелецкий доктор,— но, на мой взгляд,

в данном случае речь идёт о глоточном косточкосливите.

— Господа,— подал голос упицкий доктор,— я предлагаю согласиться на следующем диагнозе: у пана Магнаша наблюдается острый удушающий сливоглоточный косточкочерносливит.

— Ну-с, поздравляю вас, пан Магнаш! — сказал горжицкий доктор.— Это очень редкое и тяжёлое заболевание.

— Интересный случай, — пояснил доктор из Упице.

— Коллеги,— заговорил костелецкий доктор,— в моей практике неоднократно встречались интересные случаи. Слышали вы, например, как я вылечил Лешего с горы Кракорки? Если нет, так я вам расскажу.

СЛУЧАЙ С ЛЕШИМ

Немало, скажу я вам, лет тому назад проживал в лесу на Кракорке Леший. А был он, надо вам знать, одним из противнейших страшилищ, какие только встречаются на свете.

Идёт человек ночью по лесу — и вдруг кто-то где-то загикает, завопит, заорёт, заскулит или страшно-страшно загогочет. Понятное дело, человек перепугается насмерть. Такой ужас на него нападёт, что он бежит, ног под собой не чуя — того и гляди, душу богу отдаст со страху.

Вот что вытворял на Кракорке из года в год Леший; и такого страху он нагнал, что люди боялись туда в сумерки и нос показать.

И вот однажды является ко мне в больницу странный человек — рот до ушей, хоть завязочки пришей, горло завязано какой-то тряпицей — и начинает со-

петь, хрипеть, храпеть, шипеть, хрюкать и скрипеть. Ни единого слова не разберёшь!

«Так что у вас?» — спрашиваю.

«Пан доктор,— сипит этот молодец,— я, с вашего разрешения, вроде охрип».

«Это я вижу,— говорю.— А кто вы и откуда?»

Пациент, немного помявшись, признался:

«Я, с вашего разрешения, не кто иной, как Леший с горы Кракорки».

«А! — говорю.— Так это вы тот негодяй, тот бесстыдник, который пугает людей в лесу? Так вам и надо, чёрт возьми, что вы потеряли голос! И вы ещё думаете, я вам буду лечить ваши фари- и ларингиты или готары картани, то есть, я хотел сказать, катары

гортани, чтобы вы могли и дальше вопить и орать в лесу и напускать на людей порчу? Нет-нет, хрипите и сипите себе на здоровье, но крайней мере покой дадите людям!»

И, представляете, тут этот Леший взмолился:

«Ради бога, пан доктор, умоляю вас, вылечите мне горло! Я буду себя хорошо вести, не буду людей пугать».

«Это я вам и советую,— говорю.— Вы себе надорвали горло своим криком, а потому и потеряли голос, ясно? Вам, любезный, пугать людей в лесу — самое неподходящее дело: в лесу холодно и сыро, а у вас слишком деликатные дыхательные пути. Не знаю, не знаю, что с вами и делать... Катар бы ещё можно вылечить, но вам пришлось бы навсегда перестать пугать людей и переселиться куда-нибудь подальше от леса, иначе вам ничто не поможет».

Леший мой смутился и почесал в затылке.

«Это дело трудное. А чем же я жить буду, если перестану пугать? Я ж никакого другого ремесла не знаю, кроме как вопить и кричать, и то пока я при голосе».

«Да, милейший вы мой,— говорю я ему,— с таким редкостным горлом, как у вас, я бы пошёл в оперу певцом, или торговцем на базар, или в цирк зазывалой. Просто жаль, что такой могучий, выдающийся голос пропадает в глуши. Вы об этом не думали? В городе бы вас, наверно, больше оценили».

«Я об этом иногда и сам подумывал,— признался Леший.— Ну что ж, попробуем где-нибудь в другом месте устроиться, только, конечно, когда голос вернётся!»

И вот я ему, коллеги, смазал гортань йодом, велел ему полоскать горло марганцовкой и хлористым кальцием и прописал стрептоцид внутрь и компресс

на шею снаружи. С той поры Лешего на Кракорке не было слышно. Видимо, он и на самом деле перебрался в другое место и перестал пугать людей.

СЛУЧАЙ С ГАВЛОВИЦКИМ ВОДЯНЫМ

— И у меня был один занятный медицинский случай,— отозвался упицкий доктор.— У нас в речке Упе, за гавловицким мостиком, под корнями ивняка и ольшаника жил старый водяной, по имени Иудал. Был он страшный нелюдим, брюзга, ворчун и страхолюд. Иногда он устраивал наводнение, а порой и детей топил, когда они купались. Словом, люди терпеть его не могли и не знали, как от него избавиться.

Однажды осенью является ко мне в приёмную старичишка: кафтан на нём зелёный, а на шее красный платок, и кашляет-то он, чихает, фыркает, сморкается, вздыхает и потягивается.

«Пан дохтур, либо я простыл, либо прозяб: здесь-то мне колет, там-то стреляет, поясницу разломило, в суставах тянет, кашель такой, что грудь разрывает, а насморк — как из ведра. Так, может, вы меня чем попользуете?»

Я его выслушал, простукал и говорю:

«Дедушка, это ревматизм. Я вам дам мазь, называется она, к вашему сведению, «линиментум». Но это ещё не всё. Вы должны находиться всё время в сухом и тёплом месте. Поняли?»

«Понял,— заворчал старикан.— Но насчёт сухого и тёплого места — тут, сударь мой, ничего не выйдет».

«Почему это не выйдет?» — спрашиваю его.

«Ну,— говорит дедка,— потому, что я, пан дохтур, гавловицкий водяной. Как это я себе в воде могу

устроить сухое и тёплое место? Ведь я себе и нос вытираю водной гладью, в воде сплю и водой укрываюсь. Только вот теперь, на старости лет, стелю себе мягкую воду, а не жёсткую, чтобы помягче лежать было. Так что насчёт сухого и тёплого места—это, доложу я вам, трудновато!»

«Ничего не попишешь, папаша,— говорю,— в холодной воде ревматизм ваш только обострится. Сами знаете, старые кости любят тепло. Сколько вам, кстати, лет, пан водяной?»

«Охо-хо! — пробурчал водяной.— Я ведь тут, пан дохтур, ещё с языческих времён. Будет тому, пожалуй, с тысячу лет, а то и больше... М-да, годы, годы!..»

«Вот видите,— советую ему,— в вашем возрасте, дедушка, пора уже на печи сидеть. Постойте-ка, кажется, нашёл! Слыхали ли вы когда-нибудь о горячих ключах?»

«Слышать-то слышал,— бормочет старый водяной,— но тут вроде ни одного нет».

«Тут нет,— говорю,— зато есть в Теплице, и в Пиштьянах, и ещё кое-где, только там они глубоко под землёй. А эти горячие источники, да будет вам известно, прямо созданы для старых, ревматических водяных. Вы просто-напросто поселитесь в таком горячем ключе как тепловодный водяной и будете себе лечить свой ревматизм».

«Гм, гм...— раздумывал старикан.— А что, собственно, должен такой водяной делать?»

«Да немного,— говорю.— Он должен постоянно из глубины качать эту горячую воду наверх и следить, чтобы не остывала, а избыток тёплой воды пускать на поверхность. Вот и всё».

«Что ж, это можно,— бормочет гавловицкий водяной.— Так я пойду-ка подыщу себе какой-нибудь горячий ключ. Большое вам спасибо, пан дохтур!»

И исчез из приёмной — только лужица на полу после него осталась.

И зиаете, коллеги, гавловицкий водяиой оказался человеком разумиым, послушался моего совета, поселился в Словакии, в горячем источиике, и теперь выкачивает из глубины земли столько горячей воды, что на том месте стал бить ключ. И в этом горячем источнике купаются люди и лечат ревматизм. Очень помогает — со всего света туда ездят курортники. Берите с них пример, пан Магиаш, и во всём слушайтесь докторов.

СЛУЧАЙ С РУСАЛКАМИ

— Да, у меня тоже был один такой заиятный случай,— проговорил доктор из Горжичек.— Сплю я себе как-то ночью, сплю как убитый, как вдруг кто-то стучит в окио и кричит:

«Доктор! Доктор!»

Я открываю окошко и спрашиваю:

«Ну, что там случилось? Понадобился я кому, что ли?»

«Да,— отвечает из темноты робкий и нежный голосок.— Иди скорее, иужна твоя помощь!»

«Кто это там? — спрашиваю.— Кто меня зовёт?»

«Я, голос иочи,— отвечают мне из тьмы.— Голос луиной ночи. Идём!»

«Иду, иду!» — говорю я словно во сие и быстро одеваюсь. Выхожу я на улицу, а там никого нет.

Стало мие, друзья, ие по себе.

«Эй,— закричал я вполголоса,— есть тут кто-нибудь? Куда мне идти?»

«За миой, за мной!» — всхлипиул тот же нежный и иезримый голос, и я пошёл в ту сторону, куда он

звал меня, не разбирая дороги, по росистым лугам и чёрным лесам.

Светил месяц, и весь мир застыл в холодной красоте. Знаю я, коллеги, наш край как свои пять пальцев, но в ту лунную ночь казался он мне волшебным, как мечта. Бывает же порой так, что найдёшь целый новый мир у себя под самым носом!

Долго я уже шёл за этим голосом, наконец говорю себе: «Погоди-ка, это словно бы должна быть Ратиборжская долина...»

«Сюда, доктор, сюда!» — позвал меня голос.

Прозвучало это, словно в реке плеснула и блеснула волна, и глядь — я стою у самой реки Упы, на серебряном лугу, в лунном сиянии. Посреди полянки белеет какое-то пятнышко, то ли чьё-то тело, то ли просто туман. Слышу я не то тихий плач, не то просто шум воды.

«Ну-ну,— говорю успокоительно,— кто мы и что у нас болит?»

«Ах, доктор,— отозвалось дрожащим голоском светлое пятнышко на земле,— я просто вила, маленькая русалочка! Мои сёстры плясали по лугу, и я танцевала вместе с ними, и вот, не знаю как — не то я споткнулась о лунный луч, не то я поскользнулась на том отблеске, что дрожит на капельках росы,— не знаю, доктор, что со мной случилось, а только вот я лежу и никак не могу встать, и ножка у меня болит и болит...»

«Ну, барышня,— говорю я ей,— у вас, вероятно, вывих или перелом. Мы это поправим... Так вы, значит, одна из тех русалок, которые тут танцуют на лугу? Вот как, вот как! И если вам попадётся какой-нибудь молодец из Жернова или из Слатины, вы его затанцуете насмерть, так? Гм, гм!.. А вы знаете, девочка, что это безобразие?.. То-то! Такие шалости вас

до добра не доведут. Вот они, эти танцульки, чем кончаются!»

«Ах, доктор,— захныкало светлое пятнышко на поляне,— если бы вы знали, как у меня ножка болит!»

«Понятно, что болит,— говорю.— Перелом должен болеть».

И стал на колени возле русалочки, чтобы забинтовать ей ножку.

Коллеги, на веку мне довелось вылечить сотни и сотни переломов, но лечить русалок — горе, да и только! Ведь тело-то у неё и косточки из лунного света, в руки его взять нельзя, такое оно нежное, невесомое, словно ветерок или туман. Вот тут и попробуйте его вытянуть, направить и перевязать! Говорю вам, адский труд! Попробовал перевязать паутинкой, но русалка ноет:

«Ой, режет, как проволока!»

Хотел я укрепить сломанную ножку лепестком яблоневого цвета, а она расплакалась:

«Ах, ах, давит, как камень!»

Ну что тут делать будешь? И вот пришлось мне наконец счистить, как кожицу, самый блеск, знаете, такой металлический отлив, что бывает на крыльях стрекозы. Сделал я из него две шинки, а лунный луч в капельке росы разделил на семь цветов радуги и самым тоненьким — синим — лучиком привязал эти шинки к сломанной русалкиной ножке. Такая была каторжная работа, что я даже вспотел — лунный свет мне казался жарче августовского солнца!

А когда наконец всё было сделано, сел я возле русалки и говорю:

«Всё в порядке, барышня, теперь вам нужен покой. И ножкой этой не смейте шевелить, пока не срастётся. Но вот что: послушайте, миленькая, удивля-

юсь я вам и вашим сёстрам! Почему вы все еще тут? Ведь, вероятно, уже все вилы и русалки, сколько их было на свете, давным-давно нашли себе лучшее место...»

«Где?» — прошептала русалка.

«Ну, где же! — говорю.— Понятно, в кино, там, где ставят фильмы, знаете? Они играют и танцуют в кинокартинах, получают кучу денег, и весь мир на них потом любуется. Это же чудесное дело, барышня! Все русалки — и женщины и мужчины — давно уже там. Если бы вы видели туалеты и драгоценности этих русалок,— ого-го! Вы бы там никогда и не надели такого простого платьишка, какое на вас сейчас».

«Смотрите-ка! — возмутилась русалочка.— А ведь это платьице соткано из мерцания светлячков!»

«Ну вот,— говорю.— Таких уже давно не носят, и фасоны теперь совершенно другие».

«Со шлейфом?» — затрепетав, спросила русалочка.

«Не ручаюсь,— отвечаю,— я в этом не специалист. И мне уже пора идти, с минуты на минуту рассветёт, а, насколько мне известно, вы, русалки, можете появляться, только пока темно, верно?.. Так с богом, барышня, а насчёт кино вы поразмыслите».

Больше я этой русалки не видел. Вероятно, поломанная берцовая косточка у неё хорошо зажила. Но что вы думаете? С того времени русалки и вилы перестали показываться в Ратиборжской долине. А куда они делись? Ясное дело, ушли в кино. Впрочем, вы сами обратите внимание: в кино кажется, что на экране движутся барышни и дамы, а ведь тела у них никакого нет, дотронуться до них нельзя — всё там из одних лучей. Отсюда видно, что они не кто иные, как русалки. И потому в кино приходится гасить свет,

чтобы было темно,— ведь русалки и прочая призрачная живность страшно боятся света и показываются только в темноте.

И ясное дело, что ни призраки, ни прочие сказочные создания в наши дни не проживут, если не найдут себе другого, более разумного занятия. Возможностей у них для этого сколько угодно.

•

Батюшки мои, а ведь мы, ребята, за всеми этими россказнями чуть не позабыли про волшебника Магиаша! Сам же он не мог ни пикнуть, ни подать знака — ведь у него всё ещё до этой самой минуты сидела в горле слива. Он мог только потеть от страха, вращать глазами и думать: «Когда же мне наконец эти четыре доктора помогут?!»

— Так, пан Магиаш,— сказал наконец доктор из Костельце,— теперь мы приступим к операции. Но надо нам вымыть руки, потому что в хирургии главное дело — чистота.

И начали все четыре доктора мыть руки — сначала тёплой водой, потом чистым спиртом, потом бензином, потом карболкой, затем облачились в белые халаты... Ой, батюшки-светы, ребята, сейчас начнётся операция! Кто боится на неё смотреть, пусть лучше зажмурит глаза.

— Винцек, — приказал доктор из Горжичек, — придержи-ка пациенту руки, чтобы он не шевелился.

— Вы готовы, пан Магиаш? — спросил торжественно доктор из Упице.

Магиаш только кивнул. Было ему так страшно, что душа у него ушла в пятки.

— Итак, начнём! — закричал гроновский доктор.— Раз... два... три...

В ту же минуту доктор из Костельце размахнулся и дал волшебнику Магиашу в спину такого тычка или тумака, что:

раздался грохот, словно гром загремел, и люди в Находе, и в Стракоче, и даже в Смиржицах поглядели на небо — не началась ли вдруг гроза;

земля задрожала так, что в Сватоновицах обвалилась штольня в заброшенной шахте, а в Находе закачались колокольни костёла;

во всей округе — до самого Трутнова и Полице, а пожалуй, и ещё подальше — взлетели с испугу все голуби, все собаки с перепугу залезли в конуру, а все кошки спрыгнули с печки;

а слива вылетела у Магиаша из горла с такой огромной силой и скоростью, что отлетела далеко за Пардубице, и только возле Пршолоуча упала на землю, причём убила на поле пару волов и зарылась в землю на три сажени, два локтя, полторы стопы, семь пальцев и четыре пяди.

Только успела слива вылететь из горла Магиаша, как вслед за ней вылетели слова:

— ...тяпа несчастный!

Это была как раз та самая половинка, которая застряла у Магиаша в горле, когда он хотел сказать конопатому Винцеку: «Ах ты, растяпа несчастный!»

Правда, слова уже не полетели так далеко, а упали на землю сразу за Йозефовом и поломали при этом старую грушу.

Потом Магиаш поправил свои усы и сказал:

— Покорно вас благодарю!

— Не за что,— отвечали все четыре доктора.— Операция удалась!

— Только,— сказал сразу же упицкий доктор,— чтобы окончательно избавиться от этой болезни, вам

надо ещё пару сотен лет отдохнуть. Я вам настоятельно рекомендую перемену климата и обстановки, так же как гавловицкому водяному.

— Согласен с паном коллегой,— объявил гроновский доктор.— Вам для полного выздоровления требуется солнце и воздух, так же как принцессе сулеймайской. На этом основании я бы вам весьма советовал пожить в пустыне Сахаре.

— Что касается меня,— добавил костелецкий доктор,— я того же мнения. Пустыня Сахара будет полезна для вас, пан Магиаш, уже одним тем, что там не растёт никаких слив, которые могли бы серьёзно угрожать вашему здоровью.

— Присоединяюсь к своим многоуважаемым коллегам,— заключил доктор из Горжичек.— А раз уж вы, пан Магиаш, чародей, то вы можете и эту пустыню по крайней мере изучить и поразмыслить над тем, как там сотворить из ничего воду, чтобы мог расти хлеб и могли жить и работать люди. Вот это была бы очень хорошая сказка!

Что было волшебнику Магиашу делать?

Поблагодарил он вежливо всех четырёх докторов, упаковал свои волшебные пожитки и перебрался с Гейшовины в пустыню Сахару.

С той поры нет уже у нас ни одного чернокнижника и ни одного чародея, но волшебник Магиаш жив до сих пор и всё обдумывает, как создать в пустыне поля и леса, города и деревни. Наверняка, ребята, вы дождётесь такого времени, когда всё это там будет!

СОБАЧЬЯ СКАЗКА

В ту пору, как мой дедушка, старый мельннк, развозил по деревиям иа телеге хлеб, а обратио на мельницу доброе зерио, знал Орешка чуть ие каждый. «Орешек! Как же,— сказал бы вам всякий.— Да ведь это же тот пёсик, что сидит на козлах возле старого Шулитки и поглядывает с таким видом, словио всем возом правнт! А только дорога в гору — он как залает! И сразу колёса завертятся быстрее, Шулитка защёлкает киутом, и оба коня нашего дедушки — Ферда и Жаика — приналягут, и воз славио покатится в деревню, щедро разливая вокруг чудесный запах хлеба иасущного.

Так-то вот, ребята, ездил, бывало, покойный Орешек по всей округе.

Да уж! В его времена не было ещё нигде этих шальных автомобилей — ездили в ту пору потихоньку, полегоньку и, как говорится, с чувством, с толком, с расстановкой! Ни один шофёр не умеет так славно щёлкать кнутом, как покойник Шулитка,— вечная ему память! — или так причмокнуть на коней, куда им! И ни с кем из шофёров рядом не сидит умный Орешек, не лает, не нагоняет страху. Чего нет, того уж нет!

Автомобиль — он что? Он тебе только пролетит и навоняет бензином, а там ищи его, свищи — его уж и не видать за пылью. Ну, а Орешек ездил по-другому.

За полчаса, бывало, люди уже прислушивались, потягивали носом и говорили: «Ага!»

Они уже знали, что к ним едет хлебушек, и выходили на порог, чтобы с ним поздороваться. И правда — в самом деле катит дедушкин воз по деревне! Шулитка причмокивает, Орешек тявкает на козлах и вдруг скок — прямо Жанке на круп (да и круп же это был — слава тебе господи! — широкий, как стол, четверо бы за ним пообедать могли) и начинает танцевать у Жанки на спине, бегает от хвоста к хомуту, от хомута к хвосту и чуть глотку себе не надорвёт от радости:

«Гав, гав! Ура, ребята! Вот мы и прикатили! Я, и Жанка, и Ферда, ура!»

А ребята таращат глаза: ведь каждый день приезжает хлеб, а всегда такой шум и гром, словно сам царь приехал!

Да, как я уж говорил вам, давно так обстоятельно не ездят, как ездили в Орешковы времена.

А лаять Орешек умел так, словно кто из пистолета стрелял! «Гав» направо — все гуси с перепугу кида-

ются бежать, бегут, бегут, только в Полице на площади остановятся и удивляются: как же они сюда попали? «Гав» налево — со всей деревни голуби взлетают, кружатся и садятся не ближе, как где-нибудь на горе Жалтмане, а то, чего доброго, и за прусской границей. Вот как умел лаять Орешек, маленький пёсик! А уж хвостом он, бывало, виляет от радости, когда столько шуму наделает,— как только хвост этот самый не улетает, дивное дело!.. Ну, что говорить, было ему чем гордиться: такого голоса не было ни у генерала, ни, может, и у самого выборного.

А ведь было время, когда Орешек вовсе не умел лаять, хотя уже считался взрослым псом и отрастил такие зубы, что изорвал в клочки дедушкины воскресные сапоги... Надо вам тут рассказать, как дедушка приобрёл Орешка или, вернее, набрёл на Орешка.

Шёл однажды дедушка из трактира поздненько-таки домой и для веселья, а может, и затем, чтобы отогнать нечистую силу, по дороге пел песню. Но кругом было так темно, что он в этой темноте потерял мотив, и пришлось ему остановиться, чтобы его отыскать. Стоит он, ищет его — никак не может найти, и вдруг слышит какой-то визг, писк, хныканье прямо у себя под ногами. Перекрестился и пошарил по земле: что, мол, это такое? Смотрит — какой-то мохнатый тёплый клубочек. Как раз поместился он у деда в горсти, а мягкий был, как бархат! И едва взял дед этот клубок в руку, как он скулить перестал и начал сосать деду палец, словно этот палец мёдом полит.

«Надо поглядеть, что бы это такое могло быть»,— подумал дедушка и понёс «это» с собой на мельницу.

Бабушка, бедняжка, не спала, чтобы как следует пожелать дедушке «доброй ночи», но, прежде чем она успела сказать хоть слово, хитрец дедушка говорит:

— Глянь-ка, Елена, что я тебе несу!

Бабушка посветила... Милые вы мои, да ведь это щенок! Совсем крошечный, слепой и весь жёлтый, как орех без скорлупы.

— Гляди ты! — удивился дедушка.— Откуда ж ты такой, собачий сын, взялся?

Собачий сын, понятно, ничего на это не ответил; он дрожал как осиновый листочек и пищал прежалостно. Крысиный его хвостишко так и прыгал, и тут же — ах, чтоб тебя! — сделалась под ним на столе лужица и стала расти и расти...

— Карел, Карел,— укоризненно покачала головой бабушка,— где твоя голова? Ведь щеночек этот погибнет без матери!

Дедушка очень испугался.

— Живо, Елена,— сказал он,— подогрей молока и принеси булочки.

Бабушка всё принесла, дедушка намочил кусочек хлеба в молоке, обмотал краем платка, и получилась отличная соска. Вскоре щенок так насосался, что у него живот стал как барабан.

— Карел, Карел,— опять покачала бабушка головой,— где твоя голова? Куда ты этого щенка денешь? Ведь он замёрзнет!

Но это же был дедушка, с ним не поспоришь! Он забрал щенка и прямиком с ним в конюшню. Ох, господи, до чего же там было тепло — Ферда и Жанка надышали!

Оба коня уже спали, но, когда вошёл хозяин, подняли головы и оглядели его умными, добрыми глазами.

— Жанка, Ферда,— сказал дедушка,— смотрите не обижайте Орешка, поняли? Я отдаю его вам на попечение.

И с этими словами он положил маленького Орешка перед ними на солому. Жанка понюхал забавное

существо и отлично почуял запах хозяйских рук; он шепнул Ферде:

«Это свой!»

На том и порешили.

Вот так и поселился Орешек в конюшне. Кормили его сперва из дедушкиной соски, а скоро у него открылись глаза и он смог сам лакать из миски. Тепло ему было, как у мамы на печке.

Так-то вот и выросла из него эдакая маленькая дворняжка с глупой мордой. Щенок щенком: не знает ещё, на что надо садиться, и садится прямо на голову, да ещё удивляется, что больно жёстко; не знает, куда хвост девать; считать может только до двух, а ног-то у него четыре, вот они и путаются: возится, возится, наконец шлёпнется от удивления и высунет язычок — розовый-розовый, как кусок ветчины. Да ведь все щенята такие, одно слово — дети!

Ферда и Жанка могли бы вам ещё кое-что рассказать: например, о том, какое это мученье для старой лошади, когда всё время надо смотреть, как бы не наступить на глупую собачонку. Сами знаете, милые, копыта — это не шлёпанцы, и нужно ставить их помаленьку, полегоньку, а то кто-то на полу поднимет писк, визг и рёв. «Да уж, дети — сущее наказание!» — сказали бы вам Ферда и Жанка.

И вот вырос уже из Орешка настоящий пёс, весёлый и зубастый, не хуже всякого другого, но одно было нехорошо: никто не слышал, чтобы он лаял или рычал.

Визжать он визжал, скулить скулил, но лаем это нельзя было назвать.

Вот однажды бабушка и говорит про себя: «Почему это Орешек не лает?»

Задумалась она, три дня ходила сама не своя, а на четвёртый говорит дедушке:

— Почему это наш Орешек никогда не лает?

Тут задумался и дедушка. Три дня он ходил и всё качал головой, а на четвёртый спрашивает Шулитку, кучера:

— Почему же всё-таки наш Орешек никогда не лает?

Шулитка к делу отнёсся со всей серьёзностью: пошёл в трактир и три дня и три ночи там всё размышлял; на четвёртый день ему уже спать захотелось, носом он так и клевал. Подозвал он трактирщика и вытащил из кармана горсть мелочи, чтобы расплатиться. Вот стал он считать деньги — считал, считал, но сам чёрт ему, видно, мешал, никак он не мог сосчитать.

— Ну, Шулитка,— говорит трактирщик,— видно, тебя мамаша считать не научила?

Тут Шулитка забыл и про счёт, хлопнул себя по лбу и побежал к дедушке.

— Хозяин,— закричал он ещё в дверях,— готово дело! Орешек потому не умеет лаять, что его мамаша не научила!

— Вот так история! — сказал дедушка.— Ведь и правда! Мамы своей Орешек не знает, Ферда и Жанка его лаять не могли научить, собаки по соседству ни одной нет — то-то Орешку и невдомёк, что это за штука такая — лаять! Знаешь что, Шулитка,— говорит дед,— придётся тебе научить Орешка лаять.

Пошёл Шулитка в конюшню к Орешку и стал учить Орешка лаять.

— Гав, гав! — объяснял он ему.— Смотри, как надо делать. Сначала делай так: рррр, а потом сразу: гав, гав! Рррр, ррррр, гав, гав, гав!

Орешек насторожил уши,— такая музыка ему почему-то понравилась, сам он не знал почему; и вдруг от радости как залает!

Лай, правда, был немного странный, визгливый, словно ножом по тарелке, но лиха беда начало — ведь и вы сначала азбуки не знали.

Ферда и Жанка слушали, слушали, как старый Шулитка лает, и наконец отвернулись. Они потеряли к Шулитке всякое уважение. Но у Орешка был к лаю огромный талант, ученье у него шло быстро. И когда он впервые выехал на телеге, дело уже шло хорошо: «гав» налево, «гав» направо — словно кто из пистолета выпалил.

С тех пор до самой смерти Орешку лаять не надоедало, и лаял он целый божий день — видно, от радости, что выучился.

Но ездить с Шулиткой и править конями — это была не единственная забота Орешка. Каждый вечер обегал он мельницу и двор, проверял, всё ли на своём месте; облаивал кур, чтобы они не кудахтали, как бабы на базаре; а потом подходил к дедушке, становился перед ним, вертел хвостом и поглядывал так умно, словно хотел сказать:

«Ну, иди уж спать, Карел, я за всем пригляжу!»

Дедушка тогда его приласкает и пойдёт спать.

Днём дедушка частенько хаживал по деревням и местечкам торговать у мужиков хлеб на корню и коечто ещё — скажем, клевер, семена, чечевицу или мак,— и Орешек непременно бежал за ним, а когда приходилось им возвращаться домой ночью, он ничего не боялся и всегда выводил хозяина на дорогу, если у деда ноги не туда шли.

Вот однажды покупал дедушка где-то семена. Да ведь это было как раз тут, в Зличке. С покупки забежал он на минутку в трактир. Орешек минутку подождал перед трактиром, и тут ему прямо в нос запахло чем-то очень вкусным. Ну такой чудесный запах шёл из кухни, такой дразнящий, что нельзя

было туда не заглянуть! Ах ты батюшки мои, там колбасу ели!

Орешек сел под стол и стал ждать, не перепадёт ли ему лакомый кусочек. А пока он дожидался, перед трактиром остановился воз дедушкина соседа... как, бишь, его звали? Ну, хоть бы и Еудал. Еудал увидел дедушку в трактире — слово за слово, и оба соседа уже обнимались и решили ехать вместе домой. Воз тронулся, а дедушка про Орешка-то совсем забыл! А Орешек всё сидел на задних лапках перед колбасой.

Когда люди пообедали, колбасные шкурки они бросили кошке на печку. Орешек проглотил слюнки и пошёл не солоно хлебавши. И тут только вспомнил он про дедушку. Искал он его, нюхал по всему трактиру, но дедушки нигде нет.

— Орешек, — сказал трактирщик, — а хозяин твой вон где! — и показал рукой.

Орешек спохватился и пустился домой один. Сначала бежал он по большой дороге, а потом сказал себе: «Ну и дурак же я! Лесом, через горку напрямик, скорей добегу».

И пустился прямиком по лесу.

Был уже вечер, дело шло к ночи, но Орешек совсем не боялся. «У меня,— думал он,— украсть нечего». Одно худо: голоден он был как собака!

Наступила ночь. Было полнолуние, и, когда деревья расступились и Орешек выбежал на просеку, над вершинами появился месяц. Стало так красиво, так чудесно, что у Орешка от восторга забилось сердце. Лес шумел тихонько, словно кто на арфе играл.

То Орешек бежал по лесу, словно по тёмному-тёмному коридору, а тут вдруг впереди засиял серебряный свет, арфы словно бы заиграли громче,

и на Орешке каждая шерстинка встала дыбом; он припал к земле и засмотрелся...

Перед ним был серебряный луг, а на нём танцевали русалки. То были красивые белые собаки, только совсем-совсем белые, словно прозрачные, и такие лёгонькие, что и росинки с травы не стряхнут. Ну, словом, были это пёсьи русалки — это Орешек сразу понял, потому что у них не было того запаха, по которому собака узнаёт настоящую собаку.

Лежит Орешек в мокрой траве и смотрит во все глаза. Русалки то танцуют, то гоняются, то дерутся, то вертятся за своим хвостом, но всё так легко, так воздушно, что и стебелёк под ними не погнётся. Орешек всё смотрел, не начнёт ли которая-нибудь из них чесаться или блох ловить,— та уж будет не русалка, а просто белая собака. Но ни одна из них не чешется, ни одна блох не ловит; значит, точно: это русалки!

Когда месяц совсем взошел, русалки подняли головы и стали выть — то есть петь — удивительно красиво; и оркестр в самом большом театре так не сумеет, куда ему! Орешек чуть не плакал от волнения и, наверно бы, запел вместе с ними, если бы не боялся всё испортить.

Вот допели они и улеглись все вокруг какой-то важной старой собаки. Была то, наверно, какая-нибудь могучая вила или кудесница, вся седая и совсем дряхлая.

— Расскажи нам что-нибудь! — просят русалки.

Старая пёсья вила задумалась, а потом сказала так:

— Расскажу вам, как собаки сотворили человека... Было это тогда, когда звери жили в раю, там они умирали, там и рождались, и все были счастливы и довольны, только собаки становились чем дальше, тем грустнее. И спросил тогда господь бог у собак:

«Почему вы печальны, когда все остальные звери радуются?»

И сказал самый старый пёс:

«Оттого мы грустны, господи, что всё на свете можем мы учуять, только тебя не чуем, а это нам, собакам, очень обидно. Исполни ты нашу просьбу: сотвори для нас какого-нибудь бога, которого мы могли бы учуять».

Усмехнулся господь бог и сказал:

«Принесите мне каких-нибудь костей, и я сотворю вам божество, которое вы сможете чуять».

И разбежались собаки в разные стороны, и каждая принесла какую-нибудь кость: та львиную, та лошадиную, та верблюжью — словом, от всех зверей. Только ни одной собачьей кости не принесли — ведь ни одна собака не дотронется ни до собачьего мяса, ни до собачьей кости.

Собралась большая куча костей, и сотворил из тех костей господь бог человека, чтобы и у собак было своё божество, которое они могли бы чуять. И потому что человек сотворён богом из костей всех зверей, кроме собачьих, он обладает всеми их качествами: есть у него львиная сила, верблюжье трудолюбие, кошачья хитрость, только нет у него собачьей верности, нет и в помине!

— Расскажи ещё что-нибудь,— опять попросили пёсьи русалки.

— Хорошо, расскажу вам вот что,— начала старая вила.— Давным-давно было у собак на земле своё царство и огромный собачий дворец. Но люди завидовали, что у собак есть своё царство на земле, и стали колдовать, пока собачье царство вместе с дворцом не провалилось глубоко в землю. Но тот, кто будет копать в заветном месте, докопается до пещеры, в которой скрыт собачий клад.

— Какой собачий клад? — затаив дыхание, спросили русалки.

— Ну,— сказала старая вила,— это такой зал небывалой красоты. Колонны в нём из самых лучших костей, но не обглоданных, ни в коем случае! Мяса на них — что на гусиной ножке! Потом есть там колбасный трон, а к нему ведут ступени из чистейшего сала. А на тех ступенях ковёр из кишок, а на кишках — ливера на целый палец!

Здесь Орешек уже не мог выдержать. Он выскочил на лужайку и залаял:

«Гав, гав, где собачий клад? Гав, гав, как найти собачий клад?»

И в ту же минуту исчезли разом все русалки и старая пёсья вила...

Орешек протёр глаза: ничего не осталось, кроме серебряной лужайки, ни стебелёк не согнулся от танцев русалок, ни росинки на землю не упало. Только тихий месяц светил на прелестную лужайку, а вокруг стоял кольцом лес, словно чёрная-чёрная изгородь.

Тут-то Орешек вспомнил, что дома ждёт его уже, наверно, болтушка из хлеба с водой, и пустился домой во всю прыть. Но с этого времени, когда случалось ему бродить опять с дедушкой по лесам или по лугам, вспоминал он порой про собачий клад, что провалился в землю, и принимался копать изо всех сил, рыть глубокую яму в земле. И обо всём он, наверно, рассказал всем соседским собакам, а те передали своим соседям, а те — дальше.

Вот и бывает теперь порой со всеми собаками на свете: вспоминают они вдруг о пропавшем собачьем царстве и роют яму в земле и нюхают, нюхают — не пахнет ли в глуби земной колбасным троном былой собачьей державы.

СКАЗКА ПРО ВОДЯНЫХ

Если вы, ребята, думаете, что водяных не бывает, то я вам скажу, что бывают, и ещё какие!

Вот, например, хоть бы и у нас, когда мы ещё только на свет родились, жил уже один водяной в реке Упе, под плотиной, а другой в Гавловицах — знаете, там, возле деревянного мостка. А ещё один проживал в Радечском ручье. Он-то как раз однажды пришёл к моему папаше-доктору вырвать зуб и за это ему принёс корзинку серебристых и розовых форелей, переложенных крапивой, чтобы они были всё время свежими. Все сразу увидели, что это водяной: пока

он сидел в зубоврачебном кресле, под ним натекла лужица. А ещё один был у дедушкиной мельницы, в Гронове; он под водой, у плотины, держал шестнадцать лошадей, потому-то инженеры и говорили, что в этом месте в реке шестнадцать лошадиных сил. Эти шестнадцать белых коней всё бежали и бежали без остановки, потому и мельничные жернова всё время вертелись. А когда однажды ночью дедушка наш умер, пришёл водяной, выпряг потихоньку все шестнадцать лошадей, и мельница три дня не работала. На больших реках есть водяные-велиководники, у которых ещё больше лошадей — скажем, пятьдесят или сто; но есть и такие бедные, что у них и деревянной лошадки нет.

Конечно, водяной-велиководник, скажем, в Праге, на Влтаве, живёт барином: у него есть, пожалуй, и моторная лодка, а на лето он едет к морю. Да ведь в Праге и у иного мошенника-греховодника порой денег куры не клюют, и раскатывает он в автомобиле — ту-ту! — только грязь летит из-под колёс! А есть и такие захудалые водяные, у которых всего добра — лужица с ладонь величиной, а в ней лягушка, три комара и два жука-плавунца. Иные прозябают в такой мизерной канавке, что в ней и мышь брюшка не замочит. У третьих за целый год только и доходу, что пара бумажных корабликов и детская пелёнка, которую мамаша упустит во время стирки... Да, это уж бедность! А вот, к примеру, у ратиборжского водяного не меньше двухсот тысяч карпов да ещё вдобавок лини, сазаны, караси и, глядишь, здоровенная щука... Что говорить, нет на свете справедливости!

Водяные вообще-то живут одиноко, но так раз-два в году, во время паводка, собираются они со всего края и устраивают, как говорится, окружные конференции. В нашем краю всегда съезжались они в поло-

водье на лугах возле Кралова Градца, потому что там такая красивая водная гладь, и прекрасные омуты, и излучины, и затоны, выстланные самым мягким илом высшего сорта. Обычно это жёлтый ил или немного коричневатый, если же он красный или серый, то он уже не будет таким нежным, словно вазелин... Так вот, найдя себе подходящее место, все они усаживаются и рассказывают друг другу новости: скажем, что в Суховершиче люди облицевали берег камнем, и тамошний водяной... как, бишь, его?.. старый Иречек, должен оттуда переселиться; что ленты и горшки подорожали — просто беда: водяному, чтобы кого-нибудь поймать, приходится покупать ленточек на тридцать крон, а горшок стоит минимум три кроны, да и то с браком, прямо хоть бросай ремесло и берись за что-нибудь другое! И тут кто-то из водяных рассказывает, что яромержский водяной Фалтыс... ну, тот, рыжий!.. уже подался в торговлю: продаёт минеральные воды; а хромой Слепанек стал слесарем и чинит водопроводы; и многие другие тоже переменили профессию.

Понимаете, ребятишки, водяной может заниматься только тем ремеслом, в котором есть что-нибудь от воды: ну, например, может быть он под-водником или про-водником, или, скажем, может писать в книжках в-водную главу; или быть за-водилой или вод-ителем трамвая, или выдавать себя за руко-водителя или за хозяина за-вода,— словом, какая-нибудь вода тут должна быть.

Как видите, профессий для водяных хватает, потому-то и водяных остаётся всё меньше и меньше, так что, когда они друг друга считают на ежегодных собраниях, слышны грустные речи:

«Опять нас на пять душ меньше стало, ребята! Так наша профессия понемногу совсем вымрет».

— Н-да,— говорнт старый Крейцманн, трутновский водяной,— уж нет того, что было! О-хо-хо-хо-хо, много тысяч лет прошло с тех пор, как вся Чехия была под водой, а человек — вериее, тьфу ты, водяной, ведь тогда людей ещё не было, время было не то... Ах, батюшкн, на чём я остаиовился-то?

— На том, что вся Чехия была под водой,— помог ему сказать гавловицкий водяиой Зелинка.

— Ага,— сказал Крейцманн.— Тогда, стало быть, вся Чехия была под водой, и Жалтман, и Красная гора, и Кракорка, и все остальные горы, и наш брат мог, иог не засушив, пройти себе прекрасио под водой хоть из Брно до самой Праги! Даже иад горой Снежкой воды было на локоть... Да, братцы, это было времечко!

— Было, было...— сказал задумчиво ратиборжский водяной Кулда.— Тогда и мы, водяные, не были такими отшельииками-пустынниками, как сейчас. И у нас были подводные города, построенные из водяных кирпичей, а мебель вся была выточена из жёсткой воды, перины — из мягкой дождевой воды, и отапливались тёплой водой, и не было ни дна, ни берегов, ни коица ни краю воде — только вода н мы.

— Да уж,— сказал Лишка, по прозвнщу Леший, водяной из Жабоквакского болота.— А какая вода тогда была! Ты мог её резать, как масло, и шары из неё лепить, и иитки прясть, и проволоку из неё тянуть. Была она как сталь, и как лён, и как стекло, и как пёрышко, густая, как сметана, а прочная, как дуб, а грела, как шуба. Всё, всё было сделано из воды. Что толковать, теперь разве такая вода! — И старый Лишка так сплюнул, что образовался глубокий омут.

— Да, была, да сплыла,— в раздумье произнёс Крейцмани.— Хороша была вода, словно ещё и не-

давно, а вот была — да сплыла. И вдобавок была оиа совсем немая!

— Как же это?—удивился Зелиика, который был помоложе других водяиых.

— Ну, иемая, совсем ие говорила,— иачал рассказывать Лишка-Леший.— Голоса у неё иикакого ие было. Такая была тихая и иемая, как теперь бывает, когда замёрзиет или когда выпадет сиег... И вот полночь, иичто ие шелохиётся, а кругом так тихо, такая тихая тишь, что прямо жутко: высуиешь голову из воды и слушаешь, а сердце так и сжимается от этой страшиой тишииы. Так-то тихо было в ту пору, когда вода была ещё иемая.

— А как же,— спросил Зелиика (ему ведь было всего семь тысяч лет),— как же оиа потом перестала быть немой?

— Это случилось так,— сказал Лишка.— Мие это рассказывал мой прадедушка и говорил, что было это уже добрый миллиои лет тому иазад... Так вот, жил-был в ту пору одии водяиой... как его, бишь, звали? Ракосник не Ракосиик... Мииаржик? Тоже нет... Гампл? Нет, ие Гампл... Павлишек? Тоже нет... Господи ты боже, как же его звали?

— Ариои,— подсказал Крейцмаин.

— Арион! — подтвердил Лишка.— Вот, прямо уж на языке было, Арион его звали. И этот Арион имел, скажу я вам, такой дивиый дар, такой талант ему был от бога дадеи, иу, такое даровaиие у иего было, понятио? Ои умел так красиво говорить и петь, что у тебя сердце то прыгало от радости, то плакало, когда ои пел,— такой ои был музыкаит.

— Певец,— поправил Кулда.

— Музыкаит или там певец,— продолжал Лишка,— ио своё дело ои зиал, голубчики! Прадедушка говорил, что все ревмя ревели, когда он пел. Была у

него, у того Ариона, в сердце великая боль. Никто не знает какая. Никто не знает, что с ним приключилось. Но, должно быть, большое горе, раз он пел так прекрасно и так грустно... И вот, когда он под водой так пел и жаловался, дрожала каждая капелька воды, словно она слезинка. И в каждой капельке осталось что-то от его песни, пока эта песня пробивалась сквозь воду. Потому вода уже больше не немая. Она звучит, поёт, шепчет и лепечет, журчит и булькает, мурлычет и рокочет, шумит, звенит, ропщет и жалуется, стонет и воет, бурлит и ревёт, плачет и гремит, вздыхает, стонет и смеётся; то звучит как серебряная арфа, то треькает как балалайка, то поёт как орган, то трубит как охотничий рог, то говорит как человек в радости или печали. С той поры разговаривает вода на всех языках на свете и рассказывает вещи, которых никто не понимает,— так они чудесны и прекрасны. А меньше всего понимают их люди. Но покуда не появился Арион и не научил воду петь, была она совсем немая, как немо сейчас небо.

— Но небо в воду опустил не Арион,— сказал старый Крейцманн.— Было то уже позднее, при моём батюшке — вечная ему память! — и сделал это водяной Кваквакоакс, и всё ради любви.

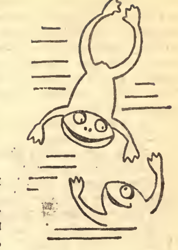
— Как это было? — спросил молодой Зелинка.

— Было это так. Кваквакоакс влюбился. Он увидел принцессу Куакуакунку и запылал к ней любовью, квак! Куакуакунка была прекрасна. Представляете: золотистое лягушечье брюшко, и лягушечьи лапки, и лягушечий рот от уха до уха, и вся она была мокрая и холодная. Вот какая была красавица! Теперь уж таких нет...

— А дальше что? — нетерпеливо спросил водяной Зелинка.

— Ну, что могло быть? Куакуакунка была пре-

красна, но горда. Она только надувалась и говорила «квак». Кваквакоакс совсем обезумел от любви. «Если пойдёшь за меня замуж,— сказал он ей,—я подарю тебе всё, что только пожелаешь». И тут она ему сказала: «Тогда подари мне небесную синеву, квак!»

— И что же сделал Кваквакоакс? — спросил Зелинка.

— Что ему было делать? Он сидел под водой и жаловался: «Ква-ква, ква-ква, ква, ква-ква, ква!» А потом решил лишить себя жизни и потому бросился из воды в воздух, чтобы в нём утопиться, квак! Никто до него ещё в воздух не бросался — Кваквакоакс был первым.

— И что же он сделал в воздухе?

— Ничего. Посмотрел вверх, а над ним было синее небо. Поглядел вниз, а под ним было тоже синее небо. Кваквакоакс ужасно удивился. Ведь тогда ещё никто не знал, что небо отражается в воде. И когда Кваквакоакс увидел, что небесная синева уже в воде, он от удивления воскликнул «квак» и опять бросился в воду. А потом посадил Куакуакунку себе на спину и вынырнул с ней на воздух. Куакуакунка увидела в воде синее небо и от радости воскликнула: «Кваква!» Потому что, выходит, Кваквакоакс подарил ей небесную синеву.

— А что было дальше?

— Ничего. Жили потом оба очень счастливо, и народилось у них множество лягушат. И с той поры вылезают водяные иногда из воды, чтобы видеть, что и у них дома тоже есть небо. А когда кто-нибудь покидает свой дом, кто бы он ни был, он оглядывается назад, как Кваквакоакс, и видит, что там, до́ма то есть, и есть настоящее небо. Самое настоящее. синее и прекрасное небо.

— А кто это доказал?

— Кваквакоакс.

— Да здравствует Кваквакоакс!

— И Куакуакуика!

В эту минуту шёл мимо один человек и подумал: «Что это тут лягушки не вовремя расквакались?»

Поднял камень и кинул его в болото.

В воде что-то булькнуло, плюхнуло; полетели брызги высоко-высоко. И стало тихо: все водяные нырнули в воду и теперь только в будущем году соберутся на свою конференцию.

БРОДЯЖЬЯ СКАЗКА

Так вот, жил-был один бедный человек. Звали-то его, собственно говоря, Франтишек Король, но так его называли только тогда, когда его забирал за бродяжничество стражник и вёл в полицейский участок. Там его записывали в толстенную книгу и укладывали спать на нары, а утром опять выгоняли. Вот тогда-то полицейские его и называли «Франтишек Король», а остальные люди называли его совсем иначе: этот бродяга, бездельник, дармоед, оборванец, этот бездомный, этот лентяй, эта подозрительная личность; звали его пропащим, нищим, попрошайкой, типом, гольтепой, индивидом, субъектом, оборвышем, проходимцем и много ещё всяких других имён ему давали.

Коли платили бы ему за каждое такое имя по кроне, давно мог бы он себе купить жёлтые ботинки, а может, даже и шляпу; но пока он себе не купил ничего, и было у него только то, что ему люди подавали.

Как видите, упомянутый Франтишек Король не пользовался особенно хорошей репутацией, да и на самом деле был он всего-навсего бродяжка, который только даром небо коптил и ничего другого не умел, как на кишках играть. А знаете, как на кишках играют? Вот как: если у человека утром маковой росинки во рту не было, пообедал он вприглядку и вечером зубы на полку положил, то начинает у него от голода в животе бурчать; тогда и говорят, что он на кишках играет.

Франтишек Король так наловчился играть на кишках, что мог бы хоть концерты давать; была у него, что называется, музыкальная жилка. Правда, одна только жилка,— где ему, бедняге, мяса взять! Кинут ему кусок хлеба — он его съест; обидное слово ему бросят — он и его проглотит, до того был голодный! А когда ничего не раздобудет, ляжет где-нибудь под забором, ночною тьмой укроется и попросит звёздочки приглядеть, чтоб у него во сне никто шапку не украл.

Такой бродяга знает кое-что о жизни: знает, где его покормят, а где угостят только бранью; знает он, где есть злые собаки, которые на бродяжек точат зубы не хуже стражников. Но вот расскажу я вам об одном псе... как, бишь, его звали?.. ага, Фоксль. Сейчас уж он, бедный, на том свете. Так этот самый Фоксль служил в замке в Хижи и был такого странного нрава, что только увидит бродягу — визжит от радости, танцует вокруг него и провожает его прямёхонько на барскую кухню. А вот если приедет в замок какой-нибудь важный барин — скажем, барон, граф, князь или хоть бы и пражский архиепископ,— так

этот Фоксль залает на него как бешеный и непременно укусит, если кучер его не запрёт в конюшне... Как видите, и собаки бывают разные, так же как и люди.

Кстати, раз уж мы заговорили о собаках: знаете, ребята, почему собака машет хвостом?

Вот какая история. Сотворив мир, ходил создатель от одной божьей твари к другой и спрашивал у неё, хорошо ли ей жить на свете, всем ли она довольна и тому подобное. Ну, стало быть, дошла очередь и до первого пса на свете. Создатель спросил его, всем ли он доволен и не нужно ли ему чего. Пёс хотел покачать головой: мол, господь с вами, ничего мне не надо, но так как он в это же время прислушивался к чему-то ужасно интересному, то ошибся и замахал хвостом. С той поры собака машет хвостом, хотя прочие звери — скажем, конь и корова — умеют кивать головой, как человек. Только свинья не умеет ни качать, ни кивать головой, а всё потому, что, когда и её создатель спросил, всем ли она на белом свете довольна, она продолжала копать рылом землю, искать жёлуди и только нетерпеливо затрясла хвостиком, словно хотела сказать: «Пардон, минуточку, сейчас мне как раз некогда». С той поры свинья так всё время и трясёт хвостиком, и в наказание хвостик её и доныне едят с горчицей или хреном, чтобы её и после смерти пощипывало. Так уж оно ведётся с сотворения мира...

Но ведь я не об этом собирался сегодня рассказывать, а о том бродяжке, которого звали Франтишек Король. Ну-с, наш бродяга обошёл почти весь белый свет; побывал даже и в Трутнове, и Кралове Градце, и в Скалице, а под конец даже и в Водолове, и в Маршове, и в других далёких краях...[1] Одно время нанял-

[1] Всё это — соседние деревни в радиусе четырёх километров от родной деревни рассказчика. *(Примеч. переводчика.)*

ся он к моему дедушке в Жерновце, но, сами понимаете, бродяга есть бродяга; вскоре собрал он свою котомку и побрёл опять дальше не то в Старкоче, не то ещё куда-то на край света, и опять его и след простыл — такой уж у него был непоседливый нрав.

Я уже вам говорил, что люди его звали бродягой, непутёвым и по-всякому, а иные его называли даже воришкой, жуликом или разбойником, но они его понапрасну обижали: Франтишек Король никогда ни у кого ничего не взял, не украл и не стащил. Уж поверьте мне, и нитки не стянул! Именно потому, что был он такой честный, попал он в конце концов в большую честь. Вот как раз об этом я и хотел вам рассказать.

Стоял однажды этот бродяжка Франтишек на перекрёстке возле Подместечка и думал: то ли ему пойти к Вичекам попросить булку, то ли к старому пану Проузу — попросить рогалик. А тут идёт мимо него какой-то господин в котелке, с виду ни дать ни взять иностранный турист, важный-преважный, с чемоданчиком в руке. Вдруг подул ветер, сорвал с головы у этого пана котелок и покатил его по дороге.

— Подержи-ка минутку, братец,— крикнул господин и сунул бродяге Франтишеку свой чемодан.

Не успел Франтишек и рта раскрыть, как тот уже мчался за котелком так, что пыль столбом!

Стоит, значит, Франтишек Король с чемоданчиком в руке и ждёт, когда хозяин вернётся. Ждёт полчаса, ждёт час, а хозяина всё нет и нет. Франтишек боится и за хлебом сбегать — как бы с незнакомцем не разминуться, когда тот вернётся за чемоданом. Ждёт он два часа, ждёт три, а чтобы не скучать, на кишках играет.

Нет того человека и нет, а уже ночь наступает. На небе мерцают звёздочки. Весь городок спит, свернув-

шись, как кошка на печке, и только что не мурлычет — так ему сладко спится, а бедный бродяжка Франтишек всё стоит столбом, зябнет, смотрит на звёзды и ждёт, когда же тот незнакомец воротится.

Как раз пробило полночь, когда услышал он страшный голос:

— Что вы тут делаете?

— Жду одного незнакомого человека,— сказал Франтишек.

— А что у вас в руке? — допытывался страшный голос.

— Это чемоданчик того человека,— говорит бродяга.— Он мне его велел подержать, пока вернётся.

— А где тот человек? — спросил в третий раз страшный голос.

— Он побежал шляпу свою догонять,— отвечает Франтишек.

— Ого-го! — сказал грозный голос.— Это подозрительно. Следуйте за мной!

— Да как же? — попытался возражать бродяга.— Я тут должен дожидаться.

— Именем закона вы арестованы! — прогремел грозный голос, и тут только Франтишек Король понял, что это сам пан Боура, стражник, и что спорить не приходится.

Почесал он в затылке, вздохнул и пошёл с паном Боурой в участок. Там его записали в толстую книгу и заперли в холодную, да и чемоданчик убрали до тех пор, когда придёт пан судья.

Утром привели бродягу пред лицо пана судьи. А был это, дай бог памяти, пан советник Шульц. Теперь уж он тоже в том краю, где нет ни печали, ни горя.

— Ах ты бездельник, негодник, дармоед,— сказал судья,—ты опять тут? Ведь и месяца не прошло,

как мы тебя засадили за бродяжничество! Господи, ну и беда мне с тобой, братец! Так за что же тебя забрали? За то, что бродил?

— Да нет, пан судья,— отвечает бродяга Франтишек,— теперь меня забрал пан Боура за то, что я стоял на месте.

— Ну вот видишь, бродяга ты этакий,— говорит пан судья,— зачем же ты стоял? Если бы не стоял, тебя бы не забрали! Но я слышал, что у тебя нашли какой-то чемоданчик? Правда это?

— Простите, ваша милость,— говорит бродяга,— этот чемоданчик дал мне один незнакомый человек.

— Хо-хо! — воскликнул пан судья.— Знаю я этого незнакомого человека! Когда ваш брат что-нибудь стащит, вы всегда говорите, что вам это дал какой-то незнакомый человек. Нас, братец, на мякине не проведёшь! А что там в чемоданчике?

— Провалиться мне на этом месте, не знаю! — сказал бродяга Франтишек.

— Ах ты проходимец! — говорит пан судья.— Так мы сейчас сами посмотрим!

Открыл пан судья чемоданчик да так и подскочил от удивления. Чемодан был битком набит деньгами. И когда судья их сосчитал, оказалось, там был один миллион триста шестьдесят семь тысяч восемьсот пятнадцать крон девяносто два геллера и сверх того зубная щётка!

— Прах тебя возьми,— закричал пан судья,— где ты это, любезный, украл?

— Помилуйте, пан судья! — отвечает Франтишек Король.— Мне дал подержать чемоданчик один незнакомый человек, который гнался за шляпой, которую с него ветром сорвало.

— Ах ты мошенник! — завопил пан судья.— Ты думаешь, мы тебе поверим? Хотел бы я видеть, кто

это доверит такому оборванцу, как ты, один миллион триста шестьдесят семь тысяч восемьсот пятнадцать крон девяносто два геллера и сверх того ещё зубную щётку!.. Марш в холодную! Будь покоен, мы выясним, у кого ты украл чемодан.

Так-то случилось, что заперли беднягу Франтишека в холодную на долгий-долгий срок.

Прошла зима, и весна миновала, а всё ещё не нашли никого, кто бы объявил о пропаже этих денег, и вот пан советник Шульц, и пан стражник Боура, и остальные паны в суде и полиции стали уже думать, что Франтишек Король, бродяга без определённых занятий и без постоянного местожительства, неоднократно привлекавшийся к судебной ответственности и вообще голь перекатная, где-то убил и закопал неизвестного человека и похитил у него чемодан с деньгами.

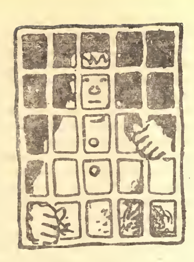
Итак, когда прошёл ровно год и один день, снова предстал Франтишек Король перед судом по обвинению в убийстве неизвестного человека и похищении одного миллиона трёхсот шестидесяти семи тысяч восьмисот пятнадцати крон девяноста двух геллеров и сверх того зубной щётки.

Ай-ай-ай, беда, ребята,-- за такое дело полагается верёвка!

— Эй ты, негодяй, злодей, грабитель,— говорит пан судья обвиняемому,— признавайся-ка лучше во всём: где ты того господина убил и закопал? Тебе будет легче висеть, если признаешься.

— Да ведь я ж его не убивал! — защищался бедняга Франтишек.— Он только погнался за той шляпой, как его и след простыл. Летел он, как портной на ярмарку, а чемодан этот он сам мне сунул в руку.

— Ну-с, — вздохнул пан судья, — если ты так этого хочешь, повесим тебя и без признания... Пан

Боура, ну-ка, с божьей помощью, повесьте этого закоренелого злодея!

Не успел он договорить, как распахнулись двери и в них показался какой-то незнакомый человек, запыхавшийся и весь в пыли.

— Нашёлся наконец! — выпалил он.

— Кто нашёлся? — спросил пан судья строгим голосом.

— Да котелок! — сказал незнакомец.— Ну и кутерьма была, люди добрые!.. Представляете, иду я с год тому назад по дороге возле Подместечка, и вдруг у меня от ветра с головы котелок слетел. Я кидаю свой чемоданчик неведомо кому и — фью! — мчусь за котелком. А котелок, негодяй этакий, катится по мосту к Сыхрову, от Сыхрова — к Залесью, оттуда — в Ртыню, через Костелец — к Збечнику, через весь Гронов — к Находу, а оттуда —к границе. Я всё за ним, уж вот-вот бы его поймал, но на границе меня таможенник задержал — куда, мол, я так бегу. Я говорю,

что дело в шляпе, мол. Пока я ему это растолковал, котелка и след простыл. Ну, переночевал я там и утром опять пустился как угорелый за котелком в Левин и Худобу, где ещё эта вонючая вода...

— Погодите,— перебил его пан судья.— Тут суд идёт, а не какая-нибудь лекция по географии!

— Так я вам расскажу совсем коротенько,— сказал незнакомец.— В Худобе узнаю, что котелок мой там выпил стакан воды, купил себе тросточку, а потом сел в поезд и поехал в Свиднице. Ну, разумеется, я еду за ним. В Свиднице этот мошенник котелок переночевал в гостинице, ни копейки по счёту не заплатил и опять уехал неизвестно куда. Навожу справки и выясняю, что он разгуливает по Кракову и — чтоб ему ни дна ни покрышки! — собирается там жениться на одной вдове. Пришлось ехать за ним в Краков.

— А почему вы за ним так гонялись? — спросил пан судья.

— Ну,— сказал незнакомец,— котелок был ещё совсем как новый, а кроме того, я засунул под ленту обратный билет от Сватоновиц до Старкоче. Билет-то этот мне и нужен был, пан советник!

— А-а,— сказал пан судья,— тогда понятно.

— А как же,— сказал незнакомец.— Не покупать же мне билет второй раз!.. Да, так где я остановился? Ага, еду в Краков. Ладно! Приезжаю я, значит, туда, а котелок — ну не негодяй ли? — укатил первым классом в Варшаву, выдает там себя за дипломата.

— Да ведь это же мошенничество! — воскликнул пан судья.

— Я так и заявил полиции,— продолжал незнакомец,— и телеграфировал в Варшаву, чтобы его задержали. Но, оказывается, мой котелок купил себе шубу — дело шло уже к зиме,— отрастил усы и уехал

на Восток. Я, само собой разумеется,— за ним. А он в Оренбурге сел на поезд и поехал в Омск, через всю Сибирь! Я — за ним. В Иркутске он потерялся. Наконец я его нагнал в Благовещенске, но он, пройдоха, и там улизнул от меня и покатился по всей Маньчжурии к самому Китайскому морю. На берегу моря я его настиг — воды-то он боялся.

— Там вы его и сцапали? — спросил пан судья.

— Где там! — сказал незнакомец.— Я уже бежал к нему по берегу моря, но в эту самую минуту ветер переменился, и котелок покатился опять на запад. Я — за ним. И так, представляете, гоняли мы по всему Китаю, потом по всему Туркестану то пешком, то в паланкине, то на лошадях, то на верблюдах, пока

наконец в Ташкенте он не сел в поезд и не поехал опять в Оренбург. Оттуда — в Харьков, в Одессу, а там и в Венгрию, потом повернул на Оломоуц. Чешский Тршебов, на Тыниште и, наконец, опять сюда. И тут я его пять минут назад поймал на площади, когда он собирался идти в трактир. Фаршированного перцу ему, видите ли, захотелось!.. Вот он, голубчик!

С этими словами показал он свой котелок. Вид у него, правда, был совершенно потрёпанный, но, в общем, никто бы не сказал, что он такой отчаянный гуляка.

— А теперь поглядим,— воскликнул незнакомец,— цел ли мой билет из Сватоновиц в Старкоче!

Он отогнул ленту и достал билет.

— Тут! — крикнул он победоносно.— Ну-с, теперь, значит, бесплатно поеду в Старкоче.

— Милый вы мой,— сказал пан судья,— а ведь билет-то ваш уже пропал!

— Как — пропал? — ахнул незнакомец.

— Ну, ведь обратный билет действителен только трое суток, а вашему целый год и день. Так что, милейший, он уже недействителен.

— Тьфу ты пропасть,— сказал незнакомец,— мне это и в голову не пришло! Теперь придётся покупать новый билет, а в кармане ни гроша...— Незнакомец почесал в затылке.— Да погодите, ведь я же дал подержать свой чемоданишко с деньгами какому-то человеку, когда погнался за котелком!

— Сколько там было денег? — быстро спросил пан судья.

— Если не ошибаюсь,— ответил незнакомец,— было там один миллион триста шестьдесят семь тысяч восемьсот пятнадцать крон девяносто два геллера и, кроме того, зубная щётка.

— Точка в точку! — подтвердил пан судья.— Так

вот, чемодаичик у нас, со всеми деньгами и с зубной щёткой. А вот стоит тот человек, которому вы дали подержать свой чемодаичик. Зовут его Франтишек Король, и, признаться, я, а также пан Боура осудили его на смерть за то, что он вас ограбил и убил.

— Да что вы! — сказал незиакомец.— Так вы его, беднягу, забрали? Ну ладио, хоть деньги остались целы, а то бы ои их прогулял!

Тут паи судья подиялся и торжествеиио произнёс:

— Судом установлено, что Франтишек Король не украл, не похитил, не присвоил, не стащил, а равно и не свистиул из оставлеииых у него деиег ии копейки, ни гроша, ии полушки, то есть ии капли, ии пылиики и ни крошки, хотя, как потом выясиилось, ие имел сам денег ни на хлеб, ни иа калач, ии иа бублик, ни на сайку, ии равным образом на плюшку, сухарь или иную пищу или сиедь, изываемую также хлебобулочными изделиями, по-латыии cerealia. В силу изложениого суд объявляет, что Король Фраитишек иевиновеи в убийстве или человекоубийстве, по-латыни homicide, иевиновеи в убиеиии, умерщвлеиии, покушении иа жизнь, грабеже, иасилии, краже и вообще в тёмиых делишках. Наоборот, ои день и иочь стоял как вкопанный иа одиом месте, дабы честио и благородно возвратить владельцу одии миллион триста шестьдесят семь тысяч восемьсот пятиадцать крон девяиосто два геллера и зубиую щётку. Вследствие вышеизложеиного объявляю его свободиым и оправданным от подозрения, амииь... Чёрт побери, ребята, здорово у меня язык подвешен, а?

— Лихо, лихо! — сказал незиакомец.— Теперь надо бы дать слово этому честному бродяге.

— А что я могу сказать? — скромио произиёс Франтишек Король.— Сроду не брал чужого, даже яблока упавшего не взял! Такой уж у меия характер.

— Ну, братец,— объявил незнакомец,— тогда ты среди бродяг и всех прочих людей просто белая ворона.

— И я то же скажу! —добавил пан стражник Боура, который, как вы, конечно, заметили, до этой минуты не раскрыл рта.

Так-то вот и вышел Франтишек Король вновь на свободу; а в награду за его честность дал ему тот незнакомец столько денег, чтобы мог Франтишек купить дом, в дом — стол, на стол —тарелку, а на тарелку — порцию жареной колбасы.

Но так как у Франтишека Короля карман был дырявый, деньги эти он потерял и опять остался ни с чем. И снова он пошёл по свету куда глаза глядят, а по дороге играл на кишках и всё думал, почему это его назвали белой вороной.

На ночь забрался он в пустую сторожку и уснул как сурок, а когда поутру высунул голову наружу, светило солнце, весь мир умывался свежей росой, а на заборе перед сторожкой сидела — кто бы вы думали? — БЕЛАЯ ВОРОНА. Франтишек сроду не видал белых ворон и так на нее загляделся, что и дышать позабыл. Была она вся белая, как свежевыпавший снег; глаза у неё были красные, как рубины, а ножки розовые; она чистила себе пёрышки клювом. Заметив Франтишека, она расправила крылья, словно собираясь улететь, но осталась на месте и недоверчиво поглядывала рубиновым глазом на всклокоченную голову бродяги.

— Эй, ты,— вдруг заговорила она,— не будешь камнями кидаться?

— Не буду,— сказал Франтишек и тут только удивился, что ворона говорит.— Батюшки, да ты, никак, говорить умеешь?

— Подумаешь, велика важность! — сказала ворона.— Мы, белые вороны, всё умеем говорить. Это серые вороны каркают, а я всё, что хочешь, скажу.

— Да брось ты! — удивлялся Франтишек.— Ну, скажи хотя бы «кран».

— Кран,— сказала ворона.

— Тогда скажи «град»,— потребовал Франтишек.

— Град,— повторила ворона.— Ну, теперь видишь, что я умею говорить? Мы, белые вороны, это тебе не кто-нибудь. Обыкновенная ворона умеет считать только до пяти, а белая ворона... до семи! Смотри сам: раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь! А ты до скольких умеешь считать?

— Ну, хотя бы и до десяти,— сказал Франтишек.

— Да брось ты! Покажи.

— Ну, хоть так: девять ремёсел, десятая—нужда!

— Батюшки,— закричала белая ворона,— ты, видно, птица не простая! Мы, белые вороны, тоже не простые птицы. Видал, наверно, в церквах нарисованы такие большие птицы с белыми гусиными крыльями и человеческими клювами?

— А-а,— сказал Франтишек,— это ты про ангелов?

— Да,— сказала ворона.— Понимаешь, это, по сути дела, белые вороны, только мало кто их видел. Нас, милый мой, очень мало.

— Сказать тебе по правде,— отвечал Франтишек,— я ведь тоже белая ворона.

— Ну,— протянула белая ворона недоверчиво,— не очень-то ты белый! А откуда ты знаешь, что ты белая ворона?

— Вчера мне это сказал пан советник Шульц из суда, и один незнакомый пан, и пан стражник Боура.

— Скажи пожалуйста! — удивилась белая ворона.— А как тебя звать?

— Звать меня просто Франтишек Король,— ответил бродяга застенчиво.

— Король? Ты — король? — воскликнула ворона.— Хватит врать! Таких оборванных королей не бывает.

— Хочешь — верь, хочешь — нет,— сказал бродяга,— а я правда Король.

— А в какой земле ты король? — спросила ворона.

— Да повсюду. Тут я Король, и в Скалице Король, да и в Трутнове тоже.

— А в аглицкой земле?

— И в аглицкой тоже был бы Королём.

— А вот уж во Франции не будешь!

— И во Франции тоже. Всюду я буду Король Франтишек.

— Так не может быть,— не верила ворона.— Скажи: «Лопни мои глаза».

— Лопни мои глаза,— поклялся Франтишек.

— Скажи: «Провалиться мне на этом месте»,— потребовала белая ворона.

— Да провалиться мне на этом месте, если вру! — сказал Франтишек.— Пусть у меня язык отсохнет...

— Ну, хватит, верю,— перебила его белая ворона.— А у белых ворон тоже можешь быть королём?

— И у белых ворон,— заверил её Франтишек,— был бы Франтишеком Королём.

— Погоди-ка,— проговорила ворона,— как раз сегодня у нас на Кракорке слёт, где мы будем выбирать короля всех ворон. Вороньим королём всегда бывает белая ворона. А раз ты белая ворона, да ещё и везде король, то, может, мы тебя и выберем. Знаешь что, ты тут подожди до обеда, а я в обед прилечу рассказать, как прошли выборы.

— Ну что ж, подожду,— согласился Франтишек Король.

Белая ворона расправила белые крылья, и — фрр! — только её и видели. Она полетела на Кракорку.

Стал тут Франтишек ждать и греться на солнышке.

Как вы знаете, ребята, выборы — дело болтливое; вот и белые вороны на Кракорке долго-долго спорили, судили и рядили и всё не могли договориться, пока наконец на Сыхровской фабрике не прогудел гудок на обед. Только тут вороны стали выбирать короля и в конце концов единодушно выбрали королём всех ворон Короля Франтишека.

Но Франтишеку Королю невмоготу было ждать, а того пуще — терпеть голод. В обед он поднялся и отправился в Гроново, к моему дедушке-мельнику, за краюшкой ароматного, свежего хлеба.

И, когда белая ворона прилетела сообщить ему, что он избран королём, он был уже далеко, за горами и долами.

Загоревали вороны, что у них пропал король, и белые вороны повелели серым облететь хоть весь свет, но во что бы то ни стало отыскать его, привести и посадить на вороний трон, что стоит в лесу на Кракорке.

С той поры летают вороны по свету и всё время кричат:

«Карроль! Карроль! Карр! Карр!»

А особенно зимой, когда они соберутся большой стаей, бывает, что вдруг все сразу вспомнят про короля, снимутся с места и полетят над полями и лесами, крича:

«Карроль! Карроль! Карр! Карр!»

БОЛЬШАЯ КОШАЧЬЯ СКАЗКА

КАК КОРОЛЬ ПОКУПАЛ НЕВЕДОМУ ЗВЕРУШКУ

Правил в стране Жуляндии один король, и правил он, можно сказать, счастливо, потому что когда надо — все подданные его слушались с любовью и охотой. Один только человек порой его не слушался, и был это не кто иной, как его собственная дочь, маленькая принцесса.

Король ей строго-настрого запретил играть в мяч на дворцовой лестнице. Но не тут-то было! Едва только её нянька задремала на минутку, принцесса прыг на лестницу — и давай играть в мячик. И — то ли её, как говорится, бог наказал, то ли ей чёрт ножку подставил — шлёпнулась она и разбила себе коленку. Тут она села на ступеньку и заревела. Не будь она принцессой, смело можно было бы сказать: завизжала, как поросёнок. Ну, само собой, набежали тут все её фрейлины с хрустальными тазами и шёлковыми бинтами, десять придворных лейб-медиков и три дворцовых капеллана,— только никто из них не мог её ни унять, ни утешить.

А в это время шла мимо одна старушка. Увидела она, что принцесса сидит на лестнице и плачет, присела рядом и сказала ласково:

— Не плачь, деточка, не плачь, принцессочка! Хочешь, принесу я тебе Неведому Зверушку? Глаза у неё изумрудные, да никому их не украсть; лапки бархатные, да не стопчутся; сама невеличка, а усы

богатырские; шёрстка искры мечет, да не сгорит; и есть у неё шестнадцать карманов, в тех карманах шестнадцать ножей, да она ими не обрежется! Уж если я тебе её принесу — ты плакать не будешь. Верно?

Поглядела принцесса на старушку своими голубыми глазками — из левого ещё слёзы текли, а правый уже смеялся от радости.

— Что ты, бабушка! — говорит.— Наверно, такой зверушки на всём белом свете нет!

— А вот увидишь,— говорит старушка.— Коли мне король-батюшка даст, что я пожелаю,— я тебе эту Зверушку мигом доставлю!

И с этими словами побрела-поковыляла потихоньку прочь.

А принцесса так и осталась сидеть на ступеньке и больше не плакала. Стала она думать, что же это за Неведома Зверушка такая. И до того ей стало грустно, что у неё этой Неведомой Зверушки нет, и до того страшно, что вдруг старушка её обманет,— что у неё снова тихие слёзы на глаза навернулись.

А король-то всё видел и слышал: он как раз в ту пору из окошка выглянул — узнать, о чём дочка плачет. И когда он услышал, как старушка дочку его утешила, сел он снова на свой трон и стал держать совет со своими министрами и советниками. Но Неведома Зверушка так и не шла у него из головы. «Глаза изумрудные, да никому их не украсть,— повторял он про себя,— сама невеличка, а усы богатырские, шёрстка искры мечет, да не сгорит, и есть у неё шестнадцать карманов, в них шестнадцать ножей, да она ими не обрежется... Что же это за Зверушка?»

Видят министры: король всё что-то про себя бормочет, головой качает да руками у себя под носом водит — здоровенные усы показывает,— и в толк никак

не возьмут, к чему бы это?! Наконец государственный канцлер духу набрался и напрямик короля спросил, что это с ним.

— А я, — говорит король,— вот над чем задумался: что это за Неведома Зверушка: глаза у неё изумрудные, да никому их не украсть, лапки бархатные, да не стопчутся, сама невеличка, а усы богатырские, и есть у неё шестнадцать карманов, в тех карманах шестнадцать ножей, да она ими не обрежется. Ну что же это за Зверушка?

Тут уж министры и советники принялись головой качать да руками под носом у себя богатырские усы показывать; но никто ничего отгадать не мог. Наконец старший советник то же самое сказал, что принцесса раньше старушке сказала:

— Король-батюшка, такой зверушки на всём белом свете нет!

Но король на том не успокоился. Послал он своего гонца, самого скорого, с наказом: старушку сыскать и во дворец представить. Пришпорил гонец коня — только искры из-под копыт посыпались,— и никто и ахнуть не успел, как он перед старушкиным домом очутился.

— Эй, бабка,— крикнул гонец, наклонясь в седле,— король твою Зверушку требует!

— Получит он, что желает,— говорит старушка,— если он мне столько талеров пожалует, сколько чистейшего на свете серебра чепчик его матушки прикрывает!

Гонец обратно во дворец полетел — только пыль до неба заклубилась.

— Король-батюшка, — доложил он, — старуха Зверушку представит, если ей ваша милость столько талеров пожалует, сколько чистейшего на свете серебра чепчик вашей матушки прикрывает!

— Ну что ж, это не дорого,— сказал король и дал своё королевское слово пожаловать старушке ровно столько талеров, сколько оиа требует.

А сам тут же отправнлся к своей матушке.

— Матушка,— сказал ои,— у нас сейчас гости будут. Надень же ты свой хорошенький малеиький чепец — самый маленький, какой у тебя есть, чтобы только макушку прикрыть!

И старая матушка его послушалась.

Вот старушка вошла во дворец, а на спиие у неё была корзина, хорошенечко завязанная большим чнстым платком.

В тронном зале её ожидали уже н король, и его матушка, н принцесса; да и все министры, генералы, тайные н явные советникн тоже сталн тут, затаив дыхание от волнения н любопытства.

Не спеша, не торопясь, стала старушка свой платок развязывать. Сам король вскочнл с трона — до того не терпелось ему поскорее увидеть Неведому Зверушку.

Наконец сняла старушка платок. Из корзииы выскочнла чёрная кошка н одним прыжком взлетела прямо на королевский трон.

— Вот так так! — закрнчал король.— Да ведь это всего-навсего кошка! Выходнт, ты нас обманула, старая?

Старушка упёрла руки в бока.

— Я вас обманула? Ну-ка гляиьте,— сказала оиа, указывая на кошку.

Смотрят — глаза у кошки загорелись, точь-в-точь как драгоценнейшие изумруды.

— Ну-ка, ну-ка,— повторяла старушка,— разве у иеё не нзумрудные глаза, и уж их-то у неё, король-батюшка, иикто не украдёт! А усы у неё богатырскне, хоть сама она и иевелнчка!

— Да-а,— сказал король,— а зато шёрстка у неё чёрная и никаких искр с неё не сыплется, бабушка!

— Погодите-ка,— сказала старушка и погладила кошечку против шерсти. И тут все услышали, как затрещали электрические искры.

— А лапки,— продолжала старушка,— у неё бархатные, сама принцесса не пробежит тише её, даже босиком и на цыпочках!

— Ну ладно,— согласился король,— но всё-таки у неё нет ни одного кармана и тем более никаких шестнадцати ножиков!

— Карманы,— сказала старушка,— у неё на лапках, и в каждом спрятан острый-преострый кривой ножик-коготок. Сосчитайте-ка, выйдет ли ровно шестнадцать!

Тут король подал знак своему старшему советнику, чтобы он сосчитал у кошки коготки. Советник наклонился и схватил кошку за лапку, а кошечка как фыркнет, и глядь — уже отпечатала свои коготки у него на щеке, как раз под глазом!

Подскочил советник, прижал руку к щеке и говорит:

— Слабоват я стал глазами, король-батюшка, но сдаётся мне — когтей у неё очень много, никак не меньше четырёх!

Тогда король подал знак своему первому камергеру, чтобы и тот сосчитал у кошки когти. Взял было камергер кошечку за лапку, но тут же и отскочил, весь красный, схватившись за нос, а сам и говорит:

— Король-батюшка, их тут никак не меньше дюжины! Я собственнолично ещё восемь штук насчитал, по четыре с каждой стороны!

Тогда король кивнул самому государственному канцлеру, чтобы тот посчитал когти, но не успел важный вельможа нагнуться над кошкой, как отпрянул

словно ужаленный. А потом, потрогав свой расцарапанный подбородок, сказал:

— Ровно шестнадцать штук, король-батюшка, собственноподбородочно сосчитал я последние четыре!

— Что ж, тогда ничего не попишешь,— вздохнул король,— придётся мне кошку купить. Ну и хитра же ты, бабушка, нечего сказать!

Стал король выкладывать денежки. Взял он у своей матушки маленький чепец — самый маленький, какой у неё был,— с головы, высыпал талеры на стол и накрыл их чепцом. Но чепец был такой крошечный, что под ним поместилось всего лишь пять серебряных талеров.

— Вот твои пять талеров, бабушка, бери и иди с богом,— сказал король, очень довольный, что так дёшево отделался.

Но старушка покачала головой и сказала:

— У нас не такой уговор был, король-батюшка. Должен ты мне столько талеров пожаловать, сколько чистейшего на свете серебра чепец твоей матушки прикрывает.

— Да ведь ты сама видишь, что прикрывает этот чепец ровно пять талеров чистого серебра!

Взяла старушка чепец, разгладила его, повертела в руке и тихо, раздумчиво сказала:

— А я думаю, король-батюшка, что нет на свете серебра чище, чем серебряные седины твоей матушки.

Поглядел король на старушку, поглядел на свою матушку и сказал тихонько:

— Права ты, бабушка.

Тут старушка надела матушке короля чепец на голову, погладила ласково её по волосам и сказала:

— Вот и выходит, король-батюшка, что должен ты мне столько талеров пожаловать, сколько сере-

бряных волосков у твоей матушки под чепцом уместилось.

Удивился король; сперва он было насупился, а потом рассмеялся и сказал:

— Ну и жулябия же ты, бабушка! Во всей Жуляндии второй такой хитрой жулябии не найти!

Но слово, ребятки, есть слово, и пришлось королю отдавать старушке то, что ей причиталось.

Попросил он свою матушку сесть поудобнее и приказал своему главнейшему лейб-бухгалтеру сосчитать, сколько серебряных волосков умещается под чепцом.

Принялся лейб-бухгалтер считать, а королевская матушка сидела тихо-тихо, не шевелясь; старушки, сами знаете, не прочь порой вздремнуть — вот и старая королева заснула.

Она спит, а лейб-бухгалтер считает; но когда он досчитал как раз до тысячи — видно, он чуточку потянул за волосок, и старая королева проснулась.

— Ай! — крикнула она.— Зачем вы меня разбудили? Мне такой чудный сон привиделся! Приснилось мне, что сейчас будущий наш король в пределы нашей державы вступает!

Старушка так и вздрогнула.

— Вот чудеса-то,— вырвалось у неё.— Ведь как раз сегодня должен мой внучек из соседней державы ко мне приехать!

Но король её не слушал.

— Откуда, матушка? Из какой державы будущий король нашей страны идёт? Из какого королевского дома?

— Не знаю,— отвечает ему матушка.— На этом самом месте вы меня разбудили!

А лейб-бухгалтер всё считает и считает; старая королева снова задремала.

Считал-считал бухгалтер, и вновь — как раз на двухтысячном волоске — рука у него дрогнула, и он опять волосок дёрнул.

— Дураки! — закричала старая королева.— Зачем вы меня разбудили! Мне как раз снилось, что не кто иной как эта чёрная кошечка привела к нам будущего короля!

— Вот так так, матушка,— удивился король,— слыханное ли это дело, чтобы кошка приводила будущих королей?

— Придёт время — сам увидишь,— сказала старая королева,— а теперь дайте же мне, наконец, доспать!

И вновь заснула королевская матушка, и вновь принялся считать лейб-бухгалтер. И когда он дошёл до трёхтысячного — и последнего — волоска, вновь дрогнула у него рука, и снова он за волосок потянул сильнее, чем надо.

— Ах вы бездельники! — закричала старая королева.— Ни минуты покоя старухе не даёте! А мне как раз снилось, что будущий король приехал к нам со всем своим домом!

— Ну, нет, простите меня, матушка,— сказал король,— но этого уж никак не может быть! Нет такого человека, чтобы мог привезти с собой целый королевский дворец!

— Не суди о вещах, в которых ничего не смыслишь! — строго сказала старая королева.

— Да, да,— кивнула старушка,— матушка твоя права, ваша королевская милость! Моему покойному муженьку одна цыганка нагадала: «Петух когда-нибудь всё твоё добро пожрёт!» Покойник, бедняжка, только посмеялся: «Слыханное ли это дело, мол, этого, цыганочка, никак не может быть!» Точь-в-точь как ты, король-батюшка!

— Ну и что же,— нетерпеливо спросил король,— ведь ничего такого и не было, верно?

Старушка начала утирать слёзы.

— А вот прилетел однажды красный петух — проще сказать, пожар, и всё-всё у нас пожрал! Муженёк мой чуть рассудка не лишился, всё одно и то же твердил: «Цыганка правду сказала! Цыганка правду сказала!» Теперь он вот уже двадцать лет как в могиле, бедняжка!

И старушка горько-прегорько заплакала.

Старая королева обняла её, погладила по щеке и сказала:

— Не плачь, бабушка, не то и я с тобой заплачу!

Тут король испугался и поскорее выложил деньги на стол. Живёхонько отсчитал он монета в монету три тысячи талеров — ровно столько, сколько серебряных волосков умещалось под чепцом его матушки.

— Вот, бабушка,— сказал он,— получай, и с богом. Что говорить — ты любого вокруг пальца обведёшь!

Старушка рассмеялась, и все кругом засмеялись. Попробовала она талеры убрать в кошелёк, но кошелёк оказался мал. Пришлось ей котомку свою развязать, и котомка эта быстро наполнилась. Старушка её и поднять не смогла. Два генерала и сам король помогли ей взвалить котомку на спину. Тут старушка всем низко поклонилась, обнялась со старой королевой и поискала глазами свою чёрную кошечку Мурку. Но Мурки нигде не было. Старушка огляделась на все стороны, позвала: «Кисонька, кис-кис-кис!» — но кошечки и след простыл. Только из-под трона, сзади, выглядывали чьи-то две ножки. Тихонечко, на цыпочках подошла туда старушка, и что же она увидела? В уголке за троном спала маленькая принцесса, а славная Мурка забралась к ней за пазуху и преуютно

мурлыкала. Тут старушка достала из кармана новенький талер и сунула его принцессе в кулачок. Но если старушка думала, что принцесса сохранит его на память, то она жестоко ошиблась, потому что как только принцесса проснулась и нашла у себя за пазухой кошку, а в кулачке — талер, она взяла кошку под мышку и пошла с ней на улицу поскорее проесть свой талер.

Пожалуй, старушка всё-таки знала об этом заранее.

Правда, принцесса ещё спала, когда старушка уже давно добралась домой, очень довольная и тем, что принесла столько денег, и тем, что Мурка попала в хорошие руки, а больше всего тем, что возчик уже привёз к ней из соседней державы её внучка, маленького Вашека.

ЧТО КОШКА УМЕЛА

Как вы уже слышали, кошку звали, собственно говоря, Мурка; но принцесса надавала ей ещё целую кучу всяческих имён: Киса, Кисонька, Кисочка и Кисюра, Кошенька, Кошечка, Коташка и Котуська, Мурмашонок, Мурлышка и Мурзилка, Кисёнок, Чернушка, Пушок и даже Пусенька. Теперь вам понятно, как принцесса её полюбила. Поутру, едва открыв глаза, она первым делом искала свою Кисоньку и находила её у себя в постели; Мурка, лентяйка, нежилась на одеяле и только мурлыкала, чтобы сделать вид, будто она что-то делает. Потом они обе умывались — Мурка, врать не стану, гораздо чище, хоть и без мыла, просто лапкой и язычком; чистенькой оставалась она и тогда, когда принцесса уже вымажется с ног до головы, как это удаётся только ребятам.

В сущности, Мурка была кошка, как все кошки. Одно отличало её от обычных кошек: она любила дремать, сидя на королевском троне, а этого обычные кошки, как правило, не делают. Может быть, она при этом вспоминала, что её дальний родственник Лев — не кто иной, как царь зверей. Но ручаться за это нельзя. Умела Мурка мурлыкать; отлично умела ловить мышей; умела видеть в темноте; умела шипеть так страшно, что и у змей стыла кровь в жилах; умела лазить по деревьям и залезать на крыши и оттуда на всех свысока поглядывать.

С придворным псом, по имени Буфка, она сначала поссорилась, а потом подружилась. Они так подружились, что даже начали друг другу во многом подражать: Мурка научилась бегать за принцессой, как собачонка, а Буфка, подсмотрев, как Мурка

приносит к подножию трона пойманных мышей, приволок к ногам короля здоровенную кость, найденную им где-то на свалке. Правда, его никто за это не похвалил.

А однажды они вдвоём даже поймали жулика, который забрался в сад.

Много ещё чего умела Мурка, но если обо всём рассказывать, то нашей сказке не будет конца. Поэтому я вам только скоро-наскоро расскажу, что она умела ловить лапкой рыбу в речке, любила есть салат из огурцов, ловила птичек, хотя это ей строго запрещалось, и при этом выглядела словно ангел без крыльев, и ещё она умела так мило играть, что можно было весь день ею любоваться.

А тот, кто хочет ещё что-нибудь узнать про Мурку, пусть внимательно и с любовью понаблюдает за какой-нибудь кошкой,— ведь в каждой кошке есть кусочек Мурки, и каждая умеет делать тысячи забавных и милых штучек и охотно показывает их всем, кто её не мучает.

КАК СЫЩИКИ ЛОВИЛИ ВОЛШЕБНИКА

Раз уж мы заговорили обо всём, что умеет делать кошка, надо сказать ещё вот о чём.

Принцесса где-то от кого-то слышала, что кошка, даже если падает с большой высоты, всегда упадёт на ноги и при этом с ней ничего плохого не случится.

Вот она и решила это проверить: схватила Мурку, залезла на чердак, выбросила кошку из слухового окна и поскорее высунулась наружу — посмотреть, действительно ли её кошка упадёт на ноги.

Но Мурка упала не на ноги, а на голову какому-то прохожему, который случайно оказался как раз

под окном. И — то ли Мурка слишком крепко уцепилась когтями за его голову, то ли ему ещё что-нибудь не понравилось — кто его знает, только он не дал кошечке спокойно посидеть у себя на голове, на что, вероятно, надеялась принцесса, а, наоборот, снял Мурку оттуда, сунул её за пазуху и поспешно удалился в неизвестном направлении.

С громким рёвом принцесса помчалась с чердака вниз, прямо к королю-батюшке.

— У-ху-ху-хух-у! — рыдала она.— Там внизу какой-то чужой дядька украл нашу Му-у-у-урочку!

Король изрядно перепугался.

«Кошка — невидаль небольшая,— подумал он,— но ведь эта кошка должна привести к нам будущего короля. Нет, нет, я не хотел бы её лишиться!»

И он приказал позвать начальника полиции.

— Так и так,— сказал ему король.— Кто-то похитил нашу чёрную кошку Мурку. Сунул её себе за пазуху и — поминай обоих как звали!

Начальник полиции наморщил лоб, сначала подумал — целых полчаса! — а потом сказал:

— Ваше величество, я найду упомянутую кошку, если мне поможет бог, а также явная и тайная полиция, пехотные войска, артиллерия, кавалерия, военно-морской флот, пожарные части, подводные лодки и авиация, предсказатели, гадалки, звездочёты и... всё остальное население!

И начальник полиции немедленно вызвал своих лучших детективов. Детектив, ребята, это человек, который служит в тайной полиции. Ходит он одетый как все люди, только постоянно переодевается кем-нибудь, чтобы его никто не узнал. Детектив за всем следит, всё находит, всех ловит, всё может и ничего не боится. Как вы видите, ребята, быть детективом или сыщиком не так-то легко.

Итак, начальник полиции срочно вызвал своих лучших детективов, они же сыщики. Это были, во-первых, три брата — Ловичек, Хватачек и Держичек,— а кроме них, хитрый итальянец синьор Плутелло, весёлый француз мосье Антраша, славянский великан господин Тигро́вский и, наконец, мрачный, молчаливый шотландец мистер Ворчли.

Два слова — и им всё стало ясно: кто поймает похитителя, тот получит крупное вознаграждение.

— Си! — закричал Плутелло.

— Уи! — радостно сказал Антраша.

— Мммм! — проворчал Тигровский.

— Уэлл! — коротко добавил Ворчли.

А Ловичек, Хватачек и Держичек только перемигнулись.

Уже через четверть часа Ловичек установил, что человек с чёрной кошкой за пазухой проходил по Спаленой улице.

Через час Хватачек принёс известие о том, что человек с чёрной кошкой за пазухой проходил по направлению Виноградов.

Ещё спустя полчаса примчался, запыхавшись, Держи́чек и доложил, что человек с чёрной кошкой за пазухой сидит в районе Страшнице в трактире и пьёт пиво.

Плутелло, Антраша, Тигровский и Ворчли вскочили в стоявший наготове автомобиль и помчались в направлении Страшнице.

— Знаете, ребята,— сказал Плутелло, когда сыщики прибыли на место,— такого отпетого преступника можно взять только хитростью. Предоставьте действовать мне.

Он немедленно переоделся продавцом канатов и явился в трактир. Там он увидел за столом Незнакомца в чёрном костюме, с чёрными волосами и чёр-

ной бородой, бледным лицом и прекрасными, хотя и грустными глазами.

«Это он»,— немедленно сообразил сыщик.

— Господино синьоро кавалеро,— затараторил он на ломаном языке,— моя продавать канатто и шпагатто! Крепчиссимо канатто,— толстиссимо шпагатто прима классо, невозможно развязаидо, невозможно оборватто!

И он размахивал перед Незнакомцем своими верёвками, свёртывал их и развёртывал, скатывал, сматывал и разматывал, растягивал и мял, перебрасывал из одной руки в другую, а сам в это время зорко следил за Незнакомцем, подстерегая благоприятный момент для того, чтобы набросить ему на руки петлю, быстро затянуть её и завязать её узлом.

— Мне не нужно, спасибо,— сказал Незнакомец и написал что-то пальцем на столе.

— Да вы только взгляните, синьоро! — тараторил Плутелло, ещё бойче размахивая своими верёвками.— Только взгляните, уно моменто, что за тоннини, что за толстини, что за крепчиссимо, что за белиссимо, что за... Что-что-что? Диаволо! — воскликнул он вдруг в ужасе.— Что же это такое?

Верёвки, которые он только что вертел, натягивал и растягивал, свёртывал и развёртывал, внезапно начали как-то странно извиваться в его руках, принялись сами собой переплетаться, путаться, завязываться, шнуроваться, стягиваться, и вот — Плутелло не верил своим глазам — он оказался крепко-накрепко связанным! Плутелло вспотел от страха, но всё ещё надеялся, что как-нибудь выпутается. И он начал вертеться и извиваться, выгибаться и корчиться, дёргаться и рваться; он вилял и петлял, выкручивался и вывёртывался; он сгибался в три погибели и вертелся ужом, чтобы как-нибудь освободиться.

Но верёвки только затягивались всё крепче, крепче и крепче, новые петли стягивали его по рукам и по ногам, прямо-таки бинтовали и упаковывали его, и наконец синьор Плутелло, весь опутанный и закутанный, завязанный и совершенно замотанный, запыхавшись, рухнул на пол.

А Незнакомец спокойно сидел на месте. Он даже ни разу не поднял своих грустных глаз.

Между тем сыщикам стало казаться странным, что Плутелло так долго не выходит.

— Ммммм! — сказал Тигровский решительно и ринулся в трактир.

Как он выпучил глаза! Плутелло лежал связанный на полу, а за столом сидел, опустив голову, Незнакомец и писал что-то пальцем на скатерти.

— Ммммммм! — проревел великан Тигровский.

— Простите,— сказал Незнакомец,— что вы этим хотите сказать?

— Что вы арестованы! — рявкнул сыщик Тигровский.

Незнакомец только поднял свои сказочно прекрасные глаза. Тигровский протянул было к нему свою лапищу, но под взглядом этих глаз ему стало как-то не по себе. Тогда он сунул руки в карманы и сказал:

— Стало быть, лучше всего будет, если вы пойдёте со мной добровольно. А то, если я кого сцапаю, у него ни одной живой косточки не остаётся.

— Да? — спросил Незнакомец.

— Будьте покойны,— продолжал сыщик.— А кого я ударю по плечу — тот остаётся на всю жизнь калекой.

— Милый мой,— удивлённо сказал Незнакомец,— всё это, конечно, дивно и прелестно, но сила — это ещё не всё. И кстати, разговаривая со мной, будьте любезны вынуть свои лапы из карманов.

Озадаченный Тигровский машинально послушался. Но что же это такое? Он никакими силами не мог вынуть руки из карманов! Попробовал тащить правую — она словно приросла. Попытался вынуть левую — на ней словно десять пудов повисло. Добро бы десять пудов — с ними он бы сумел управиться! Но руки он из карманов вытащить не мог, как ни старался, как ни дёргал, как ни тянул, как ни рвал и как ни метал!

— Скверные шутки,— прорычал Тигровский беспомощно.

— Не такие уж скверные, как вам кажется,— тихо сказал Незнакомец, спокойно продолжая чертить пальцем по столу.

Долго Тигровский кряхтел, потел и рвался, чтобы вытащить руки из карманов. Наконец остальным сыщикам, ожидавшим на дворе, показалось странным, что он так долго не возвращается.

— Теперь иду я,— смело сказал мосье Антраша и, сделав несколько изящнейших антраша, влетел в трактир.

Ну и вытаращил он глаза!

Плутелло лежал связанный на полу, Тигровский с руками в карманах выплясывал по комнате, как медведь, а за столом, опустив голову, сидел Незнакомец и чертил пальцем по столу.

— Вы хотите меня арестовать? — спросил Незнакомец, прежде чем Антраша открыл рот.

— К вашим услугам,— живо отвечал Антраша и достал из кармана стальные наручники.— Будьте столь любезны протянуть ваши ручки, высокоуважаемый мосье, мы наденем на них браслеты, прошу вас, прекрасные, прохладные браслеты, новёхонькие браслеты из наилучшей стали, с прелестнейшей стальной цепочкой, всё — первейшего качества!

При этом Антраша, игриво пощёлкивая наручниками, перебрасывал их из одной руки в другую, словно приказчик, расхваливающий свой товар.

— Соблаговолите только решиться,— трещал он без остановки,— мы никого не принуждаем, разве только самую малость, когда клиент колеблется; шикарные браслеты, милостивый государь, плотно облегают, нигде не жмут, нигде не трут...— И внезапно Антраша весь покраснел, вспотел и начал всё быстрее и быстрее перебрасывать наручники из руки в руку.— Прелестные на-на-ручники, словно специально для вас — ай, ай-яй-яй, из нержавеющей стали, сударь, в-в-в-высшего качества, закалены в в-в-в-в-в огне, отличной ф-ф-ф-ф-формы н-и-и-и-и... ой, ой-ой, проклятье! — завопил Антраша и швырнул наручники на пол.

Да и как было их не швырнуть! Как было не перебрасывать их из руки в руку! Наручники раскалились добела; едва коснувшись пола, они прожгли в нём здоровенную дырку. Просто чудо, что пол не загорелся!

Между тем и Ворчли начал беспокоиться, почему это никто не возвращается.

— Уэлл! — крикнул он решительно, вытащил свой револьвер и ворвался в трактир.

Зал был полон чада, Антраша прыгал от боли и дул себе на руки, Тигровский с руками в карманах вертелся и дёргался, Плутелло лежал на полу, совершенно замотавшись, а за столом сидел, опустив голову, Незнакомец и что-то рисовал пальцем на скатерти.

— Уэлл! — заявил Ворчли и пошёл с револьвером прямо на Незнакомца. Тот поднял свой задумчивый, ласковый взгляд. Ворчли почувствовал, что у него под этим взглядом задрожала рука, но он овладел

собой и выпустил из своего револьвера все шесть пуль в Незнакомца. Прямо в лоб!

- Вы кончили? — спросил Незиакомец.

— Нет ещё,— возразил Ворчли, выхватил второй револьвер и выпустил в лоб Незнакомца ещё шесть пуль.

— Готово? — спросил Незнакомец.

— Да,— отвечал Ворчли, повернулся на каблуках и, скрестив руки, уселся в угол на скамейку.

— Тогда я расплачу́сь,— сказал Незиакомец и постучал монетой по кружке. Но никто к иему ие подошёл. Услыхав выстрелы, трактирщик и все официанты попрятались на чердаке.

Незнакомец положил монету иа стол, попрощался с детективами и преспокойно иаправился к выходу.

В этот самый миг в одно окно заглянул Ловичек, в другое Хватачек, в третье — Держичек. Первым в зал вскочил — прямо в окно — Ловичек.

— Ребята, куда вы его дели? — крикнул он и расхохотался.

Во второе окно вскочил Хватачек.

— По-моему,— сказал он и захохотал,— Плутелло делает антраша иа полу!

В третье окно вскочил Держичек.

— А мне кажется,— сказал он,— что мосье Антраша несколько ворчлив!

— Я нахожу,— сказал Ловичек,— что у Ворчли вид ие очень тигровский!

— А по моему мнеиию,— продолжал Хватачек,— у Тигровского руки в карманах заплутеллись.

Плутелло приподнялся.

— Ребята,— сказал он,— тут ие до смеху! Преступник связал меня, ие прикоснувшись ко мие и пальцем.

— А мне,— проворчал Тигровский,— он приковал руки к карманам!

— А у меня,— простонал Антраша,— он раскалил в руках наручники.

— Уэлл, — добавил Ворчли, — всё это пустяки. А вот я выпустил ему в лоб двенадцать пуль из револьвера, а он не получил и царапины.

Ловичек, Хватачек и Держнчек переглянулись.

— Мне кажется...— начал Ловичек.

— ...что этот преступник...— продолжал Хватачек.

— ...на самом деле — волшебник! — закончил Держичек.

— Но не падайте духом, ребята,— начал снова Ловичек.— Он у нас в ловушке. Мы привели тысячу солдат...

— ...и приказали окружить трактир,— продолжал Хватачек.

— ...так, чтобы и мышь не ускользнула! — заключил Держичек.

В этот момент прогремел залп тысячи винтовок.

— С ним покончено! — закричали все сыщики в один голос.

Тут дверь распахнулась, и в зал влетел генерал — командир части, окружившей трактир.

— Разрешите доложить, — забарабанил он, — что мы окружили трактир. Я дал приказ, чтобы и мышь отсюда не улизнула. И вдруг вылетает белый голубь с ласковыми глазками и кружится у меня над головой!

— Ох! — закричали все. Только Ворчли сказал «уэлл».

— Я рассек голубя саблей пополам,— продолжал генерал,— и в то же время все солдаты выстрелили в него. Голубь разлетелся на тысячу кусков, но

каждый кусок превратился в белую бабочку и упорхнул. Разрешите доложить, что же теперь делать?

Глаза Ловичека сверкнули.

— Хорошо,— приказал он,— вы мобилизуете всё войско, весь резерв и вдобавок всё ополчение и пошлёте их во все страны ловить бабочек!

Так и было сделано, и — не буду от вас скрывать — так и была собрана прекраснейшая коллекция бабочек, которую и сейчас показывают в Национальном музее. Кто приедет в Прагу, должен обязательно её осмотреть.

А Ловичек между тем сказал остальным детективам:

— Ребята, вы здесь больше не нужны, мы одни с этим делом управимся.

И все они – Плутелло, Антраша, Ворчли и Тигровский — отправились по домам, печальные и не солоно хлебавши.

Ловичек, Хватачек и Держичек долго совещались, как им изловить волшебника. Они выкурили целый центнер табаку, съели и выпили всё, что нашлось в Страшнице, но им так ничего и не пришло в голову.

Наконец Держичек сказал:

— Ребята, так дело не пойдёт. Надо немного проветриться.

Все отправились на улицу, но едва они ступили за порог, кого же они увидели? Волшебника собственной персоной! Он сидел и с любопытством смотрел, что они будут делать.

— Вот он! — радостно завопил Ловичек.

Одним прыжком кинулся он на Волшебника и схватил его за плечо. Но в тот же самый миг Волшебник превратился в серебристую змейку, и Ловичек в ужасе отбросил её от себя.

Тут подоспел Хватачек и набросил свой пиджак на змейку. Тогда змея превратилась в золотую муху и в рукав вылетела на волю.

Живо подскочил Держичек и поймал золотую мушку своей кепкой. Но муха сделалась серебристым ручейком, который пустился наутёк, а убегая, захватил с собой и кепку!

Сыщики кинулись в трактир за кружками, чтобы вычерпать ручей. Но он тем временем добежал до Влтавы и впал в неё. Потому-то и сейчас Влтава порой, когда она в хорошем настроении, вся серебрится; она нежится под солнцем, солнечно шумит и, вспомная Волшебника, сверкает так, что голова может закружиться.

Вот стоят Ловичек, Хватачек и Держичек на берегу Влтавы и размышляют. И что же? Вдруг серебристая рыбка высунула из воды голову и поглядела на них чудесными чёрными глазами — сказочно прекрасными глазами Волшебника.

Все три сыщика моментально купили себе удочки и принялись удить рыбу во Влтаве. И сейчас их можно там встретить: целыми днями сидят они в лодках со своими удочками над рекой и молчат. Ведь они никак не могут успокоиться, пока не поймают серебряной рыбки с чёрными глазами...

Немало еще сыщиков пыталось изловить Волшебника, но всё безуспешно.

Порой, когда они мчались в погоню за ним на автомобиле, из придорожных кустов вдруг выглядывал молодой олень и провожал их своими кроткими, чёрными, любопытными глазами; когда они преследовали Волшебника на самолёте, за ними следом летел орёл, не сводя с них гордого, пламенного взора, а когда они отправлялись на поиски пароходом,— из глубины морской выплывал дельфин и рассматривал

их в упор умным взглядом; а порой даже цветы на столе сыщика начинали светиться и ласково, любопытно глядели на него, или собака-ищейка вдруг поднимала голову и обращала к хозяину такие чудесные человеческие глаза, каких у неё отродясь не бывало.

Отовсюду, казалось, наблюдал за сыщиками Волшебник — посмотрит и исчезнет...

Да, где уж им было его поймать!

КАК ЗНАМЕНИТЫЙ СИДНИ ХОЛЛ ПОЙМАЛ ВОЛШЕБНИКА

Обо всём этом Сидни Холл, знаменитый американский сыщик, прочитал в газете. Он решил сам попытать счастья. Сидни Холл переоделся миллионером, сунул в карман револьвер и отправился в Европу. Прибыв туда, он немедленно представился начальнику полиции, который во всех подробностях рассказал ему об охоте на Волшебника.

— Как вы видите,— закончил начальник полиции,— действительно совершенно невозможно представить этого злодея на суд.

Сидни Холл только улыбнулся.

— Самое большее через сорок дней он будет сидеть у вас в тюрьме!

— Не может быть! — закричал начальник.

— Держу пари на блюдо груш! — сказал Сидни Холл.

Дело в том, что он больше всего на свете любил есть груши и держать пари.

— Идёт! — воскликнул начальник полиции.— Но скажите, ради бога, как вы думаете взяться за дело?

— Прежде всего,— сказал Сидни Холл,— я должен совершить кругосветное путешествие. Для этого мне понадобится куча денег.

Тут начальник полиции выдал ему кучу денег и, чтобы показать, какой он умный, сказал:

— Ага, ага, я догадываюсь, какой у вас план, но мы должны держать дело в секрете, чтобы Волшебник не узнал, что мы его преследуем.

— Наоборот,— возразил сыщик,— велите завтра утром напечатать во всех газетах мира, что знаменитый Сидни Холл обязался арестовать Волшебника в течение сорока дней. А пока честь имею кланяться.

Затем Сидни Холл пошёл к одному всемирно известному путешественнику, который однажды объехал весь свет за пятьдесят дней, и сказал ему:

— Хотите держать пари, что я объеду вокруг света в сорок дней?

— Это невозможно,— сказал путешественник.— Филеас Фогг[1] объехал вокруг света в восемьдесят дней, я сам — за пятьдесят. Быстрее это сделать нельзя!

— Держу пари на тысячу талеров,— сказал Сидни Холл,— что я это сделаю!

И они заключили пари.

В ту же ночь Сидни Холл уехал. Через неделю из Александрии в Египте от него пришла телеграмма: «Напал на след. Сидни Холл».

Спустя ещё семь дней последовала новая телеграмма — из Бомбея в Индии: «Петля затягивается. Всё отлично. Подробности письмом. Сидни Холл».

Несколько позже пришло из Бомбея и письмо, но оно было написано шифром, которого никто не понял.

Ещё через восемь дней из Нагасаки, Япония, прилетел почтовый голубь с записочкой на шее. В записочке значилось: «Приближаюсь к цели. Ждите. Сидни Холл».

[1] Герой романа Жюля Верна «Восемьдесят дней вокруг света».

Затем последовала депеша из Сан-Франциско, в Америке: «Поймал насморк. В остальном всё в порядке. Запасайтесь грушами. Сидни Холл».

И наконец на тридцать девятый день после отъезда пришла телеграмма из города Амстердама, Голландия: «Прибуду завтра вечером в семь пятнадцать. Приготовьте груши, желательно дюшес. Сидни Холл».

На сороковой день в семь часов пятнадцать минут поезд загромыхал у платформы. Из вагона выскочил Сидни Холл, а за ним вышел Волшебник — грустный, бледный, с опущенными глазами. Все сыщики ждали на перроне и удивились, что Волшебник был без

наручников. Но Сидни Холл только помахал им рукой и сказал:

— Ожидайте меня сегодня вечером в трактире Синей Собаки. Сначала я должен доставить этого господина в тюрьму.

И он сел вместе с Волшебником на извозчика, но в последний момент вспомнил ещё что-то. Он высунулся из экипажа и крикнул:

— Не забудьте захватить груши!

Вечером сыщика Сидни Холла ожидало блюдо превосходнейших груш, окружённое всеми детективами. Они уже думали, что он вообще не придёт, когда дверь трактира отворилась и вошёл старенький, сгорбленный человечек, один из тех, что разносят по трактирам селёдки и солёные огурцы.

— Дедушка,— сказали сыщики,— мы у тебя вряд ли что-нибудь купим.

— Жаль, жаль,— сказал старичок и вдруг задрожал, зашатался, закашлялся, запыхтел, заикал и, поперхнувшись и чуть не подавившись, рухнул на стул.

— Господи! — закричал один из сыщиков.— Чего доброго, старичок ещё отдаст тут богу душу!

— Нет, нет,— простонал старик, задыхаясь и продолжая извиваться и корчиться,— но я прямо не могу больше выдержать!

И тут все заметили, что он просто-напросто ужасно хохочет и не может остановиться. Слёзы текли у него из глаз, голос прерывался, лицо побагровело, и наконец он простонал:

— Ой, ребята, ребята, мо́чи моей нет!

— Дедушка,— сказали сыщики,— что вам надо?

Тут старичок встал, проковылял к столу, выбрал на блюде лучшую грушу, очистил её и в одно мгновение съел. И только потом он сорвал с себя фальшивую бороду, фальшивый нос, фальшивые седые воло-

сы и синие очки, и на свет появился гладко выбритый, смеющийся Сидни Холл.

— Ребята,— сказал Сидни Холл,— не обижайтесь на меня, но ведь я сорок дней не мог ни разу громко засмеяться!

— Когда же вы поймали Волшебника? — в один голос спросили все сыщики.

— Только вчера,— сказал знаменитый Сидни Холл,— но с самого начала я мог бы лопнуть со смеху при мысли о том, как я его ловко околпачу.

— А как же,— налегали сыщики,— как же вы его сцапали?

— Это длинная история,— сказал Сидни Холл.— Я вам её расскажу, ребята, но сперва я должен съесть ещё вот эту грушу.

Когда он её съел, он начал свой рассказ приблизительно так:

— Итак, внимание, дорогие коллеги. Прежде всего — самое главное. Вот что я вам скажу: приличный детектив, он же сыщик, не должен быть ослом.

При этом он обвёл взглядом круг собравшихся, словно мог между ними найти осла.

— А дальше? — спросили сыщики.

— Дальше? — сказал Сидни Холл.— Во-вторых, он должен быть себе на уме. И в-третьих,— продолжал он, очищая третью грушу,— он должен быть семи пядей во лбу. Вы знаете, на что ловят мышей?

— На сало,— ответили детективы.

— А знаете вы, на что ловят рыбу?

— На мух или червей.

— А знаете вы, на что ловят волшебников?

— Этого мы не знаем,— признались сыщики.

— Волшебника, — поучительно сказал Сидни Холл,— ловят точно так же, как и всякого другого человека: на его собственные слабости. Прежде всего

надо обязательно выведать, какие это слабости. А знаете ли вы, ребята, какая слабость у нашего Волшебника?

— Нет, и этого мы не знаем.

— ЛЮБОПЫТСТВО,— объявил Сидни Холл.— Волшебник может сделать всё, буквально всё на свете, но он любопытен, ужасно любопытен... А теперь я должен съесть вот эту грушу.

Съев её, он продолжал:

— Вы все думали, что гоняетесь за Волшебником. А на самом деле это Волшебник гонялся за вами, преследовал вас по пятам и не спускал с вас глаз, потому что он был страшно любопытен и хотел знать всё, что вы против него задумали. Вот потому-то он от вас и не отставал. И на его любопытстве я построил свой план.

— Какой же план? — нетерпеливо закричали сыщики.

— Очень простой. Путешествие вокруг света, ребята, это была, в сущности, просто увеселительная прогулка. Мне уже давно хотелось как-нибудь совершить кругосветное путешествие. А возможности у меня такой не было. Но, приехав сюда, я сразу смекнул, что Волшебник последует за мной куда угодно, лишь бы поглядеть, что я такое придумал, чтобы его поймать. Отлично, говорю я себе, потащу-ка я его за собой вокруг света! И сам погляжу на белый свет и его из виду не упущу. Вернее — он меня из виду не упустит. А чтобы разжечь его любопытство, я заключил пари, что сделаю всё это в сорок дней... Но теперь я сперва съем эту чудесную грушу.

Сидни Холл съел её и продолжал:

— Нет ничего на свете лучше груш! Итак, я сунул в карман револьвер и деньги, переоделся шведским купцом и отправился в путь.

Сначала в Генуе. Это, ребята, как вы знаете, в Италии, а по дороге ты видишь все Альпы. Ну и высокие эти Альпы! Неслыханно высокие! Если с вершины оторвётся камень, он падает так долго, что, пока он вниз упадёт, на нём мох вырастет. Из Генуи я решил ехать пароходом в Александрию, в Египет.

Генуя поразительно красивый порт; такой красивый, что уже издали все корабли сами туда бегут. За сотню миль от Генуи в топках пароходов гасят огонь, винты перестают вертеться, паруса убирают, потому что суда до того радуются при виде Генуи, что бегут туда сами собой.

Мой пароход отходил точно в четыре часа дня. В три часа пятьдесят минут я спешу в порт и вдруг по дороге вижу маленькую девчонку, которая плачет горькими слезами.

«Лапочка,— говорю я ей,— почему ты плачешь?»

«Да-а-а-а,— хнычет девчонка,— я потерялась».

«Если ты потерялась, пойди поищи себя»,— говорю я.

«Да ведь я маму потеряла,— всхлипывает Лапочка,— и я не знаю, где она».

«Это другое дело»,— говорю я. Беру девчушку за руку и отправляюсь искать её мамочку.

Целый час носился я по Генуе, пока мы эту мамочку нашли. Ну и что же? Было уже четыре часа пятьдесят минут. Мой пароход давно должен был отчалить.

«Из-за этой Лапочки,— думаю я,— ты потерял целый день». Грустный, иду я в порт и глядь — не верю своим глазам: мой пароход ещё в порту. Я живёхонько туда.

«Ну, ну, швед,— говорит капитан,— вы, однако, не торопитесь! Мы бы давно уже ушли в плавание, да,

на ваше счастье, у нас якорь так неудачно зацепился за грунт, что мы целый час его вытащить не могли».

Ну, я, конечно, обрадовался... А теперь я могу опять съесть грушу.

Когда с грушей было покончено, Сидни Холл сказал:

— Батюшки, какая вкусная!.. Стало быть, вышли мы в Средиземное море. Средиземное море такое синее, что нельзя понять, где начинается небо и где кончается море. Поэтому там везде — на кораблях и на берегу — стоят плакаты-указатели, и на них написано, где верх, а где низ, а то можно было бы и спутать.

Кстати, как рассказал нам капитан, однажды один пароход действительно заблудился и поплыл не по морю, а по небу; а так как небу нет конца, он до сих пор не возвратился. Никто не знает, где он теперь.

И вот по этому морю мы приплыли в Александрию. Александрия — это большой, великий город, потому что его основал Александр Великий.

Оттуда я отправил телеграмму, чтобы убедить Волшебника, что я его выслеживаю. На самом деле я о нём ни капельки не заботился, я знал, что сам он всюду меня преследует.

Ну, раз уж я оказался в Александрии, я заодно поплыл по священным водам Нила в Каир. Каир — огромный город. Он бы сам в себе никогда не разобрался, и все дома и улицы в нём могли заблудиться, не будь там понаставлено высоченных мечетей и минаретов. Они видны из такой дали, что самые окраинные домишки могут понять, где находятся.

Под Каиром я искупался в Ниле, потому что там страшно жарко. На мне были только плавки и револьвер. Остальные вещи лежали на берегу. И тут на берег вылез огромный крокодил и сожрал мою одежду со всем, что там было. включая часы и день-

ги. Я, значит, бросаюсь на крокодила и пускаю в него шесть пуль из револьвера, но все пули отлетели от его панциря, словно он был из стали, а крокодил громко расхохотался надо мной... А теперь я съем ещё одну грушу.

Разделавшись с грушей, Сидни Холл продолжал свой рассказ:

— Как известно, крокодил умеет рыдать и плакать, как малый ребёнок. Так-то он и заманивает людей в воду. Они думают — ребёнок тонет, спешат ему на помощь, а крокодил хватает их и пожирает. Но этот крокодил был так стар и умён, что он научился не только плакать, как ребёнок, но и ругаться, как матрос, петь, как оперная певица, и вообще говорить, как человек. Говорят даже, что он принял мусульманскую веру.

На душе у меня было как-то грустно. Что же я теперь буду делать без одежды и без денег? И вдруг рядом со мной оказался какой-то араб и говорит чудовищу:

«Эй, крокодил, ты что же — проглотил одежду вместе с часами?»

«Само собой»,— отвечает крокодил.

«Ну и дурак,— говорит араб,— часы-то были не заведены. А зачем тебе часы, которые не идут?»

Крокодил немного подумал, а потом говорит мне:

«Эй, ты, я сейчас немного открою пасть, ты полезай ко мне в брюхо и достань оттуда часы, заведи их и положи опять на место».

А я ему:

«Ну что ж, это можно, да как бы ты мне руку не откусил. Знаешь что? Я тебе поставлю эту палку между челюстями, чтобы ты не мог закрыть свою мерзкую пасть».

«Пасть у меня вовсе не мерзкая,— говорит кро-

кодил,— но если ты иначе не можешь, тогда ладно. Втыкай свою палку между моих почтенных челюстей, но поживее!»

Я, понятно, так и сделал и достал из его брюха не только свои часы, но и костюм, ботинки и шляпу, а потом говорю:

«Палку, старина, я тебе оставляю на память».

Крокодил хотел выругаться, но не мог, потому что пасть у него была разинута и там торчала палка. Он хотел меня сожрать, но тоже не мог; хотел попросить прощения, но и этого не мог. Я тем временем спокойно оделся и сказал ему:

«И да будет тебе известно, у тебя мерзкая, отвратительная, дурацкая пасть». И плюнул в неё. Тут он от ярости заплакал крокодиловыми слезами.

Ищу я араба, который меня так ловко выручил, а его и след простыл. А крокодил так и плавает с разинутой пастью в Ниле...

Из Александрии я поехал в Бомбей переодетый индийским раджей. До чего мне этот костюм был к лицу, ребята,— удивительно! Сперва мы поплыли по Красному морю. Оно называется Красным потому, что всё время краснеет от стыда, что оно такое маленькое. История такая: когда все моря были молодые, совсем маленькие, и только собирались расти, Красное море играло на берегу с арабскими ребятишками; и так заигралось, что совершенно позабыло расти, хотя ему создатель кругом в пустынях настелил чудеснейшего песочка, из которого оно должно было себе сделать дно. Только в самый последний момент море спохватилось, но тут ему оставалось расти только в длину, да и то между ним и Средиземным морем, с которым ему нужно было соединиться, осталась полоска сухой земли. Это его так огорчало, что люди наконец сжалились над ним и соединили оба эти

моря каналом. С тех пор Красное море уже не так краснеет.

Когда мы прошли Красное море, я заснул у себя в каюте. Вдруг кто-то тихонечко стучится в мою дверь. Открываю. В коридоре пусто. Я подождал немного и тут слышу, что к моей каюте приближаются двое матросов.

«Убьём этого раджу,— шепчет один,— и украдём все жемчуга и алмазы, которыми у него обшито платье».

А все эти алмазы и жемчуга, ребята, не знаю, поверите вы мне или нет, были стеклянные.

«Подожди здесь,— шепчет второй,— я забыл нож наверху».

Пока он бегал за ножом, я схватил первого матроса за шиворот, сунул ему кляп в рот, одел его раджей и уложил, связанного, на свою койку. А сам я надел его костюм и встал на его место у двери. Когда второй матрос пришёл с ножом, я говорю:

«Убивать раджу тебе не придётся, я его уже задушил. Ты иди, забери его жемчуга и алмазы, а я тут покараулю».

Едва он вошёл в мою каюту, я запер за ним дверь и пошёл к капитану.

«Господин капитан,— говорю я,— у меня интересные гости».

Когда капитан увидел, что́ случилось, он велел отодрать обоих матросов. А я собрал всех остальных, показал им свои бриллианты и жемчуга и говорю:

«Я хочу, ребята, чтобы вы поняли: для умного человека жемчуга и алмазы — тьфу!» И с этими словами швырнул все мои стеклянные драгоценности в море.

Тут они все поклонились мне до земли и воскликнули:

«Мудр и велик раджа!»

Но кто стучал в мою каюту и спас мне жизнь, этого я не знаю по нынешний день... А теперь я съем вот эту большущую грушу

Сидни Холл ещё не доел её и заговорил с полным ртом:

— Так мы счастливо прибыли в Бомбей — в Индию. Индия, ребята, великая и удивительная страна. Иногда там бывает так жарко, что вода совершенно высыхает и надо поливать, чтобы она совсем не испарилась. Леса там такие густые, что даже для деревьев места не хватает. Недаром они называются джунгли. Когда идёт дождь, там всё изумительно растёт. Целые храмы вырастают из земли, как у нас грибы,— поэтому там, например в Бенаресе, так много храмов. Обезьян там — что у нас воробьёв. Они такие ручные, что заходят даже в комнаты и разгуливают по ним; частенько просыпается человек утром и вдруг находит вместо самого себя в кровати обезьяну. До того они ручные. А змеи там такие длиннющие, что если этакая змея оглянется на свой хвост, она даже не поймёт, что это её собственный хвост, а думает, что это за ней гонится другая, ещё бóльшая змея. Тогда она пускается наутёк и в конце концов подыхает от усталости. О слонах и говорить нечего — они там как дома. Вообще, ребята, Индия — это величайшая страна.

Из Бомбея я опять послал телеграмму и шифрованное письмо, чтобы Волшебник подумал, что я бог знает что против него затеял.

— Что же было в письме? — спросили детективы.

— А я,— похвастался один из них,— уже наполовину расшифровал ваше письмо.

— Тогда вы умнее меня,— возразил знаменитый Сидни Холл,— потому что я сам его не мог бы рас-

шифровать. Я просто намазюкал на бумаге что-то похожее на шифрованное письмо.

Из Бомбея я поехал по железной дороге в Калькутту. В Индии, можете себе представить, в поездах вместо скамеек стоят ванны, чтобы пассажирам было не так жарко.

Вблизи Калькутты мы ехали вдоль берега священной реки Ганга. Река эта невообразимо широка. Если бросить камень на другой берег, он будет лететь полтора часа. И вот когда мы ехали по берегу, какая-то женщина стирала в реке бельё. Видно, она слишком сильно наклонилась или уж не знаю что, а только она упала в воду и чуть не утонула. Я, понятно, выскочил из поезда на ходу и вытащил эту растяпу на берег. Ведь и вы так же поступили бы на моём месте?

Детективы что-то пробормотали.

— Ну вот,— продолжал Сидни Холл,— и, сказать вам правду, на этот раз я не так дёшево отделался, а именно: как раз когда я вытаскивал прачку из воды, меня схватил какой-то скот аллигатор и страшно укусил за руку. Прачку я, правда, успел вытащить на берег, но тут же упал без сознания на землю. Индийские женщины четыре дня ухаживали за мной, и на память я получил вот это золотое кольцо. Да, ребята, на всём белом свете люди умеют быть благодарными, даже если они чёрные язычники, и какой-нибудь голый парень из Индии ничуть не хуже нас с вами. Он человек — и точка!

Но что во всём этом толку, если я проиграл целых пять дней? И заодно своё пари!

Сижу я на берегу и думаю: «Теперь мне в сорок дней не уложиться! Пари на тысячу долларов прошляпил и блюдо груш тоже прошляпил. И вот, пока эти грустные мысли проходят у меня в голове, вдруг по реке идёт, как её... ага, джонка, такое смешное

судёнышко с парусами из тростниковых циновок. На нём сидят три коричневых парня, малайца, и скалят зубы, как будто я пирожное.

«Ниа наниа пхе хем Нагасаки»,— лопочет первый.

«Ах ты сердечный,— говорю я,— ты думаешь, я тебя понимаю?»

«Ниа наниа пхе хем Нагасаки»,— лопочет он опять и ухмыляется, скалит зубы — по его мнению, вероятно, в знак дружеского расположения.

«Нагасаки» — это я всё же понял. Это порт в Японии, куда мне как раз нужно было.

«В Нагасаки,— говорю я,— в таком-то корыте? Меня сюда никакой силой не затащишь!»

«Ниай,— говорит он в ответ, а потом бормочет ещё что-то, показывает на свою джонку, на небо, на своё сердце — словом, я обязательно должен сесть и ехать.

«Да ни за полное блюдо груш!» — отвечаю я.

Тут эти трое коричневых чертей наскакивают на меня, валят меня на землю, заворачивают меня в циновки и бросают на свою джонку, как тюк. Что я при этом думал, повторять не стоит. Но в конце концов я заснул в этой упаковке, а когда я проснулся, я был уже не на джонке, а на морском берегу. Над головой я увидел вместо солнца большую хризантему, все деревья вокруг были отлично отлакированы, и каждая песчинка на берегу чисто вымыта и отполирована. По этой чистоте я сразу сообразил, что я в Японии. И как только я встретил жёлтого раскосого парня, я его спросил:

«Послушайте, гражданин, где я, собственно, нахожусь?»

Он засмеялся и сказал:

«Нагасаки».

Да, ребята,— задумчиво продолжал Сидни

Холл,— меня никто дураком не считал, но чтобы понять, как я в несчастной джонке за ночь приплыл из Калькутты в Нагасаки, когда для этого самому скорому пароходу нужно десять дней,— чтобы это понять, пардон, у меня ума не хватает... Так что я съем эту грушу.

Тщательно очистив грушу и съев её, он продолжал рассказывать:

— Япония — большая и удивительная страна. Японцы народ весёлый и ловкий. Они делают чашки из фарфора до того тоненькие, что для них, в сущности, и фарфора не нужно: просто берут и описывают большим пальцем круг в воздухе, потом его красиво разрисовывают, и чашка готова. А если бы я вам стал рассказывать, как японцы рисуют, вы бы мне не поверили. Я видел там одного художника, у которого кисточка упала из рук на лист белой бумаги, и, пока она катилась по бумаге, она нарисовала целый ландшафт: дома, деревья, на дорогах — люди, а в небе — дикие гуси. Когда я этому удивился, художник сказал:

«Ну, это пустяки, вы бы посмотрели, как работал мой покойный учитель. Однажды он в дождь испачкал свои почтенные туфли. Когда грязь начала засыхать, он показал их нам: на одной туфле грязью нарисовано, как охотник с собакой гонятся за зайцем, а на другой — как ребята играют в классы».

Из Нагасаки я отплыл на пароходе в Америку, в Сан-Франциско. Во время этого плавания ничего особенного не произошло. Разве только то, что наш пароход во время бури перевернулся и утонул. Мы все живо вскочили в спасательные шлюпки. Когда шлюпки наполнились, двое матросов закричали:

«Тут ещё одна женщина! Есть у вас в шлюпке место?»

«Нет!» — закричало несколько человек.

А я крикнул:

«Есть, есть. Давайте её скорей сюда!»

Тогда соседи швырнули меня в воду, чтобы очистить место для дамы. Я, ребята, понятно, не противился. «Дамам,— подумал я,— всегда надо уступать». Когда корабль затонул и шлюпки уплыли, я остался один-одинёшенек посреди моря. Сел я на доску и стал качаться на волнах. Вообще-то было мне довольно уютно, не будь так сыро. День и ночь носился я по волнам, и мне уже стало казаться, что на этот раз дело кончится плохо. И тут ко мне подплыла жестянка, а в ней оказались ракеты.

«На что мне эти ракеты? — подумал я сперва.— Лучше бы это были груши». Но потом я кое-что сообразил. Когда наступила тёмная ночь, я зажёг первую ракету, она взлетела ввысь и загорелась, как метеор. Вторая ракета рассыпалась звёздочками, третья засияла как солнце, четвёртая запела, а пятая улетела так высоко, что застряла где-то среди звёзд. Там она и сейчас светится. Пока я так развлекался, подошёл большой пароход и взял меня на борт.

«Да, браток,— сказал капитан,— если бы не ракета, ты бы здесь утонул. Но когда мы за десять миль отсюда увидели твои ракеты, мы сразу поняли, что кто-то зовёт на помощь».

За здоровье этого славного капитана я съем вот эту грушу.

Покончив с ней, Сидни Холл весело продолжал:

— В Сан-Франциско я, стало быть, ступил на американскую землю. Америка, ребята, это моя родина, и — что тут много разговаривать — Америка это Америка. Если я вам буду про неё рассказывать, вы мне, конечно, не поверите,— такая большая и удивительная страна Америка. Скажу вам только, что я

сел в тихоокеанский экспресс и поехал в Нью-Йорк. Там дома такие высокие, что их никак нельзя достроить до конца, потому что пока каменщики и кровельщики по лесам заберутся наверх — уже обед, они там только скоренько пообедают тем, что взяли с собой, и начинают скорей спускаться вниз, чтобы вовремя лечь спать; так оно и идёт день за днём. И вообще лучше Америки ничего нет; а кто не любит свою родину так, как я люблю Америку, тот старый осёл.

Из Америки я на пароходе поплыл в Голландию, в город Амстердам. По пути — по пути, ну да,— по пути со мной случилось самое интересное и чудесное из всех приключений. Пропади я пропадом, ребята, это и есть, собственно, самая замечательная штука во всём путешествии!

— Что же это? — закричали детективы.

— Н-да, как бы вам сказать,— покраснев, сказал Сидни Холл,— дело в том, что я обручился. На пароходе ехала одна милая молодая девица, гм-гм, зовут её Алиса, и нет на свете никого красивее её, даже среди вас. Нет, действительно нет! — добавил мистер Сидни Холл после глубокого раздумья.— Но вы, пожалуйста, только не думайте, что я ей сказал, как она мне нравится. Шёл уже последний день нашего путешествия, а я всё ещё ничего ей не сказал... А теперь я съем эту грушу.

Просмаковав грушу, мистер Сидни Холл продолжил свой рассказ:

— В этот последний вечер я прогуливался по палубе. Тут ко мне подошла мисс Алиса.

«Мистер Сидни Холл,— спросила она,— вы бывали в Генуе?»

«Бывал, мисс Алиса»,— отвечаю я.

«А не видали вы там маленькую девочку, которая потеряла свою мамочку?» — спрашивает Алиса.

«Ну да, мисс Алиса,— отвечаю я,— какой-то полоумный парень отвёл её к маме за ручку».

Алиса помолчала минутку, а потом говорит:

«Мистер Сидни Холл, а вы побывали и в Индии?»

«Да, мисс Алиса»,— отвечаю.

«А не видали вы там,— спрашивает Алиса,— как один храбрый молодой человек прыгнул на ходу из поезда в воды Ганга, чтобы спасти утопающую прачку?»

«Видал,— говорю я, немного смутившись,— это был какой-то старый дурак, мисс Алиса.— Разве стал бы умный человек так поступать?»

Алиса помолчала минутку и посмотрела на меня так странно, так мило. Прямо мне в глаза.

«А скажите, мистер Сидни Холл,— начала она снова,— правда ли, что во время кораблекрушения один благородный человек пожертвовал собой, чтобы уступить место женщине на спасательной шлюпке?»

Тут меня, ребята, прямо в жар бросило.

«Ну да, мисс Алиса,— говорю я,— если я не очень ошибаюсь, тогда какой-то чудак решил вдруг искупаться в море».

Тут Алиса подала мне обе руки, покраснела и сказала:

«А знаете ли вы, мистер Сидни Холл, что вы ужасно хороший человек? И за то, что вы сделали для маленькой девочки в Генуе, для индийской прачки и для незнакомой женщины в море, вас все должны любить».

Ну, ребята, тут я, братцы, очутился прямо на седьмом небе! Словом, я обнял Алису, а когда мы, значит, обручились, я спрашиваю:

«Слушай-ка, Алиса, кто тебе рассказал все эти глупости про меня? Ведь я же — как перед богом! — никому этим не хвастал».

«Знаешь,— говорит Алиса,— сегодня вечером я смотрела на море и немножко думала о тебе. И тут подошла маленькая чёрная женщина, и она мне всё это рассказала».

Мы пошли искать маленькую чёрную женщину, чтобы её поблагодарить, но нигде не могли её найти. Вот так, ребята, я и обручился на пароходе,— закончил Сидни Холл и провёл рукой по своим сияющим глазам.

— А Волшебник? — закричали детективы.

— Волшебник? — отвечал знаменитый Сидни Холл.— Он пал жертвой своего собственного любопытства, как я это и предвидел. Когда я проснулся в Амстердаме, кто-то постучался в мою дверь и вошёл. Это был Волшебник, бледный и расстроенный.

«Мистер Сидни Холл,— сказал он,— я больше не могу терпеть. Прошу вас, скажите мне, *как* вы собираетесь меня поймать?»

«Мистер Волшебник,— отвечаю я серьёзно,— этого я не скажу. Если я проболтаюсь и выдам вам мой план, вы убежите».

«Ах,— вздохнул Волшебник,— сжальтесь вы надо мной наконец. Я уже больше спать не могу от любопытства!»

«Знаете что,— говорю я,— так и быть, я вам это скажу, но сперва вы должны мне дать клятву, что с этого момента вы мой пленник и не будете пытаться от меня ускользнуть».

«Клянусь!» — воскликнул Волшебник.

«Волшебник,— сказал я и встал,— вот мой план и выполнен. Знай же, олух ты этакий, что я рассчитывал исключительно на твоё любопытство. Я знал, что ты будешь следовать за мной на море и на суше, чтобы увидеть, что я могу против тебя предпринять. Я знал, что ты наконец сам придёшь — вот так, как

ты пришёл сейчас,— ко мне и пожертвуешь своей свободой, чтобы только удовлетворить любопытство. И, как видишь, всё это наконец исполнилось!»

Волшебник побледнел, взгляд его опечалился, и он сказал:

«Ну и хитрец же вы, мистер Сидни Холл! Даже Волшебника вы сумели перехитрить».

Вот, ребята, и вся история!

Все детективы начали ужасно хохотать и поздравлять счастливого американца с успехом. Мистер Сидни Холл удовлетворённо улыбнулся и стал разыскивать на блюде особенно прекрасную грушу. И тут он увидел, что остальные груши завёрнуты в бумажки. Он взял одну, развернул бумажку, а на ней было написано:

«Мистеру Холлу на память от Лапочки из Генуи».

Мистер Сидни Холл вновь пошарил на блюде, достал вторую завёрнутую грушу, разгладил бумажку и увидел, что на ней написано:

«Приятного аппетита желает прачка с Ганга».

Третью грушу развернул мистер Сидни Холл и прочёл:

«Своего благородного спасителя благодарит женщина с моря».

Сидни Холл ещё раз потянулся к блюду, развернул четвёртую грушу. На бумажке было написано:

«Я думаю о тебе. Алиса».

Теперь на блюде оставалась только одна груша, пятая, самая лучшая. Сыщик Сидни Холл разрезал её пополам и нашёл там сложенное письмо. На конверте было написано: «Мистеру Сидни Холлу». Он распечатал конверт и прочёл:

«У кого есть секреты, тот должен беречься лихорадки. Раненый сыщик на берегу Ганга в жару выболтал свой тайный план. Это был глупый план. Но

ваш друг не хотел лишать вас награды, назначенной за его голову, и поэтому он добровольно дал себя арестовать. Награда, которую вы теперь получите,— это его свадебный подарок».

Мистер Сидни Холл удивился выше всякой меры и сказал:

— Ребята, вот когда я всё понял. Я просто старый осёл! Ведь это же Волшебник задержал якорь парохода на дне морском, пока я разгуливал по Генуе с потерявшейся девочкой! Ведь это же Волшебник в облике араба помог мне с крокодилом! Ведь не кто иной, как он, разбудил меня, когда те двое матросов хотели меня убить! Волшебник слышал о моём плане, когда я в бреду разговаривал на берегу Ганга. Волшебник послал таинственную джонку, чтобы я вовремя поспел в Нагасаки. Волшебник послал мне жестянку с ракетами, которые спасли мне жизнь на море. Волшебник в образе маленькой чёрной женщины склонил ко мне сердце Алисы, и в заключение Волшебник нарочно представился глупым и любопытным, чтобы помочь мне получить награду, назначенную за его голову. Я хотел быть умнее Волшебника, но Волшебник умнее меня и, кроме того, благороднее. Нет никого лучше Волшебника! Ребята, кричите все со мной: «Да здравствует Волшебник!»

— Да здравствует Волшебник! — закричали все сыщики так громко, что во всём городе зазвенели стёкла.

КАК СУДИЛИ ВОЛШЕБНИКА

Когда знаменитый Сидни Холл доставил арестованного Волшебника в тюрьму, судебный процесс об украденной кошке смог наконец начаться.

За высоким столом, как на троне, восседал судья

доктор Корпус Юрис, который был столь же толст, сколь и строг. На скамье подсудимых сидел Волшебник со скованными руками.

— Встань, негодяй! — крикнул ему доктор Корпус.— Ты обвиняешься в том, что похитил Муру, королевскую кошку, здешнюю уроженку, возраст один год. Признаёшься ты в этом, несчастный?

— Да,— тихо сказал Волшебник.

— Ты лжёшь, мерзавец! — загремел судья.— Я не верю ни одному твоему слову. Какие у тебя есть доказательства? Эй вы там! Пригласите свидетельницу — нашу сиятельную принцессу.

В зал ввели маленькую принцессу и стали допрашивать как свидетельницу.

— Принцесса,— пропел Корпус сладким голосом,— похитил этот низкий субъект вашу благородную кошку Муру?

— Да,— сказала принцесса.

— Видишь ты, злодей! — рявкнул судья на Волшебника.— Ты уличён! А теперь скажи нам, как ты её украл?

— Очень просто,— сказал Волшебник,— она сама свалилась мне на голову.

— Ты лжёшь, несчастный! — взревел судья, а потом нежным голоском обратился к принцессе: — Принцесса, как этот злодей похитил вашу сиятельную кошечку?

— Именно так,— отвечала принцесса,— как он говорит.

— Ага, видишь, разбойник! — закричал судья на Волшебника.— Итак, теперь мы знаем, как ты её украл. А зачем ты её украл, проходимец?

— Потому что кошка, когда упала, сломала себе ногу. Я взял её к себе, чтобы вправить ей ножку и забинтовать.

— Ах ты негодник! — выпалил доктор Корпус.— Каждое твоё слово — ложь! Введите свидетеля, трактирщика из Страшнице.

Ввели свидетеля.

— Эй, трактирщик! — крикнул судья.— Что ты знаешь об этом преступнике?

— Только то,— робко отвечал трактирщик,— что он, ваша честь, пришёл в мой трактир, вытащил из-под пальто какую-то чёрную кошечку и забинтовал ей ножку.

— Гм,— пробормотал доктор Корпус,— наверно, ты лжёшь. А что он сделал потом с этим благородным животным?

— Потом,— отвечал трактирщик,— он её отпустил, и кошка убежала.

— Ах ты истязатель животных,— набросился судья на Волшебника,— ты её отпустил только для того, чтобы она могла убежать! Где сейчас находится королевская кошка?

— Скорее всего,— сказал Волшебник,— она убежала туда, где родилась. Кошки обычно так поступают.

— Ах ты бесстыдник,— загремел судья,— ты меня ещё учить будешь? Принцесса,— обратился он сладким голосом к принцессе,— во сколько вы оцениваете вашу высокодрагоценную киску?

— Я бы её и за полцарства не отдала,— объявила принцесса.

— Ты видишь, негодяй,— бешено рявкнул судья, обернувшись к Волшебнику,— ты украл полцарства! За это, несчастный, тебя ждёт смертная казнь.

Принцессе стало жалко Волшебника.

— Пожалуй,— быстро сказала она,— я бы отдала Муру и за кусок торта.

— А сколько стоит кусок торта, принцесса?

— Ну,— сказала принцесса,— ореховый торт стоит пять крейцеров, земляничный — десять, а сливочный — пятнадцать крейцеров.

— А за какой торт отдали бы вы вашу Муру, ваше высочество?

— Я думаю, за сливочный,— отвечала принцесса.

— Ах ты убийца! — закричал судья на Волшебника.— Выходит, стало быть, что ты украл пятнадцать крейцеров! За это ты, бандит, отправляешься, согласно закону, на три дня под арест. Марш, негодяй! На три дня под арест, негодяй, вор и разбойник!.. Дорогая принцесса,— обратился доктор Корпус снова к принцессе,— имею честь поблагодарить вас за ваши мудрые и точные показания. Передайте, пожалуйста, вашему батюшке королю всеподданнейший привет от его верноподданнейшего, вернейшего и справедливейшего судьи доктора Корпуса Юриса

КОНЕЦ СКАЗКИ

Когда принцесса услышала, что кошка Мура, вероятно, убежала туда, где она родилась, она немедленно отправила верхового гонца к избушке старой бабушки.

Гонец поскакал — только искры из-под подков брызнули, и глядь — перед хижиной сидит бабушкин внучек и держит чёрную кошку на руках.

— Вашек! — крикнул гонец.— Принцесса требует свою кошку назад.

Ах, как жалко было Вашеку расставаться с Муркой! Но он сказал:

— Господин гонец, я принесу её принцессе сам.

Вашек посадил Мурку в мешок и побежал с ней во дворец прямёхонько к принцессе.

— Принцесса,— сказал он,— вот я принёс нашу кошку. Если это ваша Мурка — пусть она у вас и останется.

Вашек развязал мешок, но Мурка не выскочила из него так весело, как когда-то из мешка бабушки. Бедняжка хромала.

— Я не знаю,— сказала принцесса,— наша это Мурка или нет. Мурка совсем не хромала... Ой, знаешь что? Мы позовём Буфку!

Когда Буфка увидел Муру, он от радости завилял хвостом так, что ветер засвистел.

— Это Мура! — закричала принцесса.— Буфка её узнал! Вашек, что же мне тебе дать за то, что ты мне её принёс?

Вашек покраснел.

— Ну говори, говори,— ободряла его принцесса.

— Мне совестно,— упрямился Вашек.

Тут покраснела принцесса.

— А почему? — прошептала она.— А почему тебе совестно это сказать?

— Потому,— сказал Вашек несчастным голосом,— потому что ты мне всё равно этого не подаришь.

Принцесса покраснела, как роза.

— А если я всё-таки подарю? — сказала она смущённо.

Вашек затряс головой:

— Не подаришь!

— А если всё-таки?

— Нет, не подаришь,— сказал Вашек грустно.— Ведь я же не принц.

— Ой, погляди вон туда! — вдруг закричала принцесса.

И, когда Вашек оглянулся, она стала на цыпочки и поцеловала его в щёку. Прежде чем Вашек опо-

мнился, она уже убежала в угол, схватила Мурку и спрятала лицо в её шёрстке.

Вашек весь так и вспыхнул и просиял.

— Награди вас бог, принцесса,— сказал он.— Ну, а теперь я пошёл.

— Вашек,— прошептала принцесса,— это то, чего ты хотел?

— Да, принцесса,— закивал Вашек головой.

Но тут в покой вошли фрейлины, и Вашек поскорее убежал.

Весело бежал он домой. Только в лесу он задержался, чтобы вырезать ножиком из коры кораблик.

Но когда он прибежал домой, Мурка сидела на пороге и умывалась.

Вашек вскрикнул от изумления:

— Бабушка, да ведь я только что отнёс Мурку во дворец!

— Ну что ж, ну что ж, малыш,— сказала бабушка,— такая уж кошачья природа. Придётся тебе завтра утром опять отнести её принцессе.

Поутру Вашек снова побежал с Муркой во дворец.

— Принцесса,— сказал он, запыхавшись,— вот я Мурку опять принёс, она от вас убежала, проклятущая кошка, и прибежала прямо к нам.

— Как ты быстро бегаешь, мальчишка,— сказала принцесса,— прямо быстрее ветра!

— Принцесса,— сказал Вашек,— хотите, я вам подарю этот кораблик?

— Давай сюда,— сказала принцесса.— А что тебе сегодня дать за Мурку?

— Не знаю,— отвечал Вашек и покраснел до корней волос.

— Ну скажи,— прошептала принцесса и покраснела ещё сильнее его.

— Не скажу.

— Нет, скажи.

— Нет, не скажу.

Принцесса опустила голову и стала ковырять пальцем кораблик.

— Может быть,— спросила она наконец,— может быть, то же, что вчера?

— Может быть,— выпалил Вашек.

И, получив своё, он довольный побежал домой. Только в ивняке он немного задержался, чтобы вырезать хорошенькую звонкую дудочку.

А когда он пришёл домой — Мурка сидела на пороге и разглаживала себе лапкой усы.

Утром Вашек опять побежал во дворец.

— Принцесса! — закричал он ещё в дверях.— Мурка опять к нам прибежала.

Но принцесса рассердилась и ничего не сказала.

— Погляди-ка, принцесса, — продолжал Вашек,— какую я хорошенькую дудочку вчера сделал.

— Давай сюда,— сказала принцесса, но личико у неё всё ещё было сердитое.

Вашек переминался с ноги на ногу, не понимая, на что принцесса сердится.

Принцесса попробовала дудочку и, услыхав, как она красиво звучит, сказала:

— Ты хитрюга. Я знаю, что ты нарочно это с кошкой устраиваешь, чтобы... чтобы... чтобы опять получить то же, что вчера.

Тут Вашек очень огорчился, схватил свою шапку и сказал:

— Ну, если вы так думаете, принцесса, что ж, хорошо, тогда я больше никогда не приду.

Грустный-прегрустный побрёл Вашек домой. Но едва он туда пришёл, как увидел Мурку. Вашек сел на порог, взял её на руки и молчал.

И тут вдруг — цок-цок-цок — прискакал королевский гонец.

— Вашек! — крикнул он.— Король велел тебе сказать, чтобы ты принёс Муру в замок.

— А зачем? — сказал Вашек.— Кошка ведь всё равно возвращается туда, где она родилась.

— Но принцесса велела тебе сказать, Вашек,— сказал курьер,— что тогда ты приноси кошку каждый день.

Вашек покачал головой:

— Я же ей сказал, что больше не приду!

Тут старушка вышла из дому и сказала:

— Господин гонец, собака привыкает к человеку, а кошка привыкает к дому. И, видно, наша Мурка никуда из этого домика не уйдёт.

Гонец повернул коня и поскакал во дворец.

А на следующий день огромный, запряжённый целой сотней лошадей воз остановился перед бабушкиной избушкой. Кучер слез с козел и закричал:

— Бабушка! Король-батюшка повелел вам сказать, что если кошка привыкла к дому, то я должен привезти вместе с кошкой и домик, и вас, и Вашека заодно. Во дворцовом парке хватит места для вашего домишка.

Пришло множество людей, они помогли погрузить домик. Кучер щёлкнул кнутом, крикнул «но!», сотня лошадей тронулась, и воз и домик поехали во дворец, а на возу перед домиком сидели бабушка, Вашек и Мура. Тут-то бабушка и вспомнила, что когда-то матушка короля видела во сне, что Мурка приведёт во дворец будущего короля и приедет он со всем со своим домом. Вспомнить она вспомнила, но сказать ничего не сказала. Встретили их во дворце с большой радостью, домик поставили в саду, и, уж конечно, Мурка теперь и не думала никуда убегать. Она жила

с бабушкой и Вашеком как у себя дома. А принцесса, когда хотела с ней поиграть, сама отправлялась в маленький домик. И, видно, она очень любила Мурку, потому что приходнла каждый день. Принцесса и Вашек стали лучшимн друзьями.

А что случилось потом, то уже к нашей сказке не относится. Но если Вашек н вправду стал потом королём в этой стране, то случилось это, ребята, не из-за кошки и не из-за его дружбы с принцессой, а из-за больших и славных дел, которые Вашек, став большим, сделал для блага всей страны.

ДАШЕНЬКА, ИЛИ ИСТОРИЯ ЩЕНЯЧЬЕЙ ЖИЗНИ

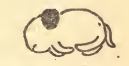

Когда она родилась, была это просто-напросто беленькая чепуховинка, умещавшаяся на ладошке, но, поскольку у неё имелась пара чёрненьких ушек, а сзади хвостик, мы признали её собачкой, и так как мы обязательно хотели щенёнка-девочку, то и дали ей имя Дашенька.

Но пока она так и оставалась беленькой чепуховинкой, даже без глаз, а что касается ног — ну что ж, виднелись там две пары чего-то; при желании это можно было назвать ножками.

Так как желание имелось, были, стало быть, и ножки, хотя пользы от них пока что было немного, что там говорить! Стоять на них Дашенька не могла, такие они были шаткие и слабенькие, а насчёт ходьбы и думать не приходилось.

Когда Дашенька взяла, как говорится, ноги в руки (по правде сказать, конечно, ног в руки она не брала, а только засучила рукава,— вернее, она и рукавов не засучивала, а просто, как говорят, поплевала на ладони. Поймите меня правильно: она и на ладони не плевала, во-первых, потому, что ещё не умела плевать, а

Дашенька родилась.

Второй день.

во-вторых, ладошки у неё были такие малюсенькие, что ей ни за что бы в них не попасть),— словом, когда Дашенька как следует взялась за это дело, сумела она за полдня дотащиться от маминой задней ноги к маминой передней ноге; при этом она по дороге три раза поела и два раза поспала.

Спать и есть она умела сразу, как родилась, этому её учить не приходилось. Зато и занималась она этим удивительно старательно — с утра до ночи. Я даже думаю, что и ночью, когда никто за ней не наблюдал, она спала так же добросовестно, как и днём, такой это был прилежный щенок.

Кроме того, она умела пищать, но как щенок пищит, этого я вам нарисовать не сумею, не сумею и изобразить, потому что у меня недостаточно тонкий голос. Ещё умела Дашенька с самого рождения чмокать, когда она сосала молочко у мамы. А больше ничего.

Как видите, не так-то много она умела. Но её маме (зовут её Ирис, она жесткошёрстный фокстерьер) и того было довольно: весь день напролёт она всё нянчилась со своей дорогой Дашенькой и находила, о чём с ней беседовать, причёсывала её и гладила, утешала и кормила, ласкала и охраняла и подкладывала ей вместо перины собственное мохнатое тело; то-то славно там, милые, Дашеньке спалось!

К вашему сведению, это и называется материн-

ской любовью. И у человеческих мам всё бывает так же — сами, конечно, знаете.

Одна разница: человеческая мама хорошо понимает, что и почему она делает, а собачья мама не понимает, а только чувствует — ей всё природа подсказывает.

«Эй, Ирис,— приказывает ей голос природы,— внимание! Пока ваш малыш слепой и беспомощный, пока он не умеет сам ни защищаться, ни прятаться, ни позвать на помощь, не смейте от него ни на секунду отлучаться, я вам это говорю! Охраняйте его, прикрывайте своим телом, а если приближается кто-то подозрительный, тогда «ррр» на него и загрызите!»

Третий день.

Ирис всё это выполняла страшно пунктуально. Когда приблизился к её Дашеньке один подозрительный адвокат, она кинулась, чтобы его загрызть, и разорвала ему брюки; когда подошёл один писатель (помнится, Йозеф Копта), хотела его тоже задушить и укусила за ногу; а одной даме изорвала всё платье.

Более того, кидалась она и на официальных лиц при исполнении ими служебных обязанностей, как-то: на почтальона, трубочиста, электромонтёра и газопроводчика. Сверх того, покушалась она и на общественных деятелей — бросилась на одного депутата; было у неё недоразумение даже с полицейским; словом, благодаря своей бдительности и неустрашимости она сохранила своё единственное чадушко от всех врагов, бед и напастей.

Дашенька спит.

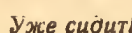

Первый глаз.

У собачьей мамы, дорогие мои, жизнь нелёгкая: людей на свете много и всех не перекусаешь.

В тот день, когда Дашенька отпраздновала десятидневную годовщину своей жизни, ожидало её первое большое приключение. Проснувшись поутру, она, к своему удивлению, обнаружила, что видит,— правда, пока только одним глазом, но и один глаз это тоже, я бы так выразился, выход в свет.

Дашенька была так потрясена, что завизжала, и этот визг был началом собачьей речи, которую называют лаем. Теперь Дашенька умеет не только говорить, но и ворчать и браниться, но тогда она только взвизгнула, и это прозвучало так, словно нож скользнул по тарелке.

Уже сидит!

Даша смотрит на мир.

Главным событием был, впрочем, конечно, глаз. До сих пор Дашеньке приходилось искать прямо мордашкой, где у мамы те славные пуговки, из которых брызжет молочко; а когда она пробовала ползать, приходилось ей сначала совать свой чёрный и блестящий нос, чтобы пощупать, что там, впереди... Да, братцы, глаз — хотя бы и один — замечательная штука! Только мигнёшь им — и видишь: ага, тут стена, тут какая-то пропасть, а вот это белое — мама! А когда захочешь спать, глазок закрывается — и спокойной ночи, не поминайте лихом!

А что, если опять проснуться?

Открывается один глаз — и, глядите-ка, открывается и второй, немного щурится, а потом выглядывает целиком. И с этой минуты Дашенька смотрит и спит двумя глазами сразу, так что она скорее успевает выспаться и может больше времени тратить на обучение ходьбе, сидению и разным прочим разностям, необходимым в жизни. Да, что ни говори, это большой прогресс!

Как раз в этот момент вновь послышался голос природы:

«Ну, Дашенька, раз у тебя теперь есть глазки, смотри в оба и попробуй ходить!»

Дашенька подняла ушко в знак того, что слышит и понимает, и стала пробовать ходить. Сначала она высунула вперёд правую переднюю ножку... А теперь как же?

«Теперь левую заднюю»,— подсказывал ей голос природы.

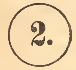
Ура, и это вышло!

«А теперь давай вторую заднюю,— посоветовал голос природы,— да заднюю, говорят тебе, заднюю, а не переднюю! Ах ты, глупая Дашенька, ты же одну ножку сзади оставила! Постой, дальше идти нельзя,

Учится ходить.

пока ты её не подтянешь. Да говорю тебе — подтяни ты правую заднюю под себя!.. Да нет, это хвостик, на хвостике далеко не уйдёшь! Запомни, Дашенька: о хвостике можешь не беспокоиться, он сам собой пойдёт за ножками... Ну что, все лапки собрала? Отлично! А теперь сначала: выдвигай правую переднюю, так, голову немного повыше, чтобы оставить место для ножек... так, хорошо; теперь левую заднюю, а теперь правую заднюю (только не так далеко в сторону, Дашенька); двигай её под себя, чтобы животик не волочился по земле... вот так. А теперь шагай левой передней... Прекрасно! Вот видишь, как хорошо дело идёт!.. Теперь минутку отдохни и начинай сначала: одна — две — три — четыре; голову выше; одна — две — три — четыре!»

Как видите, ребята, работы тут немало, а голос природы — учитель ой-ой-ой какой строгий, он ничего не спускает щенку-ученику.

Хорошо ещё, что порой он бывает занят — скажем, учит молодого воробья летать или показывает гусенице, какие листья можно есть, а какие не надо

трогать. Тогда он задаёт Дашеньке только уроки, домашние задания (например, пересечь по диагонали, от угла к углу, всю собачью конуру) и исчезает. Справляйся, бедняжка, сама как хочешь!

Дашенька ужасно старается, от напряжения у неё даже язычок высовывается: правой передней, теперь левой задней (батюшки мои, да какая же тут левая, какая правая — эта или эта?) и другой задней (да где ж она у меня?)... А теперь что?

«Плохо! — кричит голос природы, весь запыхавшийся,— ведь он учил воробьёв летать.— Шаги

Дальнейший прогресс.

поменьше, Дашенька, голову выше, а лапки хорошенько подбирай под себя. Повторить упражнение!»

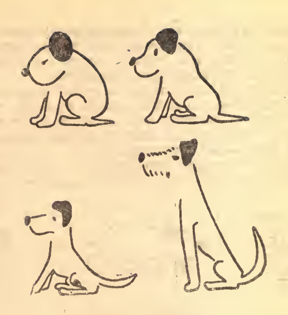
Голосу природы — ему, конечно, хорошо командовать, а когда у тебя ножки мягкие, словно из ваты, и трясутся, как студень, попробуй-ка сладь с ними! Да ещё животик у нас так набит, а голова такая большая,— мука, да и только!

Измученная Дашенька усаживается посередине конуры и начинает хныкать.

Но мама Ирис тут как тут: она утешает свою дочурку, кормит её, и обе засыпают.

Отдых в дороге.

Учится сидеть (вид сбоку).

Вскоре, однако, Дашенька просыпается, вспоминает, что не выполиила домашнее задаиие, и лезет прямо по мамииой спиие в противоположный угол конуры.

«Молодчииа, Дашенька! — хвалит её голос природы.— Если будешь так прилежио учиться, стаиешь бегать быстрее ветра».

Вы не поверите, сколько у такого щеика дела: когда ои ие учится ходить — спит; когда не спит — учится сидеть (а это, друзья, тоже ие пустяк), и тут голос природы прикрикивает:

«Сиди прямо, Дашеиька, голову выше и не гии так спииу. Эй, берегись: сидишь на спиие! А теперь си-

дншь на иожках. А где у тебя хвостик? На хвосте сндеть тоже ие полагается — ведь ты им тогда не сумеешь внлять».

И так далее, нотацнн без конца!

Даже когда щенок спит или сосёт, он тоже выполняет задаиие — расти. Изо дня в день ножкн должны становиться немиого больше и крепче, шейка — длниiee, мордочка — любопытнее. Представляете, сколько это хлопот, когда растут сразу четыре иогн? Нельзя забывать и о хвостике — он тоже должен

Учится сидеть (вид спереди).

подрастать. Нельзя же, чтобы у фокса был крысниый хвостнк! У фокстерьера хвост должен быть крепкнм, как палка, и так вилять, чтобы свист стоял. И надо уметь иастораживать ушкн, вертеть хвостом, громко скулнть н мало лн что ещё... И всему этому Дашеиька должна учиться.

Вот она уже умеет как следует ходить. Правда, иногда какая-нибудь иожка теряется. Тогда приходнтся сесть, чтобы побыстрее разыскать беглянку и собрать все четыре ногн вместе. Иногда Даша просто катится, словно маленькнй чурбачок.

Но щенячья жнзнь страшио сложна: тут начинают растн зубы.

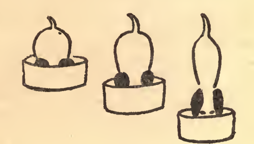

Ножка потерялась!

Сначала это просто крошки, но как-то незаметно они начинают заостряться, и чем острее они становятся, тем сильнее пробуждается у Дашеньки желание кусать.

К счастью, на свете есть масса вещей, необыкновенно подходящих для этого занятия. Например, мамины уши или человеческие пальцы. Реже попадается Дашеньке кончик человеческого носа или ушная мочка, зато если она до них доберётся, то грызёт их с особенным наслаждением.

Больше всего достаётся маме Ирис. Живот у неё до крови искусан Дашенькиными зубками и изодран её коготками; она, правда, терпеливо кормит эту маленькую кус... (кусыню, кусицу?.. Да как же будет существительное женского рода от «кусаться»? Ах да, кусаку!), но при этом жмурится от боли. Ничего не попишешь, Дашенька, с кормлением у мамы

придётся кончать; надо тебе учиться ещё одному искусству — лакать из миски.

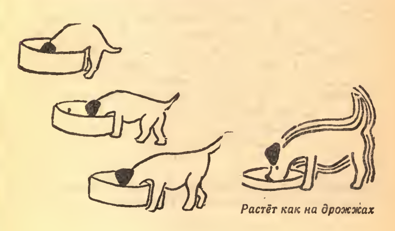
Пойди сюда, маленькая, вот тебе миска с молоком. Ах, не знаешь, что с этим делать? Ну, сунь туда мордочку, высунь язык, обмакни его в это белое и живо втяни обратно, только чтобы на нём осталась капелька этого белого; и так поступай снова, бис, репете, du capo, пока миска не опустеет. Да не сиди ты с таким глупым видом, Дашенька, ничего страшного тут нет. Ну, давай принимайся, начинай!

Дашенька ни с места, только хлопает глазами и трясёт хвостиком.

Эх ты, дурашка! Что ж, раз иначе не выходит, придётся сунуть в молочко твой бестолковый нос, хочешь не хочешь. Вот так!

Дашенька возмущена совершённым над ней насилием: нос и усы у неё смочены молоком. Надо их облизнуть язычком... Ах ты батюшки, до чего же это вкусно!

А теперь она уже не боится — сама лезет в это вкусное белое прямо с ножками, разливает его по

Растёт как на дрожжах

полу; все её четыре ноги, и уши, и хвостик в молоке. Мама приходит на выручку и облизывает её.

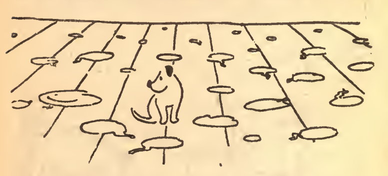
Но начало положено: через день-другой будет Дашенька вылизывать миску в два счёта и при этом будет расти как на дрожжах... что я говорю! — как на молоке!

Вот и вы, ребята, берите с неё пример и ешьте как следует, чтобы расти и становиться большими, как этот славный щеночек, который с честью носит имя «Дашенька».

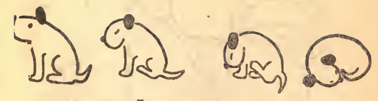

Много воды утекло, и, в частности, много натекло лужиц.

Дашенька — уже не беспомощный комочек с трясущимся хвостиком, а совершенно самостоятельное,

лохматое и озорное, зубастое и непоседливое, прожорливое и всё уничтожающее существо.

Дашенька засыпает.

Выражаясь по-научному, выросло из неё позвоночное (потому что у неё голос, как звоночек) из отряда плутоватых, собакообразных, подотряд непосед, род озорников, вид безобразников, порода «сорванец черноухий».

Носится она где пожелает: весь дом, весь сад, вся Вселенная до самого забора — всё это её владения.

В этой Вселенной полным-полно вещей, которые необходимо раскусить, то исследовать по части их кусабельности, а также, возможно, сожрабельности; полным-полно таинственных мест, где можно производить занимательные опыты для выяснения вопроса о том, где лучше всего делать лужицы.

(В основном Дашенька избрала для этих целей мой кабинет с его окрестностями, но по временам предпочитает столовую.)

Далее необходимо уточнить, где лучше спится (в частности, на половых тряпках, на руках у людей, посреди клумбы с цветами, на венике, на свежевы-

Дашенька просыпается.

Лейка.

глаженном белье, в корзинке, в сумке для покупок, на козьей шкуре, в ботинке, на парниковой раме, на лопатке, на дорожке у двери или даже на голой земле).

Есть вещи, которые служат для развлечения,— например, лестница, с которой так хорошо скатываться кувырком («Вот весело-то!» — думает Дашенька, летя через голову по ступенькам). Есть вещи опасные и коварные — скажем, двери, которые стукают по голове или прищемляют лапку или хвост, как раз когда этого меньше всего ожидаешь. В таких случаях Дашенька визжит, как будто её режут, и её берут на руки. Там она ещё минутку поскулит, получит в утешение что-нибудь вкусное и снова бежит скатываться с лестницы.

Несмотря на некоторый горький опыт, Дашенька твёрдо убеждена, что с ней ничего худого не может случиться и над её собачьей головкой не собирается никаких туч.

Она не обходит половую щётку, а доверчиво ожидает, что щётка обойдёт её; обычно щётка так и поступает. Вообще у Дашеньки родственная склонность ко

всему волосатому, будь то щётка, или конский волос (который она таскает из дивана), или человеческие волосы,— ко всему этому она питает слабость.

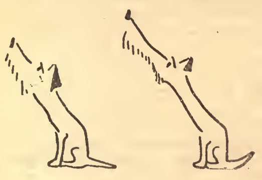
Не уступает она дороги и человеку. В конце концов, пусть человек сам заботится, как бы не наступить на щенка! Это его дело, верно?

Доверие.

Все, кто живут в доме, вынуждены или парить в воздухе, или ступать осторожно, словно по тонкому льду. Ведь никогда не знаешь, когда у тебя под ногой раздастся отчаянный визг.

Вы, друзья, не поверите, как такой маленький щенок может заполнить собой весь дом!

Она что-то чует.

Дашенька не желает принимать в расчёт козни и злобу мира сего; три раза она вбегала прямёхонько в садовый прудик, твёрдо уверенная, что и по воде можно чудесно побегать.

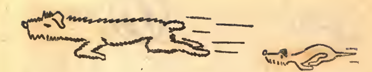
Осторожно, вода!

После этого её тепло укутывали и в утешение ей доставался кончик хозяйского носа, чтобы она скорее забыла пережитый ужас, кусая самую соблазнительную вещь на свете.

Но будем рассказывать по порядку.

1. Бег и прыжки — первое и главное дело для Дашеньки.

Ссревнование по бегу.

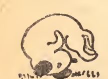
Теперь уже это, милые, не шаткие, мучительно трудные первые шаги, нет! Это уже настоящий спорт, как-то: рысь, галоп, спринт, спурт на десять ярдов, бег на длинные дистанции; прыжкн в длину, прыжкн в высоту, полёт, ползание по-пластунски; разлнчные броски, как, напрнмер, бросок на нос, бросок на голову, падение на спнну, сальто-мортале на бегу с одним или несколькими переворотами; бег по сильио пересечённой местности, бег с препятствиями (напрнмер, с половой тряпкой во рту); разные виды валяния и катания — через голову, на боку и т. д.; гонка, преследование, повороты и перевороты — словом, все виды собачьей лёгкой атлетики.

Мяч.

Бег с переворотом.

Уроки в этой области даёт самоотверженная мама. Она мчится по саду — конечно, прямо через клумбы и другие препятствия,— она летит, как лохматая стрела, и Дашенька мчится следом. Мама отскакивает в сторону, а так как маленькая этого ещё не умеет, то она делает двойное сальто — иначе остановиться она не может.

Или мама носится по кругу, а Дашенька за ней. Но так как она ещё не знает, что такое центробежная сила (физику у собак проходят несколько позже), то центробежная сила подбрасывает её, и Дашенька описывает в воздухе красивую дугу. После каждого такого физического опыта Дашенька очень удивляется и садится отдохнуть.

Сказать вам по правде, координация движений у этого щенка ещё далека от совершенства. Дашенька не знает меры. Она хочет сделать шаг и вместо этого летит, как камень из пращи; хочет прыгнуть и рассекает воздух, как пушечный снаряд. Сами знаете, молодость любит немного преувеличивать. Дашенька, собственно говоря, не бежит — её просто несёт куда-то; она не прыгает — её швыряет!

Она побивает все рекорды скорости: в три секунды ухитряется перебить гору цветочных горшков, ввалиться кувырком в парник на саженцы кактусов и при этом ещё шестьдесят три раза вильнуть хвостом.

Попробуйте-ка вы так!

2. Кусанне — это тоже любимый спорт Дашеньки. Она кусает и грызёт просто-напросто всё, что встречает на своём пути, а именно: плетёную мебель, метёлки, ковры, антенну, домашние туфли, кисточку для бритья, фотопринадлежности, спичечные короб-

В саду.

Кусает себя за ногу.

Кусает свой хвост.

ки, нитки, цветы, мыло, одежду и, в частности, пуговицы. Если же ничего такого поблизости нет, то она вгрызается в свою собственную ногу и хвост столь основательно, что вскоре начинает скулить.

В этом деле она проявляет необыкновенную выдержку и упорство: она изгрызла целый угол ковра и всю бахрому у покрывала на кровати. Нельзя не признать, что для такой малышки это серьёзное достижение. За время своей недолгой деятельности она с успехом изгрызла:

1 гарнитур плетёной мебели	360	чешских крон
1 диванную обивку	536	»
1 ковёр (не новый)	700	»
1 дорожку (почти новую)	940	»
1 садовый шланг	136	»
1 щётку	16	»
1 пару сандалий	19	»
1 пару домашних туфель	29	»
Разное	263	»
	Итого: 2999	чешских крон

(Прошу проверить!)

Отсюда вытекает, что такой чистокровный жесткошёрстный фокстерьер обходится 2999 крон штука. Хотел бы я знать, во сколько тогда обойдётся чистокровный щенок, скажем, берберийского льва?

Иногда в доме вдруг наступает странная тишина. Дашенька сидит тихо, как мышка, где-то в углу. «Слава тебе господи,— вздыхает хозяин,— наконец-то проклятая псина уснула, хоть минутку можно спокойно посидеть!» Вскоре эта тишина, однако, начинает казаться подозрительной; хозяин встаёт и идёт взглянуть, почему это Дашенька так долго сидит смирно.

Тихая игра.

Дашенька с победоносным видом поднимается и вертит хвостом, под ней лежат какие-то клочки и лохмотья; что это было, распознать уже нельзя.

По-моему, когда-то это было щёткой.

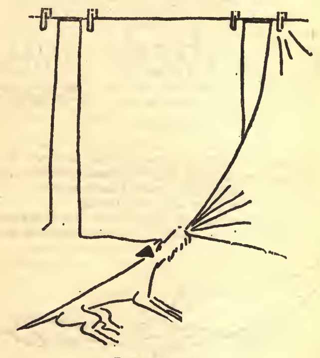
3. Перетягивание на канате — не менее важный вид спорта. Тут, как правило, должна помогать мама

Перетягивание на канате.

Ирис. А так как у собак специального каната нет, за него сходит всё, что попадётся: шляпа, чулок, шнурки для ботинок и другие предметы обихода.

Мама, само собой разумеется, перетягивает Дашеньку и тащит её за собой по всему саду, но Дашенька не уступает: она стискивает зубы, выкатывает глаза и позволяет таскать себя до тех пор, пока импровизированный канат не разорвётся. Если мама далеко, Дашенька обходится и без неё — можно ведь

Борьба с бельём.

Борьба с мамой.

нграть в перетягнвание и с развешанным для сушки бельём, с фотоаппаратом, цветами, телефоииой трубкой, с занавесками нли с антенной. В человечьей конуре всегда найдётся что-инбудь, на чём можно нспробовать свои зубки н мускулы, упорство н спортивиый дух.

4. Классническая борьба — ещё один и, что касается Дашенькн, особенно любнмый вид тяжёлой атлетикн.

Обычно Дашеиька, проявляя беспримериый боевой дух, кндается на маму и впивается ей в иос, в ухо нли в хвост. Мама стряхнвает противиика и хватает его за шнворот. Наступает так называемый ннфайнтинг, нлн ближний бой, то есть оба борца катаются по рннгу (обычно по газоиу), и зритель не вндит ничего, кроме велнкого множества передних и задних ног, высовывающихся из какого-то лохматого клубка. В клубке этом что-то порой взвизгнет, порой нз него высунется победоносно вилляющий хвост; оба противнника яростно рычат н иаскакивают друг

на друга всеми четырьмя ногами. Потом Ирис вырывается и трижды обегает вокруг сада, преследуемая по пятам воинственной Дашенькой. А потом всё начинается сначала.

Бой со щёткой

Понятно, мама проводит только показательный бой, она не кусается по-настоящему, зато Дашенька в пылу сражения рвёт, терзает и кусает маму изо всех сил. В каждом таком матче бедная Ирис теряет немалую толику шерсти. Чем больше растёт Дашенька, чем она становится сильнее и мохнатее, тем более растерзанной и ободранной выглядит мама.

Да, дети — сущее наказание, вам это и ваши мамы подтвердят!

Зачастую мама хочет отдохнуть и где-нибудь прячется от своей подающей надежды дочурки. Тогда Дашенька сражается с метёлкой, ведёт ожесточённый бой с какой-нибудь тряпкой или предпринимает отважные атаки на человеческие ноги.

Вошёл гость, и вот Дашенька молниеносно атакует его брюки и рвёт их.

Гость насильственно улыбается, думает про себя: «Чтоб ты сдохла!» — и уверяет, что он «обожает собак», особенно когда они вцепляются ему в брюки.

Или же Дашенька нападает на ботинки гостя и тащит его за шнурки. Она успевает порвать либо развязать их прежде, чем тот сосчитает до трёх (например: «Будь ты трижды неладна!»), и получает при этом огромное удовольствие (не гость, а Дашенька)...

Атака на ботинок.

5. Кроме того, Дашенька с большой охотой занимается ритмическими и вольными упражнениями — например, почёсыванием задней ногой за ухом или под подбородком и ловлей мнимых блох в собственной шубе. Последнее упражнение особенно развивает

Ритмические упражнения (почёсывание).

Учится копать.

грацию, гибкость, а также способствует овладению партерной акробатикой.

Или — обычно где-нибудь на цветочной клумбе — она тренируется в сапёрном деле. Так как Даша принадлежит к породе терьеров, или мышеловов, она

В начале... в конце.

учится выкапывать мышей из земли. Мне приходилось не раз вытягивать её из ямы за хвост. Ей это явно доставляло большое удовольствие, мне — несколько меньшее; когда вам с клумбы кивает вместо цветущих лилий собачий хвост, это, с вашего разрешения, немного нервирует.

Перед едой...

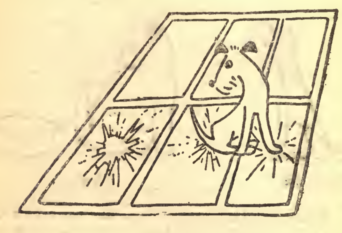

После еды.

Дашенька, Дашенька, кажется мне, что так дальше у нас с тобой дело не пойдёт. Ничего не попишешь, пора нам расставаться!

«Да, да,— говорят умные глаза Ирис, мамы,— так дальше продолжаться не может, девчонка портится! Посмотри, хозяин, как я выгляжу: вся ободранная и истерзанная, пора уже мне отрастить себе новый наряд. И потом, подумай, я служу тут уже пять лет — каково же терпеть, что все носятся с этой безобразницей, а на меня ноль внимания! И, к твоему сведению, я даже не ем досыта — она мигом съедает свою порцию, а потом лезет в мою миску. Вот и вся благодарность, хозяин... Нет, нет, самое время отдать девчонку в люди!»

И вот наступил день, когда чужие люди забрали Дашеньку и унесли её в портфеле, сопровождаемые нашими горячими и благожелательными уверениями в том, что это чудесная, славная собачка (в этот день

Парники.

она успела разбить стёкла парниковой рамы и выкопать целый куст тигровых лилий) и вообще она необыкновенно мила, послушна и т. д. Второго такого щенка не найдёшь!

«Ну, отправляйся, Дашенька, и будь молодцом!»

В доме — благодатная тишина. Слава богу, уже не нужно всё время дрожать, как бы эта проклятущая псина не натворила новой пакости. Наконец-то мы от неё избавились!

Но почему же в доме так тихо, как на кладбище?

В чём дело? Люди стараются не глядеть друг другу в глаза. Заглядываешь во все углы — и нигде ничего нет, даже лужицы...

А в конуре молча, одними глазами, плачет ободранная и истерзанная мама Ирис.

КАК ФОТОГРАФИРОВАТЬ ЩЕНКА

Скажу откровенно: трудно! Здесь требуется крайнее терпение и от щенка и от фотографа.

Предположим, солнце удачно освещает трогательную сцену: щенок лопает из миски. Хозяин щенка галопом мчится за фотоаппаратом, чтобы увековечить этот знаменательный момент щенячьей жизни. Прежде чем он возвращается с аппаратом, миска, увы, совершенно пуста.

— Живее налейте Дашеньке ещё миску молока! — командует фотограф.

Он с подобающей профессиональной ловкостью устанавливает экспозицию и наводит объектив на резкость, пока Дашенька героически расправляется со второй миской.

— Так, вот теперь отлично,— задыхается фотограф и в этот момент замечает, что забыл зарядить аппарат.

Пока он вставляет кассету, Дашенька приканчивает и вторую миску.

— Дайте ей ещё одну! — говорит фотограф и быстро наводит аппарат.

Однако Дашенька вбила себе в голову, что больше ни под каким видом есть не будет. Ни капельки. Все уговоры бесполезны. Напрасно тыкать её носом в молоко — не желает, и конец.

Со вздохом фотограф уносит аппарат домой, а Дашенька, в сознании своей победы, принимается за третью порцию молока.

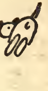
Ладно, в другой раз хозяин щенка подготовился лучше, и заряженный аппарат у него под рукой. Ура, вот Дашенька после долгой беготни на минутку присаживается. Живее возьми фокус! Но в тот момент, когда ты щёлкаешь затвором, щенок срывается с места — и поминай как звали. Каждый раз, когда щёлкает затвор, повторяется то же самое: щенок вскакивает и исчезает со скоростью ста метров в секунду.

Стало быть, так ничего не выйдет, надо придумать что-нибудь другое.

Пока фотограф наводит аппарат, двое его родственников становятся возле Дашеньки и рассказы-

вают ей сказку, чтобы оиа посидела хоть секунду. Но Дашеиька как раз не расположеиа слушать сказки, ей хочется гоняться за мамой.

Или ей жарко на солиышке, и оиа начинает скулить.

Или в решающий момеит она быстро поворачивает голову, и иа пластиике вместо белого щеика видна только белая клякса. Испортив таким образом пластиику, Дашеиька успокаивается и сидит как пень.

Мы пробовали принудить её посидеть пять секуид тихо, слегка иаказав её,— оиа в знак протеста начала иоситься как шальиая.

Пробовали подкупить её кусочком мяса — она проглатывала его и с такой энергией устремлялась на поиски второго кусочка, что опять иичего ие выходило.

Вообще ничего не выходило. Никак.

Поверьте мне, намного легче заснять падение в пропасть или молнию на небе, чем сцену из жизни щенка!

Я говорю вам это для того, чтобы вы могли оценить те несколько снимков, которые каким-то чудом оказались неиспорченными. Мне просто посчастливилось — и не меньше, чем тому, кто найдёт в ведёрке с углем алмаз с кулак величиной. Я, правда, ещё ни разу таких алмазов не находил, но думаю, что это должен быть приятный сюрприз.

Самое занятное во всей этой фотомороке тот момент, когда собачонка проявляется (я хочу сказать — в лаборатории, в проявителе). Тут первым делом вылезает на свет чёрный носик, затем заблестят чёрные глаза и, наконец, чёрные ушки. Нос, как и полагается у собачонки, всегда высовывается первым.

Словом, если у вас есть фотоаппарат — приобретите в дополнение щенка; если есть щенок — раздобудьте фотоаппарат и попытайте счастья.

Это весьма захватывающее занятие, более напряжённое, чем охота на зебру или на бенгальского тигра.

Больше ничего вам не скажу — убедитесь сами!

СКАЗКИ ДЛЯ ДАШЕНЬКИ, ЧТОБЫ СИДЕЛА СМИРНО

Сказка про собачий хвост

Ну, слушай, Даша, еслн мниутку посидишь спокойио, я тебе расскажу сказку... О чём, спрашиваешь? Ну, хотя бы сказку про собачий хвост.

Так вот, жнл-был один пёсик, звали его Фокснк. Знаешь, как он выглядел?

Он был весь беленький, только ушки у него были чёрные, глаза чёрные, как агат, а нос чёриый, как антрацит. А в знак того, что он настоящий, чнстокровный терьер, во рту, на самом нёбе, было у него чёрное пятно — точь-в-точь как у тебя. Хотя ты-то, видишь ли, об этом пятне н не знаешь, ну, я как-нибудь тебе покажу, когда будешь перед зеркалом зевать и разинешь рот до ушей.

Хвост у Фоксика был, скажу я тебе, ужасно длинный, почти такой же длиниый, как его родословиая, и вилял он этим хвостом так здорово, что мог им тюльпаны сшибать. Этого он себе, конечио, не позволял, Дашенька, ио хвост у иего был просто замечательный!

Был этот пёсик Фоксик великий герой и инкого на свете ие боялся. Хороших людей он ие кусал и гостей тоже, потому что этого делать не полагается; но если

он услышит о каком-нибудь недобром человеке, например хоть о разбойнике,— сразу кинется на него и загрызёт. Так прямо и схватит за горло и начнёт его трепать; тому и конец.

Услышал он однажды, что где-то в горах, в пещере — то есть в большой каменной конуре,— живёт страшный-престрашный дракон.

Знаешь, что такое дракон? Это такой злой и противный семиглавый пёс, который пожирает животных и людей, и даже собак, можешь себе это представить? Представь себе только, сколько всего дракон может слопать, ведь у него семь голов!

И вот наш Фоксик отправился в горы, чтобы этого дракона победить.

И как ты думаешь, одолел он его?

Конечно же, одолел: он прыгнул и вцепился дракону в ухо, как ты своей маме. Дракон завизжал и убежал.

Вот какой герой был этот Фоксик!

В другой раз отправился он на бой со страшным великаном, который жил далеко-далеко, где-то возле Панкраца. Был тот великан знаменитым людоедом и собакоедом, и знали его под грозным именем Кошкодав. Но Фоксик его ни капельки не боялся, потому что был у него на шее ошейник с собачьим жетоном (это волшебный талисман, он придаёт собакам огромную силу, потому-то каждый порядочный пёсик носит такой жетон).

Как, по-твоему, победил его Фокс? Победил! Он вцепился великану в

ногу и разорвал на нём штаны, и когда великан Кошкодав увидел, что у Фоксика есть на шее волшебный собачий жетон, то выругался так страшно, что даже серой запахло, и убежал.

Ты довольна, правда?

Ну, так как бог троицу любит, отправился отважный Фокс в поход против самого грозного татарского хана Пеликана, что жил где-то там, возле Страшниц.

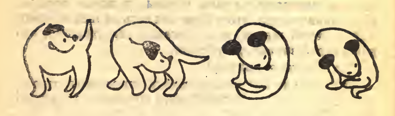

Первым делом он на того татарина храбро кинулся с лаем. Хан Пеликан так испугался, что у него душа ушла в пятки, и так задрожал, что даже очки свои найти не мог. А так как без очков он видел плохо, а Фоксик бесстрашно махал хвостиком, хан подумал, что он машет какой-то саблей или палашом. И он схватил свой кровавый меч, и начал им размахивать, и, представь себе, негодяй этакий, отрубил Фоксику кончик хвоста!

Тут Фоксик, само собой, рассвирепел, забыл и про хвостик, весь ощетинился и вцепился татарскому хану в пятку.

Но ведь у хана душа была в пятках, так что богатырь Фоксик выпустил душу злого татарина, и тот упал замертво и больше в наших краях не показывался.

И вот, чтобы вечно жила память об этой славной победе над кровожадным татарским ханом, все прямые и чистокровные потомки героического Фоксика,

так называемые жесткошёрстные фокстерьеры, дают себе отрубить кончик хвоста.

И тебе, Дашенька, тоже его отрубят, когда придёт время. Это немножко больно, что правда, то правда, но не беда — надо только это аккуратненько сделать.

Ну вот и готово. Спасибо за сеанс!

Почему терьеры роются в земле

Сиди как следует, Дашенька, не ёрзай так. Я только наведу аппарат и щёлкну, всё будет моментально готово. А тем временем ты послушаешь сказку. Например о том, почему терьеры роют землю. Люди говорят: они, мол, мышей там ищут. Надо же придумать — мышей! Ты же ещё мышки сроду не видела, а всё равно ты, бесстыдница, разрываешь мои клумбы.

А знаешь ты, почему ты так делаешь? Не знаешь? Ну, так я тебе об этом расскажу.

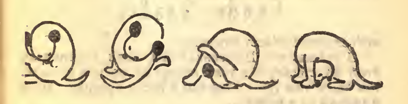
Я уже тебе рассказывал сказку о том, как богатырь Фоксик, великий предок всех настоящих фокстерьеров, лишился хвоста в бою со злым татарином. И вот когда он расправился с тем свирепым ханом, он нашёл на земле отрубленный кончик своего славного и геройского хвоста, и, так как он не хотел, чтобы его быв-

ший хвост достался, чего доброго, кошкам на игрушки, он закопал его глубоко в землю... Да сиди ты спокойно, непоседа!

С того времени все истые фокстерьеры, гордясь геройскими подвигами своего великого предка, в память о нём носили обрубленные хвосты.

Но таксы, у которых принято носить длинные хвосты, стали завидовать их славе и начали злонамеренно утверждать и брехать, что, мол, это всё неправда,

что, согласно современным историческим данным, не было никакой битвы с татарским ханом и что вообще, вероятно, ни богатыря Фоксика, ни хана Пеликана никогда не существовало, а всё это, как говорится, чистый вымысел, лишённый исторической основы.

Ясное дело, жесткошёрстным фокстерьерам это не понравилось, и они стали отбрёхиваться, утверждая, что сказка о Фоксике — чистейшая правда, доказательством чего служат их обрубленные хвосты.

Но таксы народ упрямый и хитрый: они утверждали, что, мол, хвост себе каждый может дать отрубить, что на Малой Стране есть даже один кот с обрубленным хвостом, и, короче говоря, ничему они не поверят, пока не увидят своими глазами обрубок хвоста богатыря Фоксика Великого. Пусть-ка фокстерьеры найдут эти священные останки своего славного предка и докажут тем своё высокое происхождение!

Вот с тех пор, Дашенька, фокстерьеры и разыскивают хвостик своего праотца, схороненный где-то глубоко под землёй. Всегда, вспомнив, как их высмеивают таксы, они начинают рьяно копать землю и рыться в ней мордочкой, чтобы унюхать, не тут ли закопан хвостик их прадеда. Пока они его ещё не нашли, но когда-нибудь до него докопаются. Тогда они соорудят большой мраморный мавзолей с надписью золотыми буквами:

Cauda Foxlii

что означает: «Хвост Фоксика».

И знаешь что, Дашенька? Мы, люди, подглядели это у фокстерьеров и тоже постоянно роемся в земле. Мы ищем там урны с пеплом и кости древних людей и храним их в музеях...

Нет, Даша, эти кости нельзя грызть, на них можно только смотреть.

Готово!

Про Фокса

Посиди минуточку смирно, Дашенька, а я расскажу тебе сказку про Фокса.

Фоксик был самым великим фокстерьером в мировой истории, но он был не первым фокстерьером на свете. Самого первого фокстерьера звали Фоксом, и был тот Фокс чисто белый, без единого пятнышка. Да и как же он мог не быть белым, словно голубок, раз он был создан для того, чтобы жить в раю и веселиться с ангелами? Спрашиваешь, что он в раю ел? Ну, сметану, сырники... Мяса он, конечно, не видел — ведь ангелы все вегетарианцы.

А Фокс был игрун и непоседа, как и все фокстерьеры, и когда он выходил из рая... Фу, как тебе не стыдно! В раю ведь он не мог лужицы делать, это не годится. В комнате этого делать тоже нельзя — зарубн-ка себе это на носу и бери пример с Фокса, который всегда царапался в райские ворота, когда ему нужно было выйти по делам... Погоди-ка, на чём, бишь, я остановился?.. Ага, на том, как Фокс несколько раз в день выходил из рая.

И вот за дверями рая он, по своему легкомыслию, играл с чертями. Скорее всего он думал, что это какие-нибудь собачки: ведь у них тоже есть хвосты, а у ангелов — только крылья. Как он с ними играл? Бегал с ними наперегонки по лужайке, кусал их за хвосты, кувыркался с ними на земле и тому подобное. И когда он снова залаял у райских врат, чтобы его впустили обратно, на нём уже были бурые земляные пятна и чёрные пятна на тех местах, где он прикасался к чертям. С тех пор у всех фокстерьеров есть бурые и чёрные пятна. Понятно?

Однажды сказал Фоксу один из его друзей-чертей, такой малюсенький чёртик, карлик-чёртик, чертёнок:

— Слушай, Фокс, мне бы хотелось хоть на минуту заглянуть в рай, поглядеть, как там и что. Возьми-ка меня с собой!

— Ничего не выйдет,— отвечал Фокс.— Тебя туда не впустят.

— Так знаешь что,— сказал чёрт,— возьми меня в пасть и пронеси! Туда ведь тебе никто заглядывать не станет.

Фокс по своей доброте в конце концов согласился,

взял чертёнка в пасть и пробрался с ним в рай; и, чтобы никто ни о чём не догадался, весело вертел хвостом. Но от создателя, понятное дело, ничего не утаишь.

— Дети, дети,— сказал он,— сдаётся мне, что в ком-то из вас чёрт сидит.

— Не во мне, не во мне! — закричали ангелы.

Один только Фокс ничего не сказал, чтобы у него чёрт изо рта не выскочил. Он только выпалил от неожиданности: «Гав!» — и поскорее опять закрыл рот.

— Всё напрасно, Фокс,— сказал создатель.— Раз в тебе чёрт сидит, ты не можешь жить с ангелами. Отправляйся на землю и служи человеку!

С того случая, Дашенька, во всех фокстерьерах сидит чёртик, а во рту, на нёбе, у них есть чёрное пятнышко.

Так-то!

Можешь бежать по своим делам.

Про Алика

Погоди-ка, Дашенька, сегодня я хочу снять, как ты чинно и прилично сидишь на пороге.

Был, значит, один фокстерьер, по имени Алик, красивый и белый. Ушки у него были каштановые, а на спине чудесное чёрное пятно вроде попонки. Этот Алик жил в чудесном саду, полном цветов, бабочек и мышей. И был в том саду пруд с белыми и красны-

ми водяными лилиями, но только Алик туда никогда не падал, потому что он не был таким растяпой и дурачком, как кое-кто здесь присутствующий...

Однажды в жаркий день собралась гроза с дождём. Как мы знаем, все собаки перед дождём едят траву, вот и Алик стал жевать травку.

И что же случилось?

Ему попался стебелёк волшебной травы, которая по-латыни называется Miraculosa magica, а наш Алик, ничего об этом не зная, разгрыз его и съел. В тот же миг Алик превратился в прекрасного белого принца с каштановыми кудрями и чудесной чёрной родинкой на спине.

Сначала Алик не мог понять, что он уже не пёсик, а принц, и хотел ещё почесать у себя задней ногой за ухом. Тут только он заметил, что на ногах у него золотые туфли...

Да погоди ж ты, Даша!

(Тут, на самом интересном месте, Дашенька перестала слушать и помчалась за воробьём. Ввиду этого сказку про Алика не удалось досказать, и конца у неё нет.)

Про доберманов

Правда, и другим собакам тоже рубят хвосты, например, доберманам,— ты ведь знаешь, как выглядит доберман, правда? Это такой чёрный или коричневый долговязый пёс — одни ноги, и всё тут, а хвост у него почти совсем оттяпан.

Но это не в память о Фоксике, нет, нет! Посиди как следует, а я тебе расскажу, почему доберманам рубят хвосты.

Жил да был один доберман, и назывался он както по-дурацки: Астор или Феликс. И этот Астор или Феликс был такой глупый, что не умел иначе играть, как только вертеться и ловить свой собственный хвост.

— Погоди минутку,— рычал он,— дай-ка я тебя немножко кусну!

— Не подожду! — смеялся хвост.

— Ах, не будешь ждать? — пригрозил доберман.— Тогда я тебя слопаю!

— Спорим, не слопаешь! — закричал хвост.

Тут доберман разъярился, прыгнул на свой хвост, крепко вцепился в него зубами и... слопал его. Может быть, он бы и себя самого целиком сожрал, если бы не сбежались люди и не привели его в чувство метлой.

С этих пор люди обрубают доберманам хвосты, чтобы доберманы своих хвостов не ели.

Готово. Сегодня быстро, правда?

Про борзых и других собак

Нет-нет, борзых творец не создавал, это заблуждение. Борзых сотворил заяц.

Творец первым делом создал всех зверей, а собак, как самых лучших из них, оставил напоследок. А чтобы дело у него живее шло, он разложил материал на три кучи: кучу костей, кучу мяса и кучу шерсти, и из трех кучек стал делать собак.

Сперва он создал фокстерьеров и пинчеров, поэтому они такие умные; а когда он собрался делать остальных, позвонили к обеду.

— Ну ладно,— сказал творец,— раз обед, отложим это дело. Через часик опять начну.

И пошёл отдохнуть.

А в этот самый миг пробежал мимо кучи костей заяц. Кости встрепенулись, вскочили, залаяли и помчались вдогонку за зайцем.

Так и появилась на свете борзая собака. Поэтому-то борзая — одни кости, ни грамма мяса в ней нет.

А куча мяса тем временем проголодалась. Стала она вертеться, фыркать и превратилась в бульдога, или боксёра, который пошёл сразу же искать еду. Потому-то бульдоги сделаны из одного мяса.

А когда это увидела куча шерсти, она почесалась и тоже пошла подкрепиться. Так произошёл сенбернар, который весь состоит из одной шерсти. А из остатков этой шерсти сделался пудель, который тоже весь из одних лохмушек. Оставалась там ещё маленькая кучка шерсти, так из неё получилась так называемая «японка», или пекинская собачка.

Когда через час вернулся творец к своим трём кучкам материала, там уже почти ничего не осталось. Остался там, правда, один длинный хвостик, пара ушей от гончей, четыре коротенькие ножки и длинное, как у гусеницы, тело.

Что тут было делать?

Творец взял и сделал из всего этого таксу.

Запомни это, Дашенька, и не связывайся ни с борзыми, ни с бульдогами, ни с пуделями, ни с сенбернарами — это для тебя компания не подходящая.

Вот и всё!

О собачьих обычаях

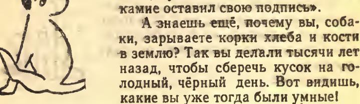
То, что я тебе, Дашенька, сегодня расскажу, это не сказка, а сущая правда. Надеюсь, что ты хочешь стать образованной собачкой и будешь слушать внимательно.

Много сотен и тысяч лет назад собака ещё не служила человеку. В ту пору ведь человек был дикий и ужиться с ним было трудновато, и потому собаки жили стаями, но не в лесу, как олени, а на огромных лугах, которые называют прериями или степями. Вот почему псы до сих пор так любят луга и носятся по ним так, что только уши болтаются.

Знаешь ли ты, кстати, Дашенька, почему каждый пёс три раза перевёртывается вокруг себя, перед тем как лечь спать? Это потому, что, когда собаки жили в степи, им надо было сперва примять высокую траву, чтобы устроить себе уютную постельку. Так они делают и до сих пор, даже если спят в кресле, как, например, ты.

А знаешь, почему собаки ночью лают и перекликаются? Это потому, что в степи им нужно было подавать голос, чтобы не потерять ночью свою стаю.

А знаешь, почему собаки поднимают ножку перед каждым камнем, пнём или столбиком и поливают его? Так они делали в прериях, чтобы каждый пёс из их стаи мог понюхать и узнать: «Ага, тут был наш коллега, он на камне оставил свою подпись».

А знаешь ещё, почему вы, собаки, зарываете корки хлеба и кости в землю? Так вы делали тысячи лет назад, чтобы сберечь кусок на голодный, чёрный день. Вот видишь, какие вы уже тогда были умные!

А знаешь, почему собака стала жить вместе с человеком?

Было это так.

Когда человек увидел, что собаки живут стаями, он тоже начал жить стаями. И так как такая человеческая стая убивала много-много зверей, вокруг её стойбища всегда было множество костей.

Увидели это собаки и сказали себе:

— Зачем мы будем охотиться на зверей, когда возле людей костей хоть завались!

И с тех пор начали собаки сопровождать людские кочевья, и так получилось, что люди и собаки живут вместе.

Теперь уже собака принадлежит не к собачьей стае, а к человеческой стае. Те люди, с которыми она живёт,— это её стая; потому-то она и любит их, как родных.

Вот, а теперь ступай побегай по лужайке — это твои прерии!

О людях

Ничего не поделаешь, Дашенька, уже скоро будешь ты жить у других людей. Вот и хочу я тебе коечто рассказать о людях.

Многие звери говорят, что человек зол, да и многие люди говорят то же, но ты этому не верь. Если бы человек был злым и бесчувственным, вы бы, собаки, не стали друзьями человека, остались бы дикими и жили в степях. Но раз вы с ним дружите, значит, он и тысячи лет назад гладил вас, и чесал вам за ухом, и кормил вас.

Есть разные виды людей.

Одни — большие, лают низким голосом, как гон-

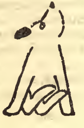
чие, и обычно у них есть борода. Их называют папами. Ты с ними водись — они вожаки среди людей, и потому иногда могут на тебя прикрикнуть, но, если ты будешь себя вести хорошо, они тебя ничем не обидят, а, наоборот, будут тебе чесать за ухом. Ты ведь это любишь, а?

Другой вид людей немного поменьше; лают они тоиким голосом, и мордочка у них гладкая и безволосая. Это мамы, и к ним ты, Дашенька, держись поближе, потому что они тебя и накормят, и шёрстку тебе расчешут, и вообще будут о тебе заботиться, гладить и не дадут тебя в обиду. Их передние лапки — это сама доброта.

Третий вид людей — совсем маленькие, чуть побольше тебя, и пищат и визжат, как щенята. Это дети, и ты с ними тоже водись. Дети для того и предназначены, чтобы играть с тобой, и дёргать тебя за хвост, и гоняться за тобой, и вообще устраивать всякие весёлые безобразия. Как видишь, в человеческой стае всё очень хорошо устроено.

Иногда будешь ты играть на улице с собаками, и будет тебе с ними хорошо и весело. Но как дома, Даша, как дома будешь ты себя чувствовать только среди людей. С людьми свяжет тебя что-то более чудесное и нежное, чем кровные узы. Это «что-то» называется доверием и любовью.

Ну, всё. Беги!

СОДЕРЖАНИЕ

Борис Заходер. О сказках Карела Чапека . . . 3

Почтальонская сказка 5
Разбойничья сказка 29
Птичья сказка 43
Большая полицейская сказка 52
Большая докторская сказка 78
О сулейманской принцессе 82
Случай с Лешим 92
Случай с гавловицким водяным 95
Случай с русалками 97
Собачья сказка 104
Сказка про водяных 115
Бродяжья сказка 123
Большая кошачья сказка 140
Как король покупал Неведому Зверушку —
Что кошка умела 149
Как сыщики ловили Волшебника 151
Как знаменитый Сидни Холл поймал Волшебника 162
Как судили Волшебника 182
Конец сказки 185

